

ШАХМАТНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ТОМ VI

ГУСТАВУС СЕЛЕНУС

ШАХМАТНАЯ, или КОРОЛЕВСКАЯ ИГРА

1616

Густавус Селенус

**Шахматная, или
Королевская, игра**

«Автор»

2026

Селенус Г.

Шахматная, или Королевская, игра / Г. Селенус — «Автор»,
2026

«Шахматная, или Королевская, игра» Густавуса Селенуса (1616) — памятник европейской шахматной литературы. Под этим именем писал герцог Август Младший, собравший знания о шахматах своего времени. История и легенды, правила и наставления, дебюты, комбинации и окончания раскрывают шахматную культуру начала XVII века. Отдельная часть посвящена ритмомахии — старинной игре числовых соотношений. Русское издание сопровождается современной шахматной нотацией, диаграммами, пояснениями и художественными иллюстрациями. Оформление передаёт облик старинной книги. При подготовке перевода использовались современные языковые модели. Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Шестой том серии «Шахматные памятники» предназначен для любителей шахмат, истории и редких книг.

© Селенус Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Густавус Селенус	9
Предисловие к русскому изданию	10
Титульные листы	11
Императорская привилегия	12
К читателю	13
Перечень авторов и книг, использованных в этом трактате либо приведённых в нём	15
На многоязычное и весьма ясное сочинение об игре в шахматы Густавуса Селенуса	17
В похвалу достопочтенному господину Густавусу Селенусу и его сочинению о шахматной игре. Мадригал Филиппа Хайнхофера, патриция города Аугсбурга	18
Другое стихотворение	19
Или так	20
Макароническое стихотворение	21
Шахматный поединок	22
О самом сочинении	23
Другое стихотворение того же автора. На эмблему, выгравированную на меди и помещённую перед сочинением	24
К автору. D. S. C.	25
Таблица, представляющая общий обзор шахматного искусства	26
Книга первая. Описание шахматной игры	27
Книга первая. Глава 1. О природе, характере и свойствах шахматного искусства	29
Глава 1. Продолжение: умеренность и польза игры	33
Глава 1. Продолжение: игра и человеческий характер	36
Глава 1. Продолжение: Филоколо и Садок	39
Глава 1. Окончание: ответы на возражения	41
Глава 2. Об изобретателях, писателях, искусных игроках и названии этой весьма искусной игры	43
Глава 2. Продолжение: игры греков	46
Глава 2. Продолжение: свидетельства Овидия и Марциала	48
Глава 2. Продолжение: устройство игры в камешки	49
Глава 2. Продолжение: нападение и защита	50
Глава 2. Продолжение: сходство древней и нынешней игры	51
Глава 2. Продолжение: авторы шахматных сочинений	52
Глава 2. Продолжение: рассказ Белона	53
Глава 2. Продолжение: названия фигур и свидетельства путешественников	54
Глава 2. Продолжение: свидетельство Триго	55
Глава 2. Продолжение: толкование описания китайских шахмат	56
Глава 2. Продолжение: распространение игры	57
Глава 2. Продолжение: отдельные любители игры	58
Глава 2. Продолжение: Буцекка и Манджолино	59
Глава 2. Продолжение: греческие и латинские названия	60
Глава 2. Продолжение: примеры словоупотребления	61

Глава 2. Продолжение: шах и королевская игра	62
Глава 2. Продолжение: Полидор Вергилий и Амербах	63
Глава 2. Окончание: предположение о немецком происхождении названия	64
Глава 3. О разделении этого искусства	66
Глава 3. Продолжение: практика и разновидности игры	67
Глава 3. Окончание: новая игра и устройство трактата	68
Глава 4. О шахматных фигурах, их названиях, числе и разделении, а также о шахматной доске вообще	69
Главные фигуры, солдаты и общественные должности	70
Изготовление фигур и устройство доски	71
Доска как поле битвы	72
Глава 5. О двух королях — чёрного и белого отрядов, об их местах и полях при начале игры и об их ходах	73
Особый прыжок короля	76
Девять полей прыжка короля	77
Образ короля в старом толковании шахмат	78
Целомудрие и воспитание наследника	80
Фигуры как опора королевства	81
Король и королева в старом толковании	82
Шах как требование справедливости	83
Глава 6. О королевах обоих отрядов, их расположении и ходах	84
Женщины-воительницы и происхождение королевы	87
Королева рядом с королём	89
О правой и левой стороне	90
Ещё одно объяснение Актія; движения королевы	91
Вторая цитата Актія и старинные ограничения	92
Королева и наследование престола	93
Добродетели королевы в старом толковании	94
Старинное движение королевы и его толкование	95
Глава 7. О ладьях, их расположении и ходах	96
Ладьи на краях построения	98
Прямые ходы и помощь королю	99
Ладья как наместник государя	101
Добродетели и власть наместников	102
Глава 8. О стрелках королей и королев: где их ставить, как ими ходить и почему в этой игре их считают лучше всадников	103
Знаменосцы, телохранители и стрелки	106
Движение по открытым диагоналям	107
Четыре направления и сравнение с всадником	108
Мат и действие на расстоянии	109
Поддержка солдат и совместная игра с ладьёй	112
Ловля фигур и преграждение пути	114
Судьи и советники короля	117
Защита труда, врачевание и разрешение тяжб	118
Возвращение к началу и совершенство совета	119
Глава девятая. О всадниках короля и королевы: какие поля они занимают в начале игры и как ходят	120
Ближний и дальний прыжки	122

От двух прыжков до восьми	123
Змейка, боковое движение и нападение на короля	124
Четыре преимущества и нравственное объяснение	125
Воинский опыт и товарищество	126
Добыча, мужество и обязанности защитника	127
Защита земледельца, ремесленника и государя	128
Испытание рыцарской силы	129
Глава десятая. О фигурах, поставленных перед главными фигурами и называемых в этом описании солдатами: об их расположении, ходе, достоинствах, пользе и преимуществах одних перед другими	132
Передний ряд войска	135
Первый прыжок и последующие шаги	136
Проход через занятый неприятелем рубеж	137
Стойкость передних рядов	138
Замена утраченной королевы	139
Возражение ограничительному обычаю	140
Превращение по полю и нападение пешек	141
Пешечное прикрытие	142
Прикрытие флангов и крайние пешки	143
Земля и обязанности земледельца	144
Ремесло и верность	146
Против зависти и подозрительности	148
Кормчие, мастера и писцы	149
Верность документам и согласие в городе	150
Дружба, целомудрие и правдивость	151
Весы, мера и кошель	152
Благодарность и врачебное знание	153
Искусство врача и причины болезни	154
Забота о теле и духе больного	156
Гостеприимство и сохранность гостя	157
Общее имущество и справедливость службы	158
Законные сборы и умеренность служителей	159
Восьмая пешка и расточительство	160
Гонцы, движение пешек и возвышение незнатных	161
Взаимные обязанности знатных и простых людей	163
Глава одиннадцатая. Особо о шахматной доске: как на ней размещают фигуры, о её делении и полях, а также о том, как прочно представить её себе и удержать в памяти	165
Расположение двух войск	166
Защита в исходной позиции	167
Две половины и четыре четверти доски	168
Названия полей и вертикалей	170
Запоминание доски	172
Числа и цвета полей	173
Цвета полей двух лагерей	175
Сквозная нумерация всех полей	176
Нумерация в следующих трёх книгах	177
Глава двенадцатая. О ближайшей цели этой искусной игры, а именно о победе и одолении противника	179

Свидетельства Аверроэса и Галена	180
Приложение	181
Объявление о шахматной игре при императорском дворе	182
Заключение придворных правил	183
Примечание о слове Tavola	184
Вторая книга описания шахматной игры	185
Глава первая. О средствах достижения победы в игре, в особенности о шахе и мате	187
Шесть средств ведения борьбы	188
Взятие и защита	189
Нападение на короля	190
Шах посредством открытия линии	191
Фигуры, дающие открытый шах	192
Мат и его разновидности	193
Король и военачальник	194
Авторская классификация	195
Исторические этимологические объяснения	196
Смысл слов и спор об их происхождении	197
Объявление нападения и обязанность защиты	198
Зачем произносят «шах и мат»	199
Когда мат не засчитывается или не достигается	200
Определение и примеры пата	201
Различия обычаев и возможность мата	205
Переход от нападения к защите	207
Устройство укрепления	208
Способы устранить шах	209
Прежнее право первого прыжка	210
Король в борьбе	211
Связка не позволяет королю войти под удар	212
Глава вторая. О двух игроках: как им пользоваться названными средствами и как к этому подготовиться	213
Участники игры	214
Зрители и советы	215
Глава третья. О чём ещё должны позаботиться шахматисты прежде, чем начнётся игра	217
Расстановка фигур	218
Игра с предоставлением преимущества	219
Первый ход и взаимные преимущества	220
Примеры взаимной форы: продолжение	221
Примеры взаимной форы: продолжение	222
Прыгающий ферзь	223
Как пользоваться преимуществом	224
Предварительное соглашение игроков	225
Глава четвёртая. Как игроку искусно и осмотрительно ходить своими фигурами, выводить их в поле против неприятеля, брать его фигуры, производить размены и, со своей стороны, защищаться	227
Неправильные ходы	228
О двух перемещениях за один ход	229
Осмотрительность при выборе хода	230

Продолжение наставлений об осмотрительности	231
Замысел и согласованность действий	232
Выведение фигур в поле	233
Развитие и нападение	234
О взятии фигур	235
Исправление неправильного взятия	236
Особое правило о пешках	237
Порядок пешек и особые условия взятий	240
О разменах	241
О защите собственного войска	242
Глава пятая. Как объявлять королю шах и ставить мат, а также как действовать королём и защищать его; и как надлежит поступать игрокам, когда под конец партии у обеих сторон остаётся мало фигур и силы равны	245
Продолжение правил о шахе	246
Конец ознакомительного фрагмента.	247

Густавус Селенус
Шахматная, или Королевская, игра

Густавус Селенус

Предисловие к русскому изданию

Дорогой читатель!

Перед вами шестой том серии «Шахматные памятники» — русский перевод «Шахматной, или Королевской, игры» Густавуса Селенуса, изданной в Лейпциге в 1616 году. Сочинение объединяет четыре книги о шахматах и приложение о ритмомахии — игре, в которой противоборствуют фигуры с числовыми значениями.

Уже в обращении к читателю слышен голос увлечённого собирателя знаний. Селенус рассказывает, как записи, сделанные в часы досуга, постепенно превратились в книгу. Он обращается к Рую Лопесу, к старым немецким рукописям, к античным и более близким ему по времени писателям. Его интересует и сама игра, и то место, которое она занимает в образованной жизни.

Современному читателю любопытно встретить автора, который заботится одновременно о новичке и об опытном игроке, объясняет своё многословие и разрешает торопливому читателю пропускать отдельные отступления. Мы стремимся сохранить эту обстоятельность и живую интонацию, не заменяя авторское изложение кратким пересказом.

Перевод подготовлен по немецкому изданию 1616 года. Авторское изложение сохранено; шахматные варианты сопровождаются современной русской нотацией и диаграммами. Особые исторические правила и спорные места поясняются в примечаниях. В приложении представлены числовые схемы ритмомахии.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. При подготовке перевода использовались современные языковые модели. Исторические гравюры дополнены современными художественными иллюстрациями, созданными с помощью искусственного интеллекта. Сюжетные сцены передают образы и идеи книги; образ автора основан на историческом портрете.

Желаем вам вдумчивого чтения и радости встречи с шахматной мыслью другой эпохи. Пусть эти страницы побуждают не только следить за автором, но и размышлять вместе с ним.

Титульные листы

Подробное описание шахматной, или королевской, игры.

Шахматная, или Королевская, игра. Густавуса Селенуса. В четырёх отдельных книгах, составленных с особым усердием, основательно и последовательно; украшенных также полезными гравюрами на меди. Подобного сочинения прежде не выходило. В конце к нему присоединена весьма древняя игра, называемая ритмомахией. С императорской привилегией на шесть лет. Лейпциг, 1616.

Императорская привилегия

Мы, Маттиас, Божией милостью избранный Римский император, во все времена приумножитель империи, король Германии, Венгрии, Богемии, Далмации, Хорватии и Славонии и прочая, эрцгерцог Австрийский, герцог Бургундии, Штирии, Каринтии, Крайны и Вюртемберга и прочая, граф Тирольский и прочая, открыто свидетельствуем настоящей грамотой и объявляем всем и каждому следующее.

Наш и империи любезный верный Геннинг Гросс Младший, книготорговец в Лейпциге, всеподданнейше представил нам и сообщил, что по настоянию знатных людей намерен за свой счёт напечатать и обнародовать «Шахматную, или Королевскую, игру», основательно и последовательно составленную Густавусом Селенусом в четырёх отдельных книгах с особым усердием и украшенную полезными гравюрами на меди, — труд, подобного которому прежде не выходило, — вместе с присоединённой в конце весьма древней игрой, называемой ритмомахией. Однако он должен опасаться, что другие тотчас перепечатают это сочинение ради собственной выгоды и к немалому его ущербу, лишив его тем самым справедливого вознаграждения, на которое он надеется за понесённые труды, работу и большие расходы. Поэтому названный Геннинг Гросс смиренно и усердно просил нас милостиво пожаловать ему для предотвращения этого нашу императорскую милость и привилегию.

Мы приняли во внимание эту подобающую всеподданнейшую просьбу Геннинга Гросса и оказали ему милость, даровав привилегию; настоящим, сознательно и властью Римского императора, в силу этой грамоты даруем ему право издать упомянутую «Шахматную, или Королевскую, игру» и ритмомахию с названными гравюрами указанным выше образом. В течение шести лет, следующих со дня выдачи этой грамоты, никто, кто бы он ни был, не должен перепечатывать это издание, рассылать, разносить, выставять на продажу или продавать его перепечатки, если предварительно не договорится на справедливых условиях с названным Геннингом Гроссом либо его наследниками и не получит их согласия.

Посему всем и каждому из подданных и верных наших и Священной империи, а также наших королевств, наследственных княжеств и земель, какого бы достоинства, сословия и положения они ни были, в особенности всем книгопечатникам, словолитчикам, изготовителям печатных листов и гравёрам на меди, мы строго повелеваем под страхом нашей немилости и наказания: ни вы сами, ни кто-либо из вас через другого не должны в течение указанных шести лет перепечатывать названное сочинение, которое Геннинг Гросс выпустит печатным текстом и гравюрами, разносить, выставять на продажу или продавать перепечатки либо разрешать это другим. Нарушителю грозят наша немилость, утрата напечатанного им издания и, кроме того, штраф в десять марок чистого золота, подлежащий неукоснительной уплате: половина — в нашу императорскую казну, другая половина — названному Геннингу Гроссу или его наследникам.

Геннинг Гросс либо его уполномоченные вправе, где бы они ни обнаружили такие перепечатки у кого-либо из вас, собственной властью и без всякого препятствия изъять их и поступить с ними по своему усмотрению; такое изъятие не должно вменяться им в вину. Однако названный Геннинг Гросс обязан за свой счёт выслать три экземпляра означенного издания в нашу Императорскую придворную канцелярию.

В удостоверение сего настоящая грамота скреплена нашей императорской тайной печатью. Дана в нашем королевском замке в Праге, в пятый день сентября 1615 года, в четвёртый год нашего римского, седьмой год венгерского и пятый год богемского правления.

Маттиас, собственноручно. Место печати. По личному повелению Священного Императорского Величества. V. L. von Ulm, собственноручно. I. R. Pucher, собственноручно.

К читателю

Автор нижеследующего сочинения, когда оказывался свободен от важных дел, порою, чтобы избежать праздности, записывал для собственной памяти некоторые правила, примеры и прочее, полезное для шахматной игры, к которой чувствовал известную склонность. Эти прежние записи делались без какого-либо порядка.

Хотя он никогда не намеревался превращать свои мысли в трактат, а тем менее отдавать их в печать, особенно памятуя и серьёзно обдумывая слова Сенеки, приведённые также Филиппом Камерарием в предисловии ко второй сотне «Досуговых часов»: «Всякий раз, когда собираешься что-либо написать, знай: ты даёшь людям собственноручное свидетельство о своих нравах и уме», — всё же по просьбе некоторых родственников и других рассудительных людей, которым эти мысли отчасти понравились, он постепенно привёл их в порядок. Наконец, спустя некоторое время, он решил отдать их в печать на родном языке, как поступают и другие народы, и поделиться ими с любителями этой игры, побуждая их к дальнейшему размышлению, свободно, отбросив вместе с царём Соломоном всякую ядовитую зависть и недоброжелательство (Прем. 6, ст. 24 в конце и 25). Он сделал это также затем, чтобы кто-нибудь не упрекнул его в чрезмерном усердии, называемом *morosa diligentia*, как Апеллес упрекал Протогена и как об этом говорится у Эразма Роттердамского применительно к Павлу Эмилию Веронскому и англичанину Томасу Линакру (книга VI «Апофтегм», 35). В начале этого трактата автор желает сообщить читателю следующие общие сведения.

Он воспользовался порядком, которого придерживался испанец Руй Лопес в своей шахматной книге: в отношении общего построения труда этот порядок показался ему довольно согласным с правилами методического изложения. Впрочем, в частном рассмотрении этого искусства Лопес далеко не достиг той же цели; кроме того, описания многочисленных способов игры и примеров были напечатаны весьма невнятно, ошибочно и неверно. К этому автор присоединил всё, что счёл полезным для своего замысла у признанных писателей и в старых рукописях, распространявшихся на немецком языке триста и более лет тому назад. Сделано это ради большей ясности и в особую похвалу древним немцам, его предкам: они во все времена деятельно проявляли себя настоящими, истинными мужами не только в серьёзных и доблестных делах, в изобретении и развитии превосходнейших искусств — о чём можно прочитать и у Маттиаса Квада фон Кинкельбаха в третьей главе и близ конца книги «О славе немецкой нации», — но и в занимательных развлечениях искали и умели проводить время достойно, а не беспутно.

Поэтому во многих местах он предпочёл включить в этот трактат подлинные слова авторов, как немецких, так и зарубежных, вместо собственных, если это было необходимо и уместно; и сделал это не без причины.

Слова старых немецких авторов он привёл прежде всего для удовольствия читателя, если тот пожелает насладиться старинным языком, а также чтобы показать их ревностное усердие: как настойчиво старались они применить эту игру к серьёзным предметам, к общественной и придворной жизни. Вместе с тем он попутно напоминает: если для чьего-либо взыскательного слуха эти слова звучат слишком грубо или если читатель пожелает, не теряя времени, заниматься только главным предметом, он может пропустить всё, что отмечено знаком » в конце каждой из глав с шестой по одиннадцатую первой книги, и тем быстрее двигаться дальше.

К подлинным словам иностранных авторов ему пришлось прибегать главным образом в первых двух главах первой книги. Во-первых, чтобы никто не имел повода сомневаться в их свидетельствах. Во-вторых, чтобы поиски цитируемых авторов, если бы их слова не были приведены здесь, не отвлекали читателя от этого занимательного искусства к серьёзным занятиям слишком рано и словно вопреки его желанию. Наконец, в-третьих, чтобы помочь тем,

кто хотел бы черпать воду из настоящего источника, но не может обратиться к цитируемым авторам: находясь вдали от дома, будучи занят делами, не имея их книг или не понимая их языка. По этой последней причине большая часть приведённых мест переведена на немецкий.

Далее, автор по возможности сообразовывал манеру письма с задуманным трудом и его предметом, желая принести пользу как начинающему, так и опытному шахматисту. Если в некоторых местах он покажется тёмным и непонятным, начинающим и неопытным не следует из-за этого падать духом: при прилежном и последовательном изучении они в конце концов смогут понять и усвоить его мысль. Если же он покажется чересчур ясным и простым, опытным шахматистам следует помнить, что и здесь остаётся над чем подумать, а автор приспособлялся к начинающим, чтобы поддержать в них охоту к игре.

Если кто-нибудь станет упрекать автора в излишней пространности при рассмотрении не столь уж важного предмета, то прежде всего он следовал совету Плиния Младшего из шестого письма пятой книги, приведённому Луисом де Алькасаром, севильским богословом Общества Иисуса, в «Исследовании сокровенного смысла Апокалипсиса», том I, страница 22: «Первой обязанностью писателя я считаю перечитывать собственное заглавие и постоянно спрашивать себя, что именно он принялся писать; и знать, что, пока он держится своего предмета, он не многословен, но становится чрезвычайно многословным, если что-нибудь притягивает и добавляет извне. Краток тот, кто выполняет задуманное. Ведь здесь перед нами не отступление, а само сочинение. Если мы не говорим ничего постороннего и как бы уводящего в сторону, то велико не письмо, которое описывает, а предмет, который описывается». Ту же мысль Марциал выразил в следующем стихе: «Не длинно то, из чего ничего нельзя убрать».

Не назовёшь чрезмерно длинным то, из чего нельзя убавить ни волоска.

Во-вторых, вместе с Франческо Филельфо он полагает, что должное следует воздавать не одним лишь великим, но и малым предметам, тем более желая сохранить за ними их достоинство. «Не только тот, — пишет Филельфо в первой книге “Пиршеств”, — достоин похвалы и восхищения, кто в великих делах проявляет себя великим и славным; гораздо более достоин их тот, кто вещи, называемые малыми, делает величайшими и блистательнейшими. Для великого и выдающегося мужа ничто не может быть ни малым, ни низким. Мне кажется, каждый поступает правильно тогда, когда всё делает сообразно своему достоинству».

На это обратил внимание и один знатный человек из числа аугсбургских дуумвиров, когда ему однажды показали нижеследующий трактат, тогда ещё лишь отчасти набросанный. Вместо отзыва он записал на обложке следующие стихи Вергилия: «Труд — над малым, но не малая слава, если позволят неблагосклонные божества и внемлет призванный Аполлон». Насколько благосклонно Аполлон взирал на автора — если христианину подобает так говорить или хотя бы прибегать к подобной аллюзии, — пусть каждый добрый человек решит по справедливому суждению об этом искусстве.

Написано в Етцельфлисе (Jetzelfließ), 25 июля 1616 года.

Перечень авторов и книг, использованных в этом трактате либо приведённых в нём

А. Томас Актий из Фоссомброне (Thomas Actius, Foro-Sempronensis). Луис де Алькасар, севилец (Luisius ab Alcassar, Hispalensis). Александр из Александра (Alexander ab Alexandro). Амаат Лузитанский (Amatus, Lusitanus). Вит Амербах (Vitus Amerbachius). Брат Конрад фон Амменхаузен (Fr. Cunrad von Ammenhusen). Иоанн Андреа (Joannes Andrea). Андрей, регенсбургский священник (Andreas, Presbyter Ratisponensis). Апомасар, иначе Альбомазар (Aromasar: alij, Albomazar). Аппион Александрийский (Appion, Alexandrinus). Архидиакон (Archidiaconus). Аристотель. Артемидор Далдианский. Афиней. Аверроэс Кордовский, Комментатор. Августин де Анджелис (Augustinus ad Angelum). Авсоний Бурдигальский.

В. Франческо Бароцци, венецианец (Francesco Barozzi, Venetiano). Баварская хроника, две рукописи (Bavarica Chronica, Mss. duo). Пьер Белон из Ле-Мана (Petrus Bellonius, Cenomanus). Корнелий Бенинкас (Cornelius Benincassus). Мессер Франческо Берни. Иоганн Бертахин (Johannes Bertachinus). Священная Библия. Пётр Бизарр (Petrus Bizarrus). Джованни Боккаччо. Иоанн Александр Брассикан (Joannes Alexander Brassicanus). Вацлав Будовец из Будова (Wenceslaus Budowitz, à Budowa). Бартоломео Буркелато (Bartholomeo Burchelato). Клод Бюксер, дофинец (Claudius Buxerius, Delphinus).

С. Иоанн Баптиста Каччалуп (Joannes Baptista, Caccialupus). Целий Кальканьин (Cælius Calcagninus). Филипп Камерарий. Баптиста Кампофульгос (Baptista Campofulgus). Иоанн Карион (Joannes Cario). Марк Аврелий Кассиодор. Винцентий Кастеллион (Vincentius Castellionius). Граф Бальдассаре Кастильоне (Balthasar Castilionius Comes). Павел де Кастро. Катулл. Брат Доменико Кавалька. Давид Хитрей. Цицерон. Юлий Клар (Julius Clarus). Карл Клузий из Арраса (Carolus Clusius, Atrebas). Ян Кохановский, поляк (Johannes Cochranovius, Polonus). Кодекс императора Юстиниана. Герман Расслабленный (Hermannus Contractus). Ян Корнарий (Janus Cornarius). Стефан Коста (Stephanus Costa). Кратин. Жак Кюжа (Jacobus Cujacius).

Д. Йос де Дамхаудер (Jodocus Damhouderius). Дамиано, португалец (Damiano, Porthugese). Ламберт Дано (Lambertus Daneus). Данте Алигьери. Дигесты. Маттеус Дрессер (Matthæus Dreserus). Грегорио Дукки, брешианец (Gregorio Ducchi, Bresciano).

Е. Эмпедокл Агригентский. Дезидерий Эразм Роттердамский. Еврипид. Евстафий.

Ф. Жак Лефевр из Этапля (Jacobus Faber, Stapulensis). Секст Помпей Фест. Оронций Финей, дофинец (Orontius Finæus, Delphinus). Маттиас Флаций Иллирийский. Марквард Фреер (Marquardus Freherus). Никодем Фришлин. Секст Юлий Фронтин.

Г. Гален. Папа Гильберт (Gilbertus Papa). Козимо Грачино, флорентиец (Cosmo Gracino, Fiorentino). Козьма Гимье, парижанин (Cosmas Guimier, Parisinus).

Н. Пётр Гейгий (Petrus Heigius). Геродот Галикарнасский. Гесихий, грамматик и историк. Евсевий Иероним Стридонский. Гиппократ. Гомер. Гораций. Якоб Хорст (Jacobus Horstius). Цельс Гуго (Celsus Hugo).

И. Яков I, король Великобритании. Иннокентий IV. Паоло Джовио, епископ Ночеры (Paulus Jovius, Episcopus Nucerinus). Адриан Юний (Hadrianus Junius). Пасхазий Юст из Экло (Pascasius Justus, Ecloviensis).

К. Генрих Кнаууст (Henricus Knaustinus). Альберт Кранц (Albertus Krantzius).

Л. Дионисий Ламбин (Dionysius Lambinus). Иоанн Лангий (Joannes Langius). Бернхард Лаврентий (Bernhardus Laurentius). Левин Лемний. Лициний Муциан. Юст Липсий. Ливий. Грегорио Лопес де Товар (Gregorius Lopez, à Touar). Руй Лопес. Лютер.

М. Макробий. Иоанн Магнус и Олаф Магнус, архиепископы Упсальские. Магомет (Mahometh). Симон Майол, епископ Вольтурары (Simon Majolus, Episcopus Vulturariensis). Марциал. Пётр Мартир Английский. Валерий Максим. Меланхтон. Якоб Меннель. Бартоломео Мерула. Иоанн Пётр Месмий, марс (Johannes Petrus Mesmius, Marsianus). Метелл Терензийский. Якоб Мицилл (Jacobus Micyllus). Иоанн Томас Минадой (Johannes Thomas Minadous). Томас Мор.

N. Якоб Наварр, испанец (Jacobus Navarrus, Hispanus).

O. Павел Одерборн (Paulus Oderbornius). Николай Орестин (Nicolaus Orestinus). Гарсия да Орта. Овидий.

P. Феликс Пачотт (Felix Paciottus). Павсаний. Петроний Арбитр. Каспар Пейцер. Франческо Филельфо. Франческо Пикколомини. Ахилл Пирминий Гассар (Achilles Pirminius, Gassarus). Платон. Плавт. Гай Плиний Цецилий. Гай Плиний Секунд. Юлий Поллукс. Полибий. Полидор Вергилий. Помпоний. Якоб Понтан (Jacobus Pontanus). Генрих Порсий (Henricus Porsius). Препозит (Præpositus). Антоний де Прато, тридентец (Antonius de Prato, Tridentinus). Прокопий. Якоб Публиций, флорентиец (Jacobus Publicius, Florentinus). Парис дель Поццо (Paris de Puteo). Пифагор.

Q. Маттиас Квад фон Кинкельбах. Квинтилиан.

R. Разес (Rasis). Иоанн Равизий Текстор. Рейнер Рейнекций. Целий Родигин. Маттеус Риций (Matthæus Ricius). Розеллий де Розеллис (Rosellius de Rosellis). Бернардин Руций (Bernhardinus Rutilius).

S. Артур Сол, англичанин (Arthur Saul, Anglus). Иосиф Скалигер. Сенека. Эмануэль Соарес (Emanuel Soarez). Роберт Этьенн (Robertus Stephanus). Джованбаттиста Строцци.

T. Корнелий Тацит. Торквато Тассо. Брат Якоб де Тессалис (Fr. Jacobus, de Tessalis). Франциск Тидикей (Franciscus Tidicæus). Брат Якопо да Тоди. Николай Тригантий (Nicolaus Trigantius). Туччо (Il Tuccio). Адриан Тюрнеб (Adrianus Turnebus).

V. Марк Теренций Варрон. Иероним Вида. Джованни Виллани. Вергилий. Рафаэль Вольтерран.

W. Иоганн Якоби фон Вальхаузен. Лукас Вилий (Lucas Wielius). Иоганн Вейер (Johannes Wierus).

X. Ксенофонт.

Z. Джироламо Дзанукки из Конельяно (Girolamo Zanucchi, da Conigliano). Зенодот. Теодор Цвингер.

На многоязычное и весьма ясное сочинение об игре в шахматы Густавуса Селенуса

Прочь, стаканчик для костей, игральные кости и жребий! Думаю, в ваших забавах нет ничего возвышенного. Прочь, акробаты, прочь, канатоходцы: ещё пустее пустого игры, которые вы показываете! Удалитесь, те, кого Платон изгоняет из государства; прочь, наставники гладиаторов, бойцы со зверями и борцы! Кровавые зрелища вы даёте жестоким театрам.

Сюда же с радостью обратите взоры и души. Вот Густавус Селенус представляет битву без убийств, без крови; в ней господствует пронизательный ум, а слепой жребий не заявляет ни малейших прав. Ничего не приписывает себе случай, ничего — переменчивый бросок: лишь неусыпная изобретательность приказывает воинам своей дружины идти вперёд, возвращаться или низвергать врага. Одна дружина чёрная, другая белая; с равным числом вооружённых воинов каждый король выходит в боевой строй. Чёрный — эфиоп, опалённый тяжким жаром Сириуса; белый приходит на поле с севера. Каждый ведёт рядом супругу, пеших воинов, коней с роговыми копытами, слонов, копейщиков и стрелков с колчанами: они непрестанно оберегают невредимого вождя, свободно шагающего по полю, и собственной смертью защищают его жизнь.

Начинается схватка. После тысячи опасностей победу и пальмовую ветвь получает тот, у кого был наиболее искусный предводитель. Другой, запертый в углу, позорно скрывается. Не ошибаюсь ли я? Эта битва фигур изображает превратности, тяготы и случайности человеческой жизни, которые можно облегчить заботой и предусмотрительностью; смертным дозволено противостоять суровой судьбе.

Г. Ремус. J. C. P. A. В Нюрнберге.

**В похвалу достопочтенному господину Густавусу
Селенусу и его сочинению о шахматной игре. Мадригал
Филиппа Хайнхофера, патриция города Аугсбурга**

К увлекательным битвам, к милосердному возмездию, к притворным нападениям и мнимым завоеваниям на тесном поле, на книжных страницах, о Густавус Селенус, ты приучаешь искусство. Но этими прелестными образами ты открыл уму и искусству путь к воинским занятиям и славному пылу. Ведь часто игра — обольстительный обман — влечёт благородные сердца к оружию, а вымысел — к действительности.

Другое стихотворение

В городе повелевать воинственными вооружёнными отрядами, мгновенно и быстро менять их места, обращать их смелыми и грозными то вперёд, то по сторонам, куда потребует нужда; встречать неприятельские ряды с бесстрашным и стойким сердцем, замышляя тысячу хитростей и столько же совершая к посрамлению вражеских знамён; сколькими способами можно доблестно побеждать разумом и искусством коней и пешек в мнимой войне — всему этому здесь учат каждого. Внимательно присмотришься: ты скажешь, что на этих страницах действует тот, чьё славное имя наполняет землю.

Или так

Шахматы, словно вы прогоняете всякую заботу! Игра одного лишь ума, не случая, соразмерный и удивительный образ человеческого положения и земной власти. Человека, который рождается гордым среди животных, порою червь отправляет в могилу; так и смелая пешка или отважный слон нередко норовят отнять скипетр у короля. Пожирающее время уже положило тебе тесные пределы, а пагубная новизна привела вместо тебя карты и кости. Ныне милосердное небо, благосклонная Луна, в прекрасном городе восстановят тебя в прежнем состоянии трудом и усердием нового Августа.

Макароническое стихотворение

Пока ты играешь в шахматы, мы видим, как Феб останавливает колесницу и рассматривает твои ходы. Он их отмечает и вдруг мчится по свету, громогласно возвещая, что в шахматной игре нет тебе равного, что в этой игре ты превосходишь великого Лисандра: всех побеждая, ты повсюду слависься победителем.

Шахматный поединок

Следующие итальянские стихи автор пожелал присоединить к предыдущим итальянским стихотворениям ради их остроумного замысла и для удовольствия читателя. «Шахматный поединок». Извлечён превосходным господином Бартоломео Буркелато из одной оды Туччо. Славному господину Уанни Бомбене.

Славный Бомбене, велико моё желание выйти с тобой на поле дерзкой битвы, с пехотинцами, конниками, князьями и героями. Здесь стоят тяжёлые и лёгкие воины из самшита: смелые, готовые, они ждут движения, чтобы выступить, услышав трубу. И хотя ты стремишься нанести мне обиду и позор чёрными конниками и тёмными пешими, бери какие хочешь — мне всё равно. Я, именуемый Суровым среди Заговорщиков, если, по своему обыкновению, пойду на тебя яростным приступом, намерен унести добычу, награду и славу. Кто осмелится шагнуть или прыгнуть против моих крепких, снабжённых всем необходимым башен и не падёт, как эмаль, отпавшая от золота? Мой король придёт окончить этот спор вместе со своей бесстрашной верной супругой.

Он не уstraшитcя, будь противником Юпитер или Дит. Если его могучая и сильная королева гордо выступит с вооружёнными рядами, какому врагу не принесёт она смерти? Мало поможет конь, ещё меньше — лучник: скоро ты увидишь, как мои военачальники рубящими и колющими ударами повергают твоих. Не столько истребил илионцев свирепый и доблестный сын Пелея, когда слышались последние стоны Гектора, сколько истреблю я, если теперь сойду с тобой и выставлю свои ряды против твоих. Ах, какая сеча, какой разгром!

Итак, если желаешь сражаться, приготовь своих чёрных воинов, распорядись всем; пусть твоё войско встретится с моим. Я явился сюда с восемью пешками, двумя башнями, двумя стрелками и двумя скакунами, с белым королём, снаряжённым вместе со своей госпожой. С этими смелыми белыми воинами я войду в твои пределы и за твои ограды; хочу низвергнуть пеших и конных. Тогда, Бомбен, увидишь своих воинов разбитыми и мёртвыми, увидишь, как терзается король и просит прощения за прежние ошибки.

Ты смеёшься? Думаешь, я высасываю эти мысли из пальца? Что это сказки или сны, которые ясная заря или солнце рассеют и уничтожат? Я взял в плен больше сотни бойцов, и, побеждённые, они оставили мне всё снаряжение и оружие. Не знаю, ещё ли ты бредишь или спишь. Пусть приходят испанцы или смуглые эфиопы, даже если приведут войско Дария и сам Юпитер вооружит их для войны. Если хочешь себе Бальди — пусть приходит, я не бегу. Хочешь ещё и судью? Бери: я уже желаю выйти со своими людьми на поле.

Я уверен и не сомневаюсь: этот мой могучий всадник нападёт на твоих, повергнет их и прольёт поток крови. Не верь заранее, пока сам не увидишь, чего стоит моё грозное копьё и как оно, отягчённое добычей, возвращается к своим. Ведь часто посреди битвы я беру неприятельского предводителя; и такая бывает сеча, какой не видели при Фарсале. Но чтобы я не показался тебе пустым Фрасоном и ты не подумал, будто я хвастаюсь без основания, расставь своих здесь, на этом пёстром поле: я покажу тебе, чего и сколько стою.

О самом сочинении

Эти страницы являют искусный ум и благородную волю к делу. Мом, маленький насмешник, дай нечто лучшее! Иоанн Шварц, правовед, один из близких друзей автора.

Другое стихотворение того же автора. На эмблему, выгравированную на меди и помещённую перед сочинением

Человеческий ум непостоянен и сам по себе не стремится к правому: скорее бросается к запретному, свысока презирая добро. Немногие желают прожить жизнь добродетельно; предпочитают предаваться удовольствиям и запретным занятиям. Особенно юность не знает, как ей управлять собой по разуму. Роскошь, вино и Венера повсюду властвуют широко; немногие отказывают своим желаниям, и потому кости многих раздевают догола; воинские станы давно предались порокам. Мы забавляемся поступками и шутим нелепыми словами.

В числе других это увидел и изумился Паламёд, проникательный заботой. Следуя к троянскому стану, он старался обуздать порывы необузданного воина разнообразными изобретениями, чьи тайны никому не были доступны. Он обучил воинов этим занятиям, чтобы они могли коротать время на поприще Марса, занимаясь подобиями войны: показывал им остроумные изображения шахмат, с помощью которых они могли воспроизводить образ войны и соединять серьёзное с игрой. Двухцветными фалангами выстраивали они боевые ряды и пробовали вступать в состязания пешими либо конными. Лучше закончить этот шуточный спор он не мог.

Первая слава принадлежит Паламеду, создавшему учёную шахматную игру; следующая — Селенусу, который первым для родины проникательно раскрыл практику этого состязания и снабдил всё разнообразными примерами. Поставь, если можешь, это яйцо стоймя, без наставления Колумба; если же не можешь — оставь, пустейшая зависть!

К автору. D. S. C.

Любезнейший из потомков Туистона, связанный с Манном древнейшим родом! Создаёшь ли ты подобие битвы под оружием, понуждаешь ли быстрых коней к бегу, сдерживаешь ли их или легко поворачиваешь поводом; состязаешься ли метательным оружием, мечом и копьём или торжествуешь, завоевав венок в состязании с подвешенным кольцом; свободный ли от забот разыгрываешь весёлые шахматные сражения; или сам пытаешься яснее объяснить их нам в этой изящной новой книжке, только что отполированной сухой пемзой, — во всей этой более спокойной жизни, которой ты наслаждаешься, ты достаточно показываешь, насколько готовы будут твой воинственный ум и отважное сердце к более суровому времени, если вдруг Эриния, жестокая богиня, поразит родные пределы более серьёзной битвой. О храбрейший из потомков Туистона, связанный с Манном древнейшим родом!

Маттиас Бёртий. J. U. L.

Таблица, представляющая общий обзор шахматного искусства

В нижеследующем трактате шахматная игра рассматривается либо в общем роде, через общие предварительные сведения, либо в отдельных видах, через их разделение.

Общие предварительные сведения бывают преимущественно внутренними или внешними. Внутренние касаются рода, предполагаемой цели, начал, свойств, применения, сродных и противоположных предметов — книга I, глава 1. Внешние касаются происхождения и изобретателей — книга I, глава 2.

При разделении на виды различаются: более новая и совершенная игра — книга I, глава 3; более старая и древнейшая — о них книга IV, главы 9 и 10. Далее рассматривается та более новая игра, которая употребляется в наше время, как мерило остальных.

Собственные предварительные сведения об этой игре: предмет, которым пользуется искусство, и искомая цель — книга I, глава 12. Предмет рассматривается в общем — книга I, глава 4; в частности — шахматные фигуры, книга I, главы 5–11, и доска, книга I, глава 11.

Средства, ведущие нас к искомой цели, рассматриваются по их природе — книга II, глава 1; по их носителю, то есть игрокам: пригодность и необходимые качества для начала игры — книга II, глава 2; обязанности игроков относительно приготовлений к игре — книга II, глава 3.

Применение средств бывает первоначальным — посредством положений, или правил, правильного пользования средствами, книга II, главы 4 и 5; и производным — посредством подготовки к следующим далее разнообразным способам игры, книга II, глава 6, которые полнее показывают частное применение.

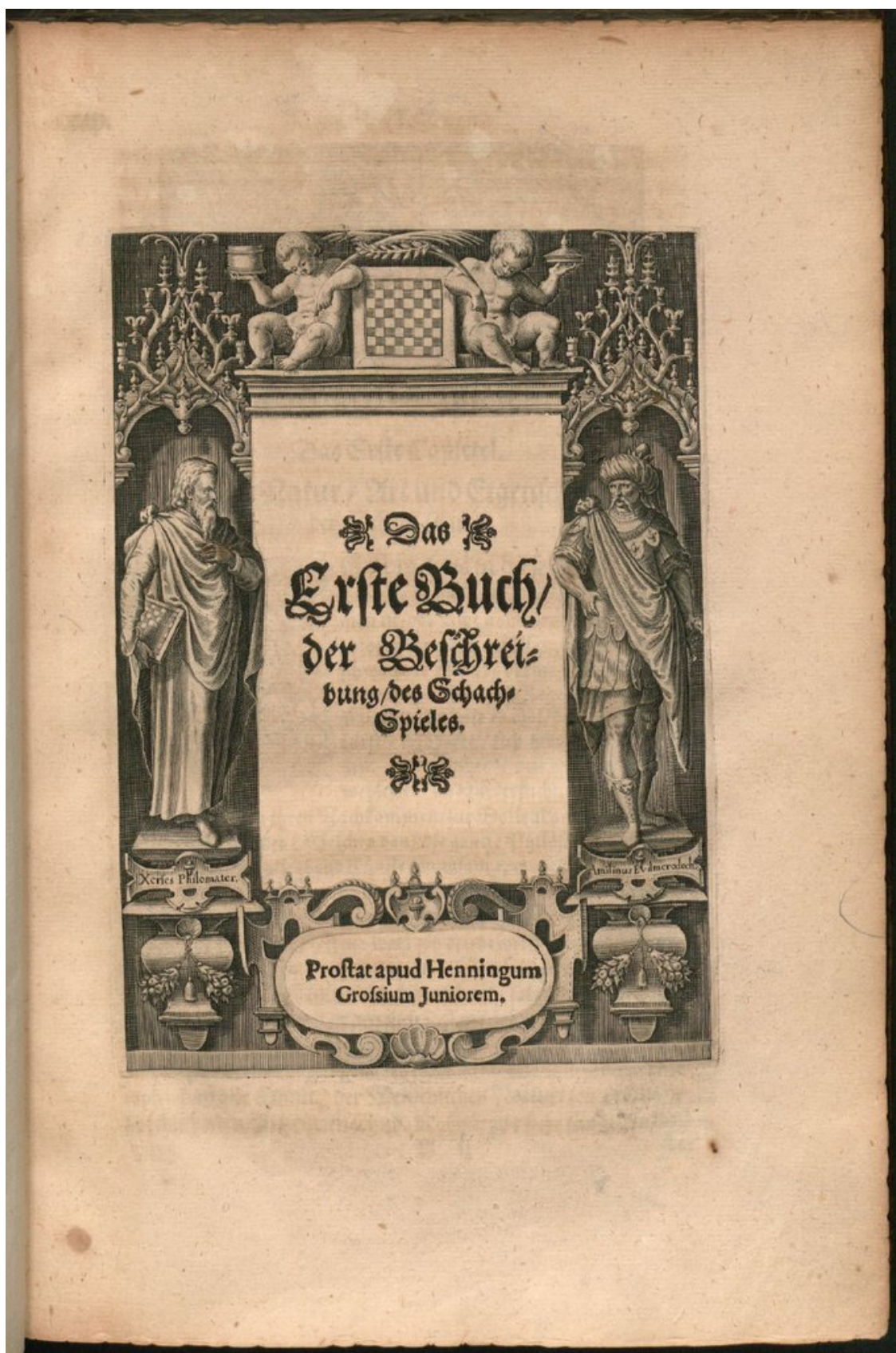
Разделение способов игры изложено в книге II, главе 7. Они бывают общими и более употребительными, разделёнными на три класса, либо особыми и установленными соглашением; некоторые примеры последних приведены в книге IV, главах 1–8.

Первый класс общих способов включает в себе восемь основных способов. Семь из них содержатся в книге II, от главы 8 до конца книги; восьмой — в книге III, главах 1–10. Сюда же относится менее основной способ, содержащийся в книге III, главе 10. Второй класс описывается в книге III, главах 11 и 12. Третий, менее правильный, содержится в книге III, главе 13.

Книга первая. Описание шахматной игры

Первая книга описания шахматной игры. Продаётся у Геннинга Гросса Младшего.

Подписи к фигурам на титульной гравюре: «Ксеркс Филоматер»; «Амилин Эвилмеродах».

Книга первая. Глава 1. О природе, характере и свойствах шахматного искусства

Нет в этом мире ничего, что следовало бы предпринимать с рассудком и пониманием и что не требовало бы непременно обращения к искусству. Ибо ослабленная природа не может без определённого порядка, установлений, правил, меры и способов проявлять себя так, как требует необходимость самого дела. Поэтому с течением времени мудрейшие и превосходнейшие люди изобрели искусства, а их потомки далее довели их до совершенства. Вся философия и происходящие из неё разнообразные искусства достаточно это доказывают.

Сообразно этому мы хорошо начнём наш замысел, если положим, что шахматная игра также есть искусство; доказательство, как мы надеемся, принесёт само сочинение. Прежде всего оно раскрывает нам природу и особенности этой игры, а затем указывает меру и способ, каким можно последовательно её постигать, преподавать и изучать.

Что касается первого, Аристотель во вступлении к «Метафизике» говорит, что все искусства служат врачеванием человеческих нужд и недостатков. Нередко случается, что человеческие души устают и изнемогают от непрестанной работы и труда, а также приходят в тревогу и смятение от разнообразных превратностей судьбы. При этом душа не может пребывать в бездействии: она всегда беспокойна; если ей нечем заняться в серьёзных делах, внутри и снаружи найдётся немало такого, что может увлечь её на побочные и ложные пути.

Против этого предусмотрительная природа ввела не только сон, но и дала разнообразные побуждения к приятной музыке, развлечениям и игре. Искусство, как усердная служительница и последовательница природы, приняло это во внимание и для содействия намерениям своей госпожи вывело на свет и на всеобщее обозрение многообразные способы развлечения, среди которых и эта превосходная игра. Впоследствии немало знатных людей занимались ими с особенной пользой и умели хорошо их применять. Отсюда ясно следует, что ни игра сама по себе, ни её изобретение и упражнение в ней, ни игроки сами по себе не заслуживают порицания и отвержения.

С этим вполне согласен Пасхазий Юст из Экло, доктор философии и медицины, в посвящённом письме к своим книгам «Об игре в кости, или Об исцелении страсти к игре на деньги», изданным в 1560 году. Его слова, поскольку они весьма поясняют нашу мысль и отчасти касаются шахмат, мы с полным основанием приводим здесь.

Латинская цитата: «Однако я вовсе не порицаю игру, которой занимаются без алчности, без всякой страсти и душевного смятения, соблюдая время и меру, ради облегчения печалей или трудов; клянусь Геркулесом, не более, чем пение под кифару, досуг, сон или иные виды отдыха после исполнения более важных и серьёзных дел. Ведь и первоначальное изобретение игры в кости не считалось порочным: рассказывают, что лидийцы изобрели кости, а также бабки и игру в мяч ради разнообразия, чтобы легче переносить голод. И латрункули, которые в народе называют шахматами, были, говорят, изобретены для того, чтобы воины проводили досуг при долгой осаде. Но и Гораций говорит: не стыдно было играть, стыдно не прервать игру. Добрые мужи — Катон, Порций — играли в кости, также Домициан и Клавдиан, который даже издал книгу об этом искусстве. И император Вер, и Август; Мecenат же и Квинт Гальба играли в латрункули. Цезарь, Сцевола и некий Тициний, о котором пишет Цицерон, были отличными игроками в мяч».

То есть: «Я не отвергаю игру совершенно, особенно когда ею занимаются без жадности и волнения души, в надлежащее время и с известной умеренностью, в том числе люди, отягощённые печалью, чтобы развеселиться и отдохнуть; подобно тому как после исполнения важных и значительных дел развлекаются игрой на струнах или пользуются досугом, сном и иным

отдыхом. Ведь пишут, что первоначальное изобретение игры не было направлено к дурной и порочной цели: лидийцы будто бы изобрели разнообразные игры для перемены занятий, чтобы тем легче переносить голод. Так и игра в камни, которую обычно называют шахматами, была изобретена затем, чтобы солдаты во время долгой осады могли лучше проводить время и избегать праздности. Поэт Гораций также пишет, что постыдно не сама игра, а неумение соблюдать в ней меру. Кроме того, играли и знатные люди: Катон, Порций, Домициан, Клавдиан, написавший книгу об игровом искусстве, императоры Вер и Август; Мecenат же и Квинт Гальба играли также в шахматы. Цезарь, Сцевола и Тициний были превосходными игроками в мяч».

Итак, следует хорошо и внимательно помнить: во-первых, во всей этой игре прежде всего нужно иметь в виду и искать не что иное, как развлечение, удовольствие и освобождение души — её последнюю и собственную цель. Во-вторых, именно это и есть произведение, которое данное искусство должно создавать и оставлять после себя, подобно музыке, тогда как строительное и другие искусства оставляют после совершённого труда дом или иное свойственное им произведение. Отсюда видно далее, что шахматное искусство относится к тем искусствам, которые по-латыни называют *disciplinæ factivæ*, а точнее, одним словом — *artes*; их действие покоится на определённой форме и опыте.

Что касается здесь формы и устройства, отчасти они происходят из математики, из которой, как свидетельствует Платон, проистекают все искусства: именно из геометрии, или искусства измерения, происходят мера и разделение, а из арифметики, или искусства счёта, — число. Отчасти же они происходят из физики, или учения о природе, доставляющей числам, мерам и разделениям материю. Впрочем, в этой игре можно мысленно отвлечься от материального предмета, если при хорошей памяти прочно представить его себе. Но об этом, то есть как играть в уме наизусть без доски, для лучшего понимания будет сказано далее, в одиннадцатой главе этой книги.

Главным же образом она имеет своё основание в этике, то есть учении о нравах, в политике, то есть искусстве управления, и в особенности в полемике, то есть военном искусстве: это ясно из того, что многие её правила и законы находят в них основания и причины. Отсюда и произошло, что наше искусство вновь было применено ко всем упомянутым областям, но преимущественно — к названному военному искусству, как вскоре будет показано.

Опыт же, или опытность, заключается в употреблении и несомненном наглядном свидетельстве; об этом в своё время. Из всего сказанного проистекают прекрасные свойства и полезные действия, которые мы намерены перечислить по порядку.

Первое: это искусство подчинено одному лишь разуму, а не случаю. С этим согласуется глосса к Auth. Interdicimus, C. de Episcopis et Clericis: «Шахматная игра основывается на природном уме и не вверяется силам фортуны». Эти слова повторяет Козьма Гимье, парижанин, в «Прагматической санкции», в разделе о недопустимости зрелищ в церквях, лист 365, лицевая сторона, столбец 2. Привести основание этого утверждения после сказанного нетрудно. Насколько всё же случай имеет место в исходе и завершении игры, можно достаточно узнать у Франческо Пикколомини, «Нравственная философия», ступень 5, глава 54, в конце.

Второе: вследствие высокой цели, названной в самом начале, а также вследствие полезных свойств, о которых будет сказано далее, это искусство с полным основанием относят, подобно музыке, к свободным искусствам, называемым латинянами *ingenuæ*. Поэтому и древние справедливо весьма высоко его ценили и почитали: «лучшими людьми оно было в высшей степени почитаемо и прославляемо величайшими почестями», как говорит Александр из Александра в третьей книге «*Geniales dies*», главе 21. Оно допускается также духовными и гражданскими законами.

Об этом свидетельствуют: Стефан Коста, доктор обоих прав, в трактате «Об игре», напечатанном в Павии в 1478 году; Козьма Гимье в указанном месте; Иннокентий к главе Lator, De homicidio; Иоанн Андреа к главе Clerici, De vita et honestate clericorum; Гуго, Лаврентий, Архи-

диакон и Препозит к главе *Episcopus*, различие 35; Юлий Клар, книга 5 *Sententiae receptae* («Принятые мнения»), § *Ludus* («Игра»), № 2; Августин *ad Angelum*, *De maleficiis*, при словах *Meridore de mali dadī*, № 3; Бертахин в трактате *De episcopo*, часть 1, о конечной причине, вопрос 7; Розеллий де Розеллис, среди различных уголовных консультаций, консультация 46, № 5, книга 1. Грегорио Лопес де Товар особенно удачно выразил основание этого в глоссе к закону 57, титулу 5 первой Партиды, лист 49, оборот, столбец 2: эта игра предназначена для удовольствия и упражнения ума, и на это должно быть направлено её правильное употребление.

Третье: подобно тому как другие искусные игры представляют собой приятное подражание серьёзному занятию, эта игра есть не что иное, как остроумное и занимательное изображение настоящего полевого сражения. Поэтому римляне не без основания называли её *ludus latronum*, то есть солдатской игрой; подробнее об этом можно будет прочесть в следующей, второй главе.

На это свойство обращали внимание индийцы, персы, египтяне и арабы, толкуя сны о шахматной игре. Согласно их учению Апомасар, греческий писатель, говорит об этом в главе 241 своего краткого толкования и объяснения сновидений: «Если человеку снится, что он играет в шахматы с другим, знакомым ему человеком, они будут играть ради выигрыша; кто выигрывает во сне, тот будет выигрывать и наяву, и его желание осуществится. Если же он играет с незнакомцем, ему предстоит спорить с врагами, однако без кровопролития; кто побеждает во сне, тот одолеет другого».

«Если королю, могущественному человеку или военачальнику снится, что он играет в шахматы, это означает, что ему предстоит сражение с врагом: он может наверняка его ожидать. Если он выиграл во сне, то и на войне всё пойдёт по его желанию; если же был побеждён, то и на войне его одолеют враги. Если ему снится, что он берёт в игре много фигур, он захватит множество неприятелей в плен; в противном случае случится обратное. Однако это столкновение не будет касаться главного дела. Если королю, могущественному человеку или военачальнику снится, что его шахматный набор потерян или разбит, он потеряет войско и попадёт в великое несчастье».

Хотя Артемидор Далдианский, греческий философ, в третьей книге «Толкования сновидений», главе 56, весьма далеко отступает от этого объяснения — быть может, потому, что слишком много имел в виду некоторые неправильные игры, — всё же поместим здесь и его толкования снов в латинском переводе врача Яна Корнария.

Латинская цитата: «Если тому, кто не умеет играть, видится, будто он играет камешками, или латрункулами, это означает большую выгоду от обмана и лжи, потому что он крадёт множество камешков и показывает их то одним, то другим способом, не просто, а с умыслом. Если же кто-нибудь видит другого играющим камешками, это означает, что, обманутый и проведённый, он потерпит ущерб и убыток».

То есть: «Если человеку, не понимающему шахматной игры, снится, что он передвигает шахматные фигуры, это означает для него большую пользу и выгоду от обмана и лжи, поскольку он похищает множество фигур и всячески показывает их не простым, бесхитростным образом, а совершенно злонамеренно. Если же кто-нибудь видит другого играющим шахматными фигурами, это означает, что его обманут и проведут и ему придётся терпеть ущерб и вред».

Четвёртое: поскольку это важная, высокая, героическая и рыцарская игра, не содержащая в себе ничего низкого, данное искусство предназначено, собственно, не для простонародья, а для тех, кто стоит у управления, для опытных в военном деле, для учёных и учащейся молодёжи; особенно же для людей, уже завершивших учение, не обременённых заботой об общем благе и обеспеченных земными благами, — ради достойного времяпрепровождения и

отдохновения. Однако этим мы не желаем отказывать никому, кто испытывает к нему охоту и любовь.

Пятое: это искусство требует также правильного употребления игры, которое заключено в трёх следующих положениях. Первое: оно должно быть умеренным, и прибегать к нему следует тогда, когда этого требует нужда. Второе: оно не должно быть неподобающим. Неподобающе ставить последнее на первое место, ценить игру выше других важных и служебных дел. Насколько это нелепо, Сенека остроумно показывает прекрасным примером в письме 117, ближе к концу.

Латинская цитата: «Никто из бегущих к пожару собственного дома не рассматривает шахматную задачу, чтобы узнать, каким образом может выйти связанная фигура». То есть: «Никто, кому надо бежать к своему дому, чтобы спасти его от опасности огня, не предпочтёт шахматы и не станет прежде всего долго размышлять о том, как спасти свою фигуру, оказавшуюся в опасности».

Так и каждый должен заботиться о том, что необходимо и относится к серьёзным делам, — ведь природа предназначила нас к ним, а не прежде всего к играм и развлечениям, — и пользоваться игрой лишь в своё время.

В пример этому приведём Сцеволу, превосходного римского законодателя и юриста, которого звали, по-видимому, не Квинтом, как называет его Помпоний в законе 2, § 41, Дигесты, «О происхождении права», а Публием Муцием, согласно мнению Бернардина Рутилия в описании его жизни, страницы 107, 108 и 134. О нём Валерий Максим пишет в книге VIII, главе 8.

Латинская цитата: «Говорят, что Сцевола порою предавался костям и игре в камешки, после того как долго и хорошо упорядочивал права граждан и обряды богов. Ибо в серьёзных делах он являл собой Сцеволу, а в шутливых играх — человека, которому природа вещей не позволила переносить непрерывный труд; к этому отдохновению он обращал душу, утомлённую служением на форуме».

Глава 1. Продолжение: умеренность и польза игры

То есть: «Истории сообщают, что Сцевола, после того как долго занимался мирскими и духовными делами и приводил их в порядок, порою развлекался и отдыхал за игрой в кости и шахматы. В важных делах он проявлял себя соответственно своему положению и должности, а в приятных, занимательных играх — как всякий человек, не способный переносить непрерывный труд; когда он изрядно уставал от правовых и судебных дел, находил в игре своего рода убежище для отдыха».

Третье: не следует ставить ни денег, ни других вещей ради выигрыша, чтобы эту достойную похвалы игру не приравнивали к другим и не порочили, как было сказано выше. Впрочем, юристы допускают ставку в один золотой гульден, но не свыше того, как видно у Гимье в указанном месте и у Клара, § Ludus, № 3, с доводом из закона о костях в Кодексе, De aleatoribus. Однако Томас Актий, вопрос 11, № 45, 47, 54, 55, после достаточного обсуждения этого предмета полагает, что относительно ставки и в этой, и в других дозволенных играх можно считаться с местными обычаями и установлениями, которыми отменён названный императорский закон о костях, и следовать им, соблюдая должную умеренность.

О свойствах сказано достаточно. Далее можно отметить разнообразную пользу, которая также отсюда возникает.

Первое: эта игра упражняет разум и приучает его мудро действовать в других, более высоких и важных делах. Не то чтобы упражнение ума являлось главной целью шахматиста, как полагает Стефан Коста в названном трактате «Об игре»; это, равно как и последующее, что следует хорошо помнить, — лишь польза и плоды, которые шахматы приносят наряду с основной целью, отдохновением души, и которые опытный игрок может с особым удовольствием собирать и вкушать.

Второе: игра служит памяти и укрепляет её. Якоб Публиций, флорентиец, в конце второй книги своего трактата «Об искусстве памяти и образах» свидетельствует, что шахматная доска с её полями и фигурами предоставляет весьма подходящие знаки и изображения для искусства запоминания.

Третье: в этой игре можно применять и осуществлять счёт, сравнение пределов, геометрические треугольники и четырёхугольники и диалектические порядки, как указывает Якоб Хорст в главе 44 переведённого им на немецкий язык сочинения Левина Лемния. При этом мы желаем попутно, со слов Аверроэса Кордовского, знаменитейшего комментатора Аристотеля, жившего около 1150 года от Рождества Христова, вспомнить человека, который воспользовался числом полей шахматной доски, чтобы сильно обойти короля и быстро обогатиться. Там, где Аверроэс рассуждает о быстро возрастающем умноженном отношении, находятся следующие слова.

Латинская цитата: «Как рассказывают об одном человеке, который попросил некоего короля выдать ему в награду пшеничные зёрна, умножая их число сообразно числу домов шахматной игры. Король отказался, поскольку вознаграждение получалось слишком большим».

То есть: «Например, рассказывают о человеке, который попросил у короля в награду столько зёрен хлеба, сколько получится при умножении по числу полей шахматной доски. Если положить на первое поле одно зерно, на второе — два, на третье — четыре, на четвёртое — восемь, на пятое — шестнадцать, на шестое — тридцать два, на седьмое — шестьдесят четыре, на восьмое — сто двадцать восемь и так далее, получится следующая сумма многих тысяч раз по тысяче зёрен, а именно: 18 446 744 073 709 551 615. Но король отверг и отклонил эту просьбу, поскольку вышло бы чрезмерно большое вознаграждение».

Четвёртое: эта игра весьма искусно изображает состояние общественной и придворной жизни. Если рассмотреть дружбу, которая в такой жизни обычно заключается лишь ради

выгоды, то шахматные фигуры дают хороший пример, как объясняет Петроний Арбитр на странице 70 в следующих стихах: «Если имя дружбы держится лишь постольку, поскольку приносит пользу, то и камешек на доске совершает благородное дело» — по другому чтению, «переменчивое дело».

То есть, как объясняет Тюрнеб в первой книге «Adversaria», главе 15: «Если мы хотим высоко ценить и сохранять дружбу лишь ради пользы, а не скорее ради добродетели и честности, то человеческую жизнь справедливо сравнивают с шахматной игрой. В ней фигуры разделены на два войска таким образом, что одни считаются между собой друзьями, другие — врагами. Пока это полезно игроку, союзные фигуры поддерживают добрую дружбу. Следовательно, если мы будем рассматривать дружбу только по приносимой ею выгоде, то придётся признать, что и шахматные фигуры на доске могут соблюдать дружбу, столь высоко почитаемую и ценимую, и совершать прекрасное дело её сохранения».

Если же пожелать рассмотреть стремления, нравы, пороки и добродетели, обычные в этой жизни, то и их мы найдём здесь хорошо изображёнными. Как шахматист смотрит лишь на то, чтобы всеми путями получить пользу и одолеть противника разнообразными преимуществами и уловками, так и каждый старается извлечь для себя выгоду, даже во вред ближнему. Отсюда греки и латиняне взяли пословицу *Ludimus civitates*, то есть «Мы играем в шахматы», которую Дезидерий Эразм Роттердамский в «Адагиях», пословица 3228, объясняет следующим образом.

Латинская цитата: «Был некий род игры, в которую прежде играли камешками; древние называли их *roleis*, то есть городами, а более новые авторы стали называть *chōras*, то есть областями. Пословицу употребил Кратин в “Беглецах”; на неё намекает Платон в четвёртой книге “Государства”: “Каждое из них — множество государств, а не одно государство, как говорят играющие”. Её приводит Зенотот, хотя и он не указывает смысла пословицы. Поэтому я представляю каждому догадываться, что кажется ему наиболее близким к истине. Мне представляется, что её уместно применять всякий раз, когда каждый всеми путями преследует собственную выгоду и всячески расставляет западни сопернику и соискателю. Такая игра обычна при дворах государей и в общественных учреждениях. Из этой игры, по-видимому, произошла та, которую теперь в народе называют шахматной».

То есть: «Пословица гласит: “Мы играем в города”. Ибо это род игры, в которую некогда играли камнями; древние называли их городами, а последующие люди — областями. Эту пословицу следует употреблять, говоря о человеке, который всеми доступными ему способами ищет собственной выгоды и пользы и коварно строит козни товарищу, тоже стремящемуся к своей выгоде, чтобы ему воспрепятствовать. Этот способ игры более чем достаточно распространён при господских дворах, в ратушах и духовных учреждениях. От названной игры, по-видимому, произошли нынешние шахматы».

С другой стороны, игра даёт хорошее наставление к добродетели. Подобно тому как опытный шахматист не падает духом из-за разнообразных неудач и перемен счастья, но умеет разумно и предусмотрительно им противостоять, каждый должен учиться мужественно, однако с должной осмотрительностью и умеренностью встречать все превратности и несчастья человеческой жизни и мудро их преодолевать.

Если же толковать только что упомянутую пословицу *Ludimus civitates*, или, как выражается Сенека в письме 106, ближе к концу, *Ludimus latrunculis* — «Мы играем шахматными фигурами», — согласно его наставлению, то она объяснит нам, как обстоит дело с учением. Двое немало трудятся за шахматами, один с большой изобретательностью строит козни другому; и всё же, получая дозволенную радость и удовольствие и хорошо упражняя ум, они не приносят пользы ни самим себе — ведь от этого они не стали ни благочестивее, ни хуже, — ни общественной жизни, но в этом отношении напрасно тратят остроумие и только играют.

Тем самым обозначается, что многие и серьёзные занятия, которые это допускают, например учение, направляют лишь на всевозможные тонкости и изыскания; желают одного того, что способствует изощрению ума и приятно для знания, но в прочем мало приносит пользы. Напротив, то, что служило бы наставлению души, направлению её к добру и тем самым общественной жизни, они оставляют без внимания и совершенно упускают. Это Сенека и намеревался показать названной пословицей в указанном письме, где раскрывает нам правильное применение философии и учения. Иоанн Александр Брассикан, правовед, в «Смешанных пословицах», № 80, объяснил её не вполне. Для дальнейшего размышления приведём здесь также слова самого Сенеки.

Глава 1. Продолжение: игра и человеческий характер

«Мы играем в латрункули: о ненужное истирается тонкость ума. Эти занятия делают людей не добрыми, а учёными. Мудрость — дело более открытое, вернее, более простое. Для доброго ума требуется немного книжности. Но мы расточаем её, как и всё прочее, на лишнее; так поступаем и с самой философией. Как от неумеренности во всём, так страдаем мы и от неумеренности в учёности. Мы учимся не для жизни, а для школы».

Пятое: через эту игру показывается устройство правлений и государств. На это, по сообщению Полидора Вергилия, особенно смотрел её изобретатель. Во второй книге «Об изобретателях вещей», главе 13, сказано: «Он показал, что величие без человеческих сил и поддержки весьма мало значит и столь же мало защищено: через такую игру достаточно ясно обнаружилось, что короля легко одолеть, если он не бодрствует и его не защищают свои».

То есть: «Изобретатель этой игры хотел словно указать пальцем и наглядно доказать, что величество, власть и высокое положение государя не могут существовать и быть в безопасности без поддержки и помощи подданных. Более того, чужеземцы и враги легко могут его одолеть, если он не будет усердно следить за своей защитой и свои не станут верно его оберегать».

Шестое: из неё можно научиться разнообразным военным замыслам, солдатской сметливости, советам и решениям; это будет достаточно видно из дальнейшего и доказывается Целием Кальканьином в отдельной книге «Об игре в бабки», страница 299.

Седьмое: при помощи игры часто можно испытать и раскрыть душевный склад человека, его желания и то, что он замышляет. Поэтому Овидий в третьей книге «Искусства любви», на странице 440, научив девушку осмотрительно и искусно играть в шахматы, также хорошо предостерегает её в следующих стихах, чтобы во время игры она держалась скромно и не поддавалась страстям: «Стыдно девушке не уметь играть: в игре нередко приобретается любовь. Но малый труд — разумно пользоваться бросками; более важное дело — упорядочить свой нрав. Тогда мы неосторожны и раскрываемся в самом увлечении: через игры наши сердца обнажаются», и так далее.

Это хорошо понимали и готы, бывшие германским народом, как свидетельствует Филипп Меланхтон в третьей книге «Хроники», страница 227, и пользовавшиеся германским языком, как пишут Давид Хитрей в первой книге «Саксонии», страница 3, и Рейнер Рейнекций в своём небольшом трактате о первоначальном происхождении мейсенцев, страница 38. О них можно узнать из следующих слов Олафа Магнуса, гота, архиепископа Упсальского, «О различных занятиях людей», книга XV, главы 12 и 13.

Латинская цитата: «Поскольку в человеческих делах нет ничего труднее, чем понять души и чувства людей, какими суждениями они движимы, или зорко рассмотреть, как, погружённые во всевозможные удовольствия либо печали, они умеют умерять свои страсти, у знатных готов и шведов, желавших достойно выдать дочерей замуж, существовал обычай испытывать нрав женихов разнообразными искусными способами и переживаниями, преимущественно же в игре в латрункули, или шахматы. В этой игре обычно обнаруживаются гнев, любовь, необузданность, скупость, беспечность, леность и многие другие безрассудные страсти и движения души, а также действие и свойства удачи: например, груб ли жених душой, когда внезапно победив, без меры ликует, или умеет осторожнее переносить нанесённые обиды либо скромнее их отвращать, и так далее. Руководствуясь такими признаками, предусмотрительные родители рассудительно устраивали браки дорогих детей, соглашаясь на них либо отказывая».

То есть: «Поскольку в человеческой жизни труднее всего заметить и распознать души, чувства и мысли людей, их намерения, а также точно увидеть, как они умеют держаться и вести себя при чрезмерном счастье или несчастье, знатнейшие роды готов и шведов имели обычай, когда собирались выдавать дочерей замуж, разнообразными способами исследовать и испыты-

вать нрав сватавшихся к ним людей, в особенности посредством игры в камни, или шахмат. Ведь в ней становятся заметны гнев, любовь, легкомыслие, скупость, небрежность и лень, а также иные неразумные движения души вместе с действием и свойствами удачи. Например, не груб ли жених или соискатель, не умеющий сдерживать и умерить радость при удаче или выигрыше, либо способен ли он осмотрительно переносить нанесённое унижение и потерю или спокойно и скромно с ними справляться. Благодаря этому предостережению заботливые, рассудительные родители могли хорошо понять, как поступить с замужеством дочерей: принять предложение или отклонить его».

Пример тому — сын французского короля Пипина: не сумев выиграть, он так озлобился на своего противника, что убил его шахматной доской. Для любителей немецких древностей мы приведём здесь всю историю, как она выписана из рукописной Баварской хроники, находящейся в библиотеке Марка Вельзера.

Латинская цитата: «У Окария был сын при дворе Пипина, отличавшийся более добрыми нравами, чем сын Пипина; это питало зависть, поскольку из счастья часто рождается зависть. И когда сыновья названных князей играли в шахматы, сын Окария всегда побеждал сына Пипина. Однако сын Пипина, полагаясь на могущество отца, убил сына герцога ударом в висок».

То есть: «У баварского герцога Окара был при дворе короля Пипина сын, который добрыми нравами и обходительностью далеко превосходил сына Пипина. Из этого немало разгоралась зависть, обычно возникающая из-за благополучия и добродетелей другого человека. Всякий раз, когда сыновья этих двух князей упражнялись в шахматах, сын герцога выигрывал, а сын короля проигрывал. Наконец сын Пипина, уповав на власть и силу своего отца-государя, лишил жизни сына герцога, нанеся ему рану в голову, в висок».

Об этой истории Метелл Тегернзейский, живший около 1060 года, написал в своих «Квириналиях» следующие примечательные стихи: «Равные божественным происхождением, явились два брата — двойное украшение своего рода, славные могуществом в войне и обилием богатств. Молва называет близким им по родству Пипина, отца прославленного Карла, державшего царства сильной рукой. Один был по праву выдающимся графом баварской земли, другой — доблестным герцогом бургундов, могучим в войне: этот народ, воспевая древность, зовёт его ныне Осгерием. Первые среди знатных, допущенные к тайнам совета, они душою поддерживают двор, а руками управляют сражениями. При короле находился юный сын герцога; мальчик впитывал благородное остроумие, свойственное его роду. С ним сходил за доской королевский сын, пока более искусный мальчик быстрее не одержал победу. Победённый затеял ссору, возгордившись силою отца, и смертельно поразил его брошенной ладьёй... Поднятого мальчика настигла поспешная смерть. Тайно скрывают кончину...»

Эту же историю, наряду с другими, почти одинаковым образом описывает «Баварская хроника» Андрея, регенсбургского священника, изданная Марквардом Фреером, на странице 17.

Старинная рукописная Баварская хроника сообщает о герцогах Альбрехте и Окаре следующее: «У двух князей был лишь один сын. В юные годы его убил шахматной доской другой молодой князь при дворе французского короля Пипина».

Восьмое: шахматист, даже проигрывая, не несёт ущерба, поскольку по природе игры её следует вести без каких-либо расходов и денежных ставок, о чём напоминалось выше, при третьем свойстве. И хотя ему приходится потерпеть поражение и уступить другому славу победы, винить за то, что недостаточно хорошо расположил и оберегал фигуры, он должен лишь самого себя; поэтому ему нет справедливого основания затевать ссору с противником.

Эти чувства, желания и движения души в двух людях — один из которых держался в игре весьма спокойно и умел обуздывать свои страсти, а другой и в том, и в другом отношении совершенно отпустил им поводья — весьма искусно изобразил мессер Джованни Боккаччо в шестой книге своего «Филоколо», на листе 262, около двух с половиной столетий тому назад.

Он родился в 1313 году от Рождества Христова и умер неженатым в 1375 году. Для удовольствия читателя и в заключение двух последних перечисленных полезных свойств мы желаем привести здесь его слова.

Глава 1. Продолжение: Филоколо и Садок

Итальянская цитата: «После этого, когда они вступили в многочисленные и разнообразные беседы, взгляд Филоколо упал в угол помещения, где они находились: там он увидел висящую превосходнейшую и богато отделанную шахматную доску. Увидев её, он сказал: “Господин, любите ли вы играть в шахматы? Я вижу у вас столь прекрасную доску”. Садок ответил: “Да, очень; а ты умеешь играть?” Филоколо отвечал: “Немного умею”. Тогда Садок сказал: “Ну, поиграем вместе, пока не спадёт эта жара и ты не сможешь вернуться в город”. — “Это мне весьма по душе, господин мой”, — ответил Филоколо».

«Садок велел расстелить ковры в прохладной лоджии и принести шахматную доску; один сел с одной стороны, другой — с другой. Они расставили фигуры и начали игру; чтобы та не казалась детской, каждая сторона положила большое число безантов, приготовленных в награду победителю. Так они сели играть: один — чтобы выиграть поставленные безанты, другой — чтобы их проиграть и приобрести дружбу».

«Играя, Филоколо понял, что знает игру лучше зрителя. Тогда он стеснил короля зрителя на его месте одной из своих ладей и конём; слева у короля стоял один из слонов. Зритель же осадил короля Филоколо многими шахами, и тому осталось лишь одно поле для спасения — на пути его ладьи. Но Филоколо, которому надлежало ходить, вместо того чтобы двинуть своего второго коня и дать королю мат, отлично это понимая, передвинул ладью и поставил её на поле, оставшееся для спасения его собственного короля. Зритель с радостью рассмеялся, увидев, что Филоколо попал в мат, тогда как мог заматовать его самого; дав ему пешкой настойчивый шах, он тут же поставил мат. Придвинув к себе безанты, он со смехом сказал: “Юноша, ты не знаешь игры!” Хотя он хорошо заметил, что сделал Филоколо, но из жадности к безантам допустил это, притворившись, будто ничего не заметил. Филоколо ответил: “Господин мой, так учатся глупцы”».

«Приготовили вторую игру, и число безантов с каждой стороны удвоилось. Зритель играл искусно, и Филоколо не менее. Зритель не делал ни одного хорошего хода, не сказав: “Юноша, лучше бы тебе отпустить своего сокола, чем следовать за ним сюда”. Филоколо молчал, показывая, будто очень скорбит о безантах. Доведя игру почти до конца и уже собираясь поставить зрителю мат, он некоторым движением показал, что видит это, однако свёл партию к ничьей. Зритель в душе оценил любезность Филоколо, желавшего скорее проиграть, чем выиграть, и сказал себе: “Это благороднейший и учтивейший юноша из всех, кого я когда-либо видел”».

«Снова расставили шахматы для третьей игры и ещё увеличили число безантов. Прежде чем начать, зритель сказал Филоколо: “Юноша, прошу и заклинаю тебя могуществом всех богов: играй как умеешь лучше всего, не щади меня, как делал до сих пор”. Филоколо ответил: “Господин мой, трудно ученику играть с учителем и не быть побеждённым; но раз вам угодно, я сыграю как сумею”. Началась третья игра, и, после того как играли довольно долго, Филоколо получил перевес. Зритель, поняв это, начал гневаться, заливаясь краской и изощряясь, пытаясь своим искусством спасти партию. Но чем больше он играл, тем хуже становилось его положение».

«Филоколо снял слонем его коня и дал шах. Зритель, безмерно разгневанный этим ходом, больше из-за утраты безантов, чем из-за игры, ударил руками по фигурам и бросил их вместе с доской на землю. Видя это, Филоколо сказал: “Господин мой, поскольку даже самые мудрые имеют обыкновение сердиться за этой игрой, я не считаю вас менее мудрым оттого, что вы разгневались на шахматы. Но если бы вы внимательно посмотрели на игру прежде, чем её разрушить, то заметили бы, что вы ставили мне мат в два хода. Думаю, вы это видели, но

из любезности ко мне, притворившись сердитым, захотели проиграть. Пусть же этого не будет. Все эти безанты — ваши”».

«Делая вид, будто хочет сравнять свои безанты с количеством безантов зрителя, он положил своих втрое больше. Зритель взял их, притворившись, будто занят другими словами, и сказал: “Юноша, клянусь душою моего отца: на своём веку я играл со многими и никогда не встречал никого, кто поставил бы мне мат в этой игре, кроме тебя; точно так же во все свои дни я не встречал юноши учтивее тебя”».

То есть: «Когда Садок, араб, главный страж башни, где содержалась в плену прекрасная Бьянкофьоре, вместе с Флорио — сыном испанского короля Феличе и возлюбленным пленённой девушки, или Филоколо, как тот тогда назывался, — расположился под сводами башни и они вели многочисленные и разнообразные беседы, Филоколо, увидев в углу на стене драгоценную шахматную доску, спросил стража, любит ли тот играть в шахматы, раз у него висит такая прекрасная доска. Садок ответил утвердительно: он и вправду порою ею развлекается, — и спросил, умеет ли играть собеседник. Филоколо ответил, что немного знает эту игру. “Ну что ж, — сказал Садок, — поиграем вместе, пока жара немного не пройдёт и ты не сможешь поехать обратно в город”. — “Это мне очень по душе”, — отвечал Филоколо».

«Тогда Садок велел разостлать ковры в прохладном, свежем сводчатом помещении и принести шахматную доску. Они сели друг против друга: один с этой стороны, другой с той. Обе стороны расставили фигуры и начали игру; чтобы она не казалась слишком детской, каждый положил некоторое количество золотых монет, которые должны были достаться победителю. Так двое игроков сели, как было сказано, с разными мыслями: один хотел выиграть поставленные деньги; другой — охотно их проиграть, чтобы приобрести дружбу и доверие стража и тем успешнее осуществить свой замысел проникнуть в башню. Уже в первых ходах Филоколо заметил, что знает игру лучше своего противника-стража».

«Тогда он сильно стеснил шахматного короля стража одной из своих ладей и конём, словно заперев его; слева у короля стоял стрелок, или старик. Страж же, напротив, осадил короля Филоколо множеством шахматных фигур и оставил ему лишь одно поле для спасения — если тот перепрыгнет к своей ладье. Но Филоколо, которому принадлежал ход, вместо второго коня, которым он мог бы поставить мат, хотя отлично это видел, поставил свою ладью на то самое поле, которое ещё оставалось свободным для спасения его короля».

«Страж от радости рассмеялся, увидев, что Филоколо, который мог заматовать его, сам оказался заматованным. Он продвинул солдата, или пешку, дал ему шах и мат и проворно придвинул к себе деньги, говоря со смехом: “Юноша, ты не понимаешь игры!” Хотя он отлично заметил, как Филоколо распорядился своими ходами, но из великой жадности к поставленным деньгам не мог так скоро решиться это обнаружить и притворился, будто ничего не заметил. Филоколо ответил: “Господин мой, так дураков следует водить в школу и заставлять платить за ученье”».

«Заново устроили вторую игру и с обеих сторон удвоили прежнюю ставку. Страж играл весьма осмотрительно и проницательно, Филоколо — не хуже. Страж не делал ни одного хорошего хода, не прибавляя: “Глупый осёл, лучше бы тебе отпустить своего сокола, чем преследовать его до этого места!” Филоколо молчал и делал вид, будто потеря денег причиняет ему большую боль. Доведя игру почти до конца, он мог бы очень легко поставить стражу мат; однако, хотя жестом руки дал понять, что отлично видел, как осуществить мат, привёл окончание партии к тому, что никто не выиграл и фигуры были одновременно убраны».

Глава 1. Окончание: ответы на возражения

«Страж отлично заметил любезность Филоколо: тот больше старался проиграть, чем выиграть, — и сказал себе: “Поистине, мне ещё не встречался юноша благороднее и учтивее”. Наконец они снова расставили фигуры для третьей игры и заметно увеличили сумму ставки. Но прежде чем вновь начать, страж весьма настойчиво обратился к Филоколо: “Юноша мой, прошу и заклинаю тебя могуществом всех богов, играй как умеешь лучше всего и не щади меня, как делал в прежних партиях”. Филоколо ответил: “Господин мой, ученику трудно играть с учителем и не быть побеждённым. Но если вам так угодно, я буду делать ходы, насколько понимаю шахматы”. Началась третья партия; после того как они играли довольно долго, положение Филоколо стало лучше».

«Заметив это, страж начал сердиться и краснеть; он призвал на помощь всё своё искусство, чтобы вновь привести испорченную игру в хорошее состояние. Но чем больше он пытался, тем хуже она становилась. Филоколо одним из своих стрелков взял коня и объявил его королю шах. Страж из-за этого хода разгневался сверх меры, больше из-за утраты поставленных гульденов, чем из-за игры. Он так сильно смёл шахматные фигуры в кучу, что доска вместе с фигурами упала на пол».

«Увидев это, Филоколо сказал: “Господин мой, поскольку умные и рассудительные люди нередко сердятся за этой игрой, я не считаю вас менее рассудительным оттого, что вы несколько разгневались на фигуры. Но если бы вы внимательно посмотрели на игру прежде, чем расстроить и перемешать её, то наверняка нашли бы, что могли одолеть меня в два хода. Думаю также, что вы хорошо это заметили, но поступили со мною учтиво и, притворившись сердитым, намеренно захотели проиграть. Однако так быть не должно: все эти деньги ваши”. При этом, делая вид, будто придвигает свою ставку к ставке стража и хочет смешать их, он добавил ещё примерно втрое столько из остальных своих денег. Страж, притворившись, будто обращает внимание на другие слова и дела, проворно придвинул деньги к себе и сказал: “Молодой человек, клянусь душой моего отца, всю жизнь я играл со многими, но ещё никогда не встречал никого, кто поставил бы мне мат в этой игре, кроме тебя. Так же никогда не видел я юноши учтивее”».

Из всего этого видно, насколько эта игра отличается от всех прочих, которые полностью или отчасти подчинены случаю и далеко не достигают её цели и пользы. Это различие хорошо заметили и приняли во внимание Стефан Коста в упомянутом трактате «Об игре», Ламберт Дано в трактате «Об игре в кости» и доктор Генрих Кнауш в своём повторном рассмотрении игры. При этом следует помнить, что числовая игра, отдельный трактат о которой присоединён в конце настоящего описания, принадлежала бы к тому же роду, что и наша игра, если бы теперь была столь же распространена.

Изложенному до сих пор с достаточно основательными доводами о природе и свойствах этого искусства некоторые, среди которых есть лица немалого положения и авторитета, немало возражают. Таковы, вслед за Платоном во второй книге «Государства», король Великобритании Яков I в книжке, которую Его Величество написал сыну Генриху, блаженной и высокочтимой памяти, назвав её «Королевский дар»; также Парис де Путео в трактате «Об игре», № 11; Наварр в «Руководстве исповедника», глава 16, № 3; Олаф Магнус, архиепископ Упсальский, в главе 13 пятнадцатой книги; отчасти также граф Бальдассаре Кастильоне во второй книге своего «Совершенного придворного»; далее Пётр Гейгий в своих последних вопросах, вопрос 10, № 51, и Эмануэль Соарес при слове Ludus, № 197. Прежде чем идти дальше, необходимо ответить им, насколько того требует дело.

Прежде всего нас мало смущает то, что проклятый Магомет, князь сарацин, в своём Алкоране, или книге законов, в третьей и тринадцатой азорах, объявляет эту игру грехом. Ведь

и турки придают этой заповеди столь же мало значения, сколько их император Сулейман придавал запрету на изображения и живопись, когда пожелал, чтобы нидерландский мастер Пётр ван Алст написал его портрет, как сообщает Маттиас Квад в конце главы 94 книги «О славе немецкой нации»; или сколько некогда мамлюки соблюдали запрет своего пророка Магомета пить вино, о чём свидетельствует Пётр Мартир Английский в третьей книге «Вавилонского посольства», страница 409.

Другие приводят закон императора Юстиниана из новеллы 123, главы 10, и *Auth. Interdicimus, C. de Episcopis et Clericis*, ссылаясь на слово *tablizein, ad tabulas ludere*, то есть «играть на доске»: кажется, что под этим также подразумеваются шахматы, или шахматная игра. Но о том, что оно означает в точности, пишет Кюжа в объяснении указанной новеллы 123. Кроме того, не говоря о других возражениях, из закона и конституции того же императора, содержащихся в законе 34, § 1, *C. de Episcopali audientia*, ясно, что наша игра здесь вовсе не имеется в виду. Там установлен сходный запрет, но одновременно изложены его причины, которые никоим образом не подходят к шахматам и не допускают такого приложения. Что думают о шахматах глоссы и другие выдающиеся юристы, мы уже упоминали выше, при втором свойстве.

В-третьих, некоторые хотят вовсе выбить дно у бочки, утверждая, что в этой игре невозможно получить предполагаемое удовольствие души: напротив, помимо утраты благородного и драгоценного времени, которое приходится тратить на изучение игры и которое можно было бы полезнее употребить на другие дела, душа испытывает тягость и перенапряжение. Но они не смотрят на искусство, то есть на усвоенный и укрепившийся навык мастера, который, не досадуя, всегда находит в нём по сердцу своему радость и указанное выше достойное удовольствие. Им справедливо ответить словами Генриха Порсия, правоведа, из второй книги «Эпиграмм»: «Невеждой в искусстве окажется тот, кто презирает подлинное искусство: ведь менее знакомое и нравится меньше». То есть: «В том, чего не испытал как следует, редко дашь хороший совет».

Правда, следует признать, что начинающий игрок не сразу соберёт плоды этого искусства. Но если он пожелает обдумывать и соблюдать правила и наставления, которые мы для его пользы последовательно изложили в этой книге, мы не сомневаемся, что он постигнет и усвоит это искусство с небольшим трудом и затратой времени, так что и в этом отношении у него будет тем меньше оснований жаловаться — или вовсе не будет их.

Если же, в-четвёртых, возразят, что всё-таки требуется напряжённое и серьёзное мышление, которое не обходится без труда и утомления души, на это можно кратко ответить: здесь не предаются изысканиям о столь сокровенных или возвышенных вещах, которые можно постигнуть одним разумом, но не чувствами. Нужно лишь порою, чтобы сделать осмотрительный ход, изодрать ум и несколько поразмыслить с прилежанием; при этом видимое чрезвычайно помогает мысли. А труд и неудовольствие, если они в таком случае и возникнут у игрока, тотчас и легко рассеиваются удовольствием от созерцания доски, порядков, искусного расположения и ведения фигур, разнообразной смены ходов, удачно найденного хода и тому подобного.

Что касается остальных возражений, они относятся лишь к злоупотреблению, которое нельзя смешивать с правильным употреблением: не следует таким образом выплёскивать вместе с водой и ребёнка.

Глава 2. Об изобретателях, писателях, искусных игроках и названии этой весьма искусной игры

Довольно сказано о природе и существе этой широко прославленной игры. Теперь рассмотрим её происхождение и изобретение, а также всё, что к этому относится. На сей счёт существуют разнообразные предположения и мнения.

Прежде всего некоторые приписывают изобретение этой игры египтянам. Об этом можно прочесть у Целия Родигина, «Древние чтения», книга 20, глава 14, и у Йодока Дамхаудера, «Христианское увещание», в наставлении воинам, страница 229. Слова Дамхаудера таковы: «Среди всех игр ума шахматы занимают незаурядное место. Изобрели их египтяне, исследователи сокровенных вещей и ревностные воспитатели разума, хотя другие приписывают их Паламеду».

То есть: «Среди игр, в которых необходимо употреблять разум, шахматную игру следует почитать не последней. Её создали египтяне, проницательные открыватели трудных и почти неисследимых вещей, не упускавшие ни одной возможности изодрать свой ум. Впрочем, некоторые хотят отдать честь этого изобретения Паламеду».

Однако упомянутый Родигин полагает, что египтяне изобрели её вовсе не ради игры или удовольствия: под этим покровом они хотели скрыть тайные и важные предметы и сообщить их в иносказательной форме, как им было свойственно и в других делах.

Другие, как сообщает Томас Акийт Форосемпрониенсис в трактате о шахматной игре, признают её изобретателями Лида и Тиррена, участвовавших в осаде Трои. Но на каком основании — понять нелегко. Правда, Геродот в первой книге пишет вообще, что лидийцы, получившие своё имя от Лида, изобрели почти все игры, кроме той, которую латиняне называют *ludus talarius*. Однако этим ещё ничего достоверно не устанавливается.

Поэтому другие, возможно лучше осведомлённые, приписывают изобретение мудрому и рассудительному мужу по имени Паламед. Он прибавил к греческому алфавиту ещё четыре буквы — θ , ξ , χ , ϕ — и во время продолжительной осады Трои, около 2780 года от сотворения мира, изобрёл две игры, чтобы унять смуты и возмущения праздного войска. Одна — $\kappa\upsilon\beta\epsilon\acute{\iota}\alpha$, *cuborum* или *tesserarum ludus*, игра в кости; её приписывает ему также Плиний Секунд в «Естественной истории», книга 7, глава 56. Другая — $\pi\epsilon\tau\tau\epsilon\acute{\iota}\alpha$, *calculorum*, *pezzorum* и *latrunculorum ludus*, игра в камешки, или шахматы. Об этом свидетельствуют Евстафий, выдающийся комментатор и толкователь прославленного поэта Гомера, в комментарии к «Илиаде», лист 490; Целий Родигин, «Древние чтения», книга 20, глава 27; Александр из Александра, *Geniales dies*, книга 3, глава 21; Парис де Путео, трактат об игре; Бенинкаса, наставление о действиях, предисловие, № 377; Адриан Юний, «Пословицы», 215; и Франциск Филельф, «Пиры», книга 1.

В подкрепление этого уже Гомер в первой песне «Одиссеи» упоминает, что женихи Пенелопы развлекались игрой в камешки; о ней мы ниже ещё поговорим по Афинею. Кассиодор, книга 8, глава 31, называет камешки *calculi Palamediaci*, то есть происходящими от Паламеда.

Есть и такие, кто приписывает игру персидскому государю Ксерксу. В особенности испанцы прежде писали об этом в своих шахматных трактатах и потому называли её *Axedres*. Но у такого мнения вовсе нет основания, и верить ему мало кто захотел бы. Поэтому итальянцы, желая придать рассказу правдоподобие, превратили царя в философа, назвали его Ксерксом Филоматером и возложили на него изобретение. А чтобы не недоставало авторитета, брат Иаков де Казалис — другие пишут Цезолис или Тесолис — из ордена проповедников, живший около 1300 года по Рождестве Христовом, говорит, что почерпнул это мнение у греческого философа, которого называет Диамедом. За ним, после Конрада фон Амменхаузена, последовали доктор Иаков Меннель, Полидор Вергилий и другие, издававшие в наше время

сочинения о шахматах. Упомянутые Меннель и Полидор, равно как и оба их предшественника, обстоятельно рассказывают, будто Ксеркс — другие пишут Ксерсес — жил около 3635 года от сотворения мира и посредством этой игры склонил к добру царя Эвилмеродаха, ужасного тирана; приводят они и прочие подробности.

Лукас Вителлий в трактате о шахматной игре, глава 2, подкрепляет это ещё и словом «шах», которое будто бы халдейское, а также тем, что шахматная доска сделана четырёхугольной по образцу города Вавилона. Но хотелось бы узнать, кто во всей древности знал этого Ксеркса Филоматера, что его вновь отыскивали лишь спустя тысячу с лишним лет? Можно усомниться и в том, был ли Эвилмеродах столь злым тираном, каким выставляют его евреи. Святой Иероним, в четвёртой главе четырнадцатой книги толкования на пророка Исаяю, считает это басней и талмудическим вымыслом. Филипп Меланхтон, в первой книге «Хроники», напротив, признаёт его богобоязненным и благочестивым правителем и доказывает это последней главой второй книги Царей.

Если же слово «шах» халдейское, спрашивается: каким образом, при их собственном признании, что игра перешла от халдеев к грекам, от греков к римлянам и так далее к нам, это словечко так долго оставалось у названных народов без упоминания и в неизвестности? Последнее соображение также плохо согласуется с нашей игрой: разве стали бы устраивать в городах открытые полевые сражения? Итак, пусть каждый судит об этом как пожелает.

Ещё меньше следует верить Виде, будто игру изобрела итальянская девушка Скахида. В своей «Шахматной игре» он высказывается так — быть может, из любви к отечеству или по праву поэтической вольности: «Вы первые явили эти занятия итальянским берегам — славный памятник вашей сестры Скахиды». То есть: «Вы, боги, впервые познакомили Италию с этой забавой, получившей имя от Скахиды, вашей чистой сестры».

Наконец, Винченцо Кастелли в книге об изобретениях Паламеда, Томас Актый ближе к концу трактата о шахматной игре, а также Иаков Мицилл в толковании Овидия полагают, что изобретение следует приписать не грекам и не латинянам, а другим, позднейшим варварским народам. Допустим даже, что со временем тот или иной народ внёс в игру прибавления, изменил ходы, уменьшил или увеличил число фигур, дал им другие названия. Всё же остаётся верным, что у римлян и греков была подобная игра, в которой один с другим как бы сражался при помощи вымышленных воинов.

Об изобретателях игры довольно. Теперь кратко упомянем главных авторов, писавших о шахматах — что это за игра и как в неё играют, — причём с той целью, чтобы из их сочинений можно было увидеть, есть ли какое-либо сходство между нынешними шахматами и игрой, которую греки называли *παιτήσια*, а латиняне — *ludus latrunculorum*, как было только что сказано.

Глава 2. Продолжение: игры греков

Что касается греческой петтейи, или игры в камешки, то её упоминают многие. Но, чтобы рассуждать точнее, необходимо прежде всего как следует различать две игры — кубейю и петтейю: переводчики не всегда обращали на это внимание. Выше уже показано и доказано на основании Евстафия, что Паламед изобрёл две разные игры. Одну из них, именно игру в кости, он затем, по словам Павсания, книга 2, страница 120, посвятил Случаю как воздвигнутой или вымышленной богине, — быть может, тем самым давая понять, что другая игра к её ведению не относится.

Платон также различает их во второй книге «Государства»: «Никто не стал бы достаточно искусным игроком в камешки или в кости...» То есть: «Никто, говорит он, не станет сведущ ни в игре в камешки, ни в игре в кости». Аристотель, «Риторика», книга 1, глава 11, тоже упоминает их раздельно.

Как объясняет древний грамматик и историк Гесихий, различие следует понимать так: «В одной игре бросают кости вверх». То есть: «В игре в кости кости подбрасывают вверх наудачу». Что именно называлось *κῦβοι*, *tesserae*, или костями, как ими играли — бросая их или на доске, — какие для этого употребляли приспособления и принадлежности, можно прочесть у Поллукса, книга 9, глава 7, ближе к началу, и книга 10, глава 31, в конце. «В петтейе же только передвигают камешки». То есть: «В игре в камешки, без бросания костей и слепого случая, лишь переставляют и передвигают камешки». Теперь укажем некоторые её виды.

Первый пример даёт игра в камешки, которой занимались женихи у Гомера в первой песне «Одиссеи». Афиней в первой книге «Пира мудрецов», страницы 16–17, пишет об этом так: «Апион Александрийский рассказывает, что от Ктесона с Итаки он слышал, какова была игра в камешки у женихов. Женихов было сто восемь; столько же камешков они ставили друг против друга, поровну, по пятьдесят четыре с каждой стороны, оставляя посередине пустое пространство. В этом промежутке, разделявшем ряды и боевые порядки, они помещали один камешек, называемый Пенелопой. Он служил целью, в которую следовало попасть другим камешком. Тот, кому по жребию выпадало бросать, целился в него; если попадал в Пенелопу и сдвигал её вперёд с места, камешек бросавшего ставили на место выбитого и сдвинутого. Затем, возвратив Пенелопу на прежнее место, он вторично бросал другой камешек. Если попадал в неё, не задев ни одного из остальных камешков, то побеждал и питал добрую надежду на брак с Пенелопой. Эвримах, неоднократно побеждавший в этой игре, весьма уверенно обещал себе женитьбу на Пенелопе».

То есть: «Апион Александрийский рассказывает, что Ктесон Итакийский сообщил ему, каким образом играли в камешки женихи, сватавшиеся к жене Улисса, оставленной им дома. Их было сто восемь. Они брали столько же камешков, сколько было их самих, разделяли пополам и ставили на площадке друг против друга так, что с каждой стороны находилось по пятьдесят четыре, а между ними оставалось свободное место. В этом промежутке, отделявшем один боевой порядок от другого, они помещали камешек, называемый Пенелопой. Он служил знаком и целью, в которую им надлежало попасть своим камешком. Тот, кому жребий назначал бросать, целился в него. Если он попадал в Пенелопу или задевал её и сдвигал вперёд с места, то его камешек ставили на освободившееся место. Затем Пенелопу возвращали туда, где она стояла прежде, и он бросал камешек во второй раз. Если вновь попадал в неё, не задев ни одного из камешков товарищей или противников, стоявших вокруг, то выигрывал и потому возлагал добрые надежды на брак с Пенелопой. С Эвримахом это случалось часто; отсюда он заключал, что когда-нибудь женится на Пенелопе».

Сюда относится и игра, называемая *πόλεις*, о которой упоминают Кратин в «Беглецах» и Платон в четвёртой книге «Государства». Выше, в первой главе, мы уже говорили о

ней по Эразму Роттердамскому. Юлий Поллукс в указанной седьмой главе называет её *ludus latrunculorum*; именно она соответствует нашим шахматам, или, точнее, нашей игре в сражение.

Была также игра, называемая *ludus quinque linearum*, то есть игрой пяти линий, или собственно *πεντεία*, словно бы *πεντεία*. Хотя Гесихий и другие, оставляя это сближение слов в стороне, не без основания распространяют название и на остальные игры такого рода. О ней можно прочесть у Поллукса в названной книге и у Симона Майола, епископа Вольтурары, в «Собачьих днях», страница 576, раздел *πεσοοί*.

Ещё одну игру, для которой употребляли шестьдесят камешков — тридцать белых и столько же чёрных, — упоминают Евстафий в комментарии к «Илиаде», лист 490, и Целий Родигин, книга 20, глава 27. Она гораздо ближе к нашим шахматам, как свидетельствует Юлий Поллукс в названной главе 7, страница 440, строка 25. Однако упомянутый епископ Майол на странице 576 хочет отнести это описание к иной игре, говоря следующее.

«Диаграммизм, игра линий, или шестидесяти камешков, разыгрывался на фигуре, начертанной прямыми линиями, посредством расстановки и передвижения шестидесяти камешков; тридцать из них были чёрными, остальные — белыми. На неё, по-видимому, похожа игра, в которую у нас играют восемнадцатью камешками двух цветов, разделёнными на две группы. Их по определённом правилу располагают в углах и местах взаимного пересечения прямых линий квадратного чертежа. Чертёж образуют три квадрата разной величины и поперечные прямые, разделяющие стороны квадратов на равные части».

То есть: «В игру линий, изображаемую прямыми линиями наподобие геометрической фигуры, играли шестьюдесятью камешками, из которых тридцать были чёрными, а остальные белыми. На неё, по-видимому, похожа игра, в которую у нас ныне играют восемнадцатью камешками двух цветов, разделёнными на две группы. Камешки определённым образом ставят и кладут в углах и средних точках, где прямые линии четырёхугольной фигуры сходятся с проведёнными поперёк линиями. Саму фигуру составляют и вычерчивают из трёх четырёхугольников, отличающихся тем, что один больше другого; их стороны посередине пересекают прямые поперечные линии». Под этой последней игрой Майол, несомненно, понимает мельницу.

Глава 2. Продолжение: свидетельства Овидия и Марциала

Как играли в камешки римляне, можно понять из следующего. Овидий упоминает эту игру в своих сочинениях главным образом в трёх местах. Во-первых, во второй книге «Искусства любви», страница 409: «Если камешек движется, изображая военную хитрость, позволь своему воину погибнуть от стеклянного врага».

То есть: «Когда играешь со своей возлюбленной стеклянными камешками на шахматной доске и она замышляет тайное нападение на твои камешки, дай ей беспрепятственно взять твой камешек своим — ведь ты должен стараться во всём ей угодить — и притворись, будто ничего не видел и не заметил».

Во-вторых, в третьей книге «Искусства любви», страница 440: «Пусть осмотрительно и разумно ведёт сражение камешков: один камешек гибнет от двух врагов; пусть воин сражается, прижатый без своего товарища; пусть соперник часто возвращается к начатому замыслу».

То есть: «Она — именно девушка, за которой ухаживают, — должна уметь осторожно и разумно играть в шахматы, или в камешки, чтобы противнику не представился случай подвести два своих камешка к одному её камешку, чтобы её камешек не был вынужден сражаться и играть без товарища и чтобы противник, часто пересматривая начатый замысел и внимательно за ним следя, не помешал ей довести игру до желанного конца».

В-третьих, во второй книге «Скорбных элегий», страница 461: «Как воину иного цвета идти по прямой дорожке, когда камешек посередине гибнет от двух врагов; как охотнее стремиться к преследованию и уметь отводить назад передовой камешек, и безопасно отступить, не оставаясь без спутника».

То есть: «Некоторые писали также, как следует вести свой камешек, отличающийся цветом от камешков противника, с выгодой и по возможности незаметно, чтобы, если его возьмут, противник не получил этим большого преимущества, а его собственный камешек тоже должен был остаться на месте; как выручить один из своих камешков, окружённый неприятелем и находящийся в большой опасности быть взятым; как больше заботиться об отступлении своего камешка, чем слишком горячо преследовать врага; и, наконец, как водить свои камешки по шахматной доске, всегда хорошо прикрывая их, чтобы они могли безопасно отойти перед наступающим неприятелем».

Марциал также упоминает эту игру в четырнадцатой книге, эпиграмма 20: «Если играешь в войну коварных воинов, этот камешек из самоцвета будет тебе и воином, и врагом». То есть: «Кто хочет хорошо вести шахматную игру, у того поровну друзей и врагов».

Далее тот же Марциал в этой же книге, эпиграмма 17, пишет ещё об иной разновидности: «Здесь у меня кость считают по дважды шести очкам; здесь камешек иного цвета гибнет от двух врагов».

Глава 2. Продолжение: устройство игры в камешки

Подобным образом юрист Бернардино Рутилий в «Жизнеописаниях древних правоведов», в жизни Публия Муция Сцеволы, страницы 197–198, упоминает игру двенадцати камешков, в которую этот выдающийся правовед будто бы играл весьма искусно. Возможно, здесь имеется в виду старинная шахматная игра, описанная ниже, в девятой главе последней книги, от которой произошла и дошла до нас нынешняя. Ведь в ней употребляют двенадцать главных и двенадцать меньших фигур. Впрочем, под этим может разумеаться и нынешняя игра, называемая у нас пашками. В неё играют на шахматной доске двадцатью четырьмя круглыми камешками — двенадцатью белыми и двенадцатью чёрными. Их ставят на шести поперечных линиях, по четыре на каждой, на двадцати четырёх полях одного цвета, оставляя между двумя группами две свободные поперечные линии. Однако ничего определённого из этого заключить нельзя: это лишь соображения, дающие некоторую пищу для размышления. По этому поводу можно ещё обратиться к следующим авторам: Теодор Цвингер, «Театр человеческой жизни», том 21, книга 3, страницы 3783–3786; Цицерон, первая книга «Об ораторе»; Квинтилиан, книга 12.

Далее Юлий Поллукс в сочинении «О названиях вещей», книга 9, глава 7, сообщает следующее: «Игра, называемая игрой множества камешков, — это латрункулус; она содержит участки, расположенные по линиям. Сам латрункулус называется городом, а каждый отдельный камешек — собакой. Камешки различаются двумя цветами, и искусство этой игры состоит в том, чтобы двумя камешками одного цвета охватить камешек другого цвета и убрать его из середины».

То есть: «Игру, в которую играют множеством камешков, на латинском языке называют латрункулус; она включает в себе различные поля, ограниченные линиями. Латрункулус называют городом или общиной, а каждый камешек — собакой. Поскольку камешки бывают двух цветов, главное, за чем надлежит следить в этой игре, — это как двумя камешками одного цвета убрать с пути и уничтожить камешек другого цвета».

Глава 2. Продолжение: нападение и защита

Это мнение Поллукса упомянутый епископ Майол на странице 575 разъясняет ещё отчётливее следующими словами: «Игра в латрункулы состояла из квадратных участков, размеченных на квадратной доске; их называли городами. На них два противостоящих строя различающихся камешков располагались в подходящем порядке, словно для взаимных засад и столкновений; камешки называли собаками и латрункулами. Их выводят в установленных пределах навстречу друг другу и для сражения таким образом: пока одни стараются напасть на выступающих против них из неприятельского строя, чтобы оттеснить их с места и удалить либо уничтожить, сами они защищаются либо расставленными вокруг стражами, либо свойствами участка, словно крепости, чтобы не попасть в засаду и не оказаться открытыми для вражеских набегов».

То есть: «В игре в камешки на четырёхугольной доске имелись четырёхугольные места, или поля, которые называли городами. На них друг против друга стояли две группы различающихся камешков, расположенных подходящим образом для взаимных нападений и хитростей. Их называли собаками, или камешками. В определённых пределах их выводили на поле для сражения так, чтобы, нападая с той же целью на камешки, выступающие из неприятельского войска ради нападения, изгнания с поля и уничтожения, они сами оставались хорошо защищены и под присмотром. Для этого им либо давали спутников, которые их оберегали, либо помещали в укреплённых местах, словно в замках, чтобы они не попадали во вражеские засады и не могли подвергнуться нападению и поражению».

Глава 2. Продолжение: сходство древней и нынешней игры

Наконец, Александр из Александра в третьей книге *Geniales dies*, глава 21, описывает эту игру, какой она была в употреблении у древних, следующими словами: «Передают, что у древних особенно почиталась игра в камешки, называемые также воинами. Они делились на два отряда разных цветов, из которых одни были своими воинами, другие — врагами. Игра заключалась в том, что выстроенные отряды, словно готовясь вступить в сражение, выступали с той и другой стороны, изображая неприятелей; каждому было предписано, до какого предела он должен продвигаться. При этом надлежало остерегаться, чтобы, стремясь напасть на врага, самому не открыться нападению другого. Камешки делали также из самоцветов; игра была распространена среди мужчин и женщин».

То есть: «Как сообщают исторические сочинения, шахматная игра, или игра в камешки, была у древних в величайшем почёте; камешки называли *latrones* — наёмными солдатами. Они делились на два отряда, именно на солдат и врагов, и различались цветом. Что касается способа игры, они встречались друг с другом в установленном боевом порядке, подобно тем, кто собирается дать сражение в открытом поле. Имели они также меру и предел, до которого могли идти. При этом следовало быть настороже: нападая на врага, не устремляться к нему слишком далеко, не обнажать своих сил и не подвергать себя неосторожно опасности. Эти камешки изготовляли также из дорогих самоцветов; ими играли и женщины, и мужчины».

Из этого видно, что игра, называемая латинянами *ludus latronum*, едина с нашими шахматами. Ведь она, как и наша, направлена на развлечение и упражнение ума, а также на военное искусство. Это можно заключить из выражений Овидия и Марциала: *sub imagine latrocinii* — «под видом военной хитрости»; *proelia latronum ludere* — «разыгрывать сражения воинов»; *ludere bella latronum* — «играть в войны воинов», и тому подобных.

Пусть Бартоломео Мерула в комментариях ко второй и третьей книгам «Искусства любви» Овидия и не вполне попал в цель, но Иаков Мицилл в толковании Овидия также сошёл с верного пути, решив, что наша игра совершенно отлична от *ludus latrunculorum*. Допустим, что у древних, как видно из Овидия и Поллукса, камешки брали иначе, чем принято в наше время; отсюда ещё не следует, что это должна быть совсем другая игра. Ведь и ныне играют не одним способом. Китайцы, персы и мавры тоже играют в шахматы, однако иначе, чем мы, как станет видно из того, что мы вскоре приведём по Гарсии да Орта, книга 2, глава 28, и отцу Триго из Общества Иисуса. Разве не заметно различие между курьерской игрой, или игрой, в которую играют жители местечка Штрёбек, и той, что обычно в употреблении? Но кто станет утверждать, что жители Штрёбека играют в шахматы в меньшей мере, чем другие, играющие общепринятым способом?

Глава 2. Продолжение: авторы шахматных сочинений

За последние триста или четыреста лет некоторые авторы выпустили различные небольшие трактаты о шахматной игре. Древнейшим среди них, вероятно, будет брат Иаков де Казалис, уже упомянутый нами выше, живший около 1200 года по Рождестве Христовом. За ним последовал Конрад фон Амменхаузен, монах и приходской священник города Штайна, около 1337 года. Он перевёл книжку названного де Казалиса с латинского на немецкий стихами, однако во многих местах столь значительно её усовершенствовал, что её следует считать скорее новой книгой, чем переводом. Далее — доктор Иаков Меннель, в 1507 году; затем Томас Акий Форосемпрониенсис; Иероним Вида; португалец Дамиано; испанец Руй Лопес; Джироламо Дзанукки; Грегорио Дукки из Брешии; Козимо Грачини из Флоренции; Феличе Пачотти; поляк Ян Кохановский; англичанин Артур Сол; Лукас Вителий.

Мы перечислили изобретателей и писателей; теперь рассмотрим, кто предавался этой забаве. Оглянувшись вокруг, обнаружим, что почти все выдающиеся народы развлекались ею и развлекаются донныне, хотя не одинаковым способом. Здесь мы не оставим без попутного упоминания те сведения об этом, которые до нас дошли. Прежде всего в Азии — турки. О них французский врач Пьер Белон из Ле-Мана сообщает следующее в третьей книге своих достойных чтения «Наблюдений», составленных им на родном языке в 1549 году и переведённых на латынь Карлом Клузием из Арраса, глава 49, страница 483.

Глава 2. Продолжение: рассказ Белона

«Турки искусны в игре в шахматы и получают от неё великое удовольствие. Порой они проводят за игрой целый день, а потому всегда носят с собой фигуры и вместо доски — разрисованное полотно. Эта игра весьма им подходит: сидя без дела на земле, они легко могут посвятить ей весь день. Иногда встречаются фигуры из слоновой кости, вырезанные в виде людей. Однако, как нам показалось, у них нет той фигуры, которую мы называем королевой: на её место они ставят другую».

То есть: «Турки весьма искусны в шахматной игре и немало ею развлекаются. Иногда они проводят за шахматами целый день. Поэтому всегда носят с собой шахматные фигуры, а вместо шахматной доски — ткань с начерченными на ней полями. Эта игра им очень удобна: поскольку они и без того праздно сидят на земле, то легко могут потратить на неё целый день. Временами у них встречаются шахматные фигуры из слоновой кости, вырезанные и изображённые в виде целых человеческих фигур. Но вместо фигуры, которую у нас называют королевой, они, как мне кажется, употребляют другую».

Глава 2. Продолжение: названия фигур и свидетельства путешественников

Если посмотрим далее, то найдём персов, а затем в Африке — мавританцев и мавров, которые также ищут в этой игре удовольствия и развлечения. О них Гарсия да Орта в сокращённом изложении Карла Клузия, названная книга 2, глава 28, пишет следующее.

«Слово Ха побуждает меня прибавить здесь кое-что об игре в шахматы, весьма привычной персам и мавританцам, хотя способ игры у них иной. Короля они называют Ха. Всякий раз, когда на него нападают, говорят вовсе не Хаке, а Ха, словно желая сказать: “Предупреждаю тебя, король, чтобы ты сошёл с места”. Королеву называют Goazir, то есть правителем царства, или тем, кого называют коннетаблем. Дельфина, или стрелка, — Fil, то есть слоном. Всадника — Guoga, то есть конём. Башню же, или ту фигуру, которую мы называем слоном, — Rochba, то есть тигром. Пешего воина — Piada, то есть человеком, сражающимся пешим».

То есть вкратце: «У персов и мавританцев шахматная игра весьма распространена и обычна. Однако играют они иначе, чем мы».

Подобное пишет и Пётр Мартир из Ангёры, миланец, в книжке «О недавно открытых островах и нравах их жителей», страница 360, также об американцах: «Различные хлопчатые покрывала, вытканые белым, чёрным и жёлтым; два — богатые золотом и самоцветами, а ещё три — из перьев и хлопка, в шахматный узор; это свидетельствует, что у них в употреблении и шахматные доски».

То есть: «Эти народы принесли и показали нам разнообразные покрывала, изготовленные из особого рода хлопка, с вплетёнными белым, чёрным и жёлтым цветами. Два были украшены золотом и драгоценными камнями; на трёх других шахматные поля различались посредством перьев и такого же хлопка. Это даёт указание на то, что они также пользуются шахматной доской».

Глава 2. Продолжение: свидетельство Триго

От американцев перейдём к китайцам, живущим на дальнем краю Азии. У них в употреблении шахматы, а кроме того, ещё одна искусная игра в двести камешков. Об этом свидетельствует отец Николай Триго из Общества Иисуса в сочинении о христианской миссии среди китайцев, составленном по запискам Маттео Риччи из того же Общества, книга 1, страницы 90–91. Он пишет следующее.

«Игра в кости и карты, которую обычай ввёл и в эти края, — занятие простонародное и повсеместное. Люди более степенные для препровождения времени и даже для выигрыша употребляют шахматы, не совсем непохожие на наши. Различия следующие. Королевская фигура никогда не выходит за четыре клетки, ближайшие к её месту; не выходят оттуда и два учёных советника короля. Королевы у них нет. Кроме того, у них имеются ещё две весьма занятные фигуры, называемые ими сосудами военного пороха. Они стоят впереди двух коней, а позади пеших воинов, которые на этих двух участках выдвинуты на одну клетку. Эта фигура ходит почти так же, как наши слоны с башнями. Однако она не нападает на предводителя неприятельского войска — короля, если между нею и атакуемым королём нет другой фигуры, своей либо принадлежащей противнику. Поэтому атакованный король может избежать удара тремя способами: во-первых, небольшим, так сказать, уклонением тела и почётным отступлением на соседнюю клетку или место; затем — поставив на пути другую фигуру; наконец — совершенно обнажив свою сторону и приказав уйти своему воину, которым он был прикрыт».

«Самый серьёзный вид игры у них таков. На доске в триста клеток играют более чем двумястами камешками, из которых одни белые, другие чёрные. Этими камешками каждый старается оттеснить камешки другого в середину доски, чтобы затем господствовать над остальными клетками. В конце победителем называют того, кто подчинил себе больше клеток на доске. Правители с величайшей охотой предаются этой игре и часто проводят за нею большую часть дня: у искусных игроков одна партия занимает целый час. Знаток этой игры, даже если ничем другим не отличается, пользуется всеобщим почётом и приглашениями. Некоторые даже, соблюдая принятые у них обряды, избирают себе учителей, чтобы основательно выучиться у них правилам этой игры».

Глава 2. Продолжение: толкование описания китайских шахмат

То есть: «Игра в кости и карты, вошедшая в обычай и в этих местах — разумею Китайское царство, — здесь весьма распространена и доступна всякому. Шахматные фигуры для препровождения времени и выигрыша почитают и употребляют как нечто более высокое и благородное. Они не слишком отличаются от наших шахматных фигур, но имеют следующие особенности. Король не выходит за четыре места, или клеточки, ближайшие к его полю; так же поступают и оба старца, которых Риччи называет учёными советниками короля. Королевой они не пользуются, но употребляют две другие фигуры, называемые пороховыми или огненными мортирами и обладающие искусными свойствами. Они стоят впереди двух всадников и следуют непосредственно за двумя пешими воинами, которые на этих двух полях, или линиях, стоят перед ними на соседнем поле. Ход этой фигуры почти подобен ходу нашей ладьи, или слона. Однако она не вступает в столкновение с неприятельским предводителем — королём, если между нею и королём, на которого хотят напасть, не стоит какая-либо фигура из её собственного или неприятельского войска.

«Отсюда происходит, что король может предотвратить и отразить это нападение тремя способами. Во-первых, если он сам, так сказать, немного отступит и без позора и порицания спасётся бегством на соседнее поле. Во-вторых, если поставит против нападающего ещё одну фигуру. Наконец, если совершенно обнажит сторону, с которой подвергся нападению, велев прикрывавшей его фигуре отойти и поставив её на другое поле».

Глава 2. Продолжение: распространение игры

«Кроме того, есть у них ещё более превосходная игра следующего рода. Многие из них играют двумястами камешками, одни из которых белые, другие чёрные, на доске, разделённой на триста полей. Этими камешками каждый старается загнать и заключить камешки другого в середину доски, чтобы тем лучше овладеть остальными полями. Тому, кто занял на доске больше всего полей, в конце присуждают победу. Эту игру чрезвычайно любят и употребляют правители; часто они проводят за ней целый день. Ведь опытные и искусные игроки могут продолжать одну партию целый час. Тот, кто хорошо обучен и сведущ в этой игре, даже если мало понимает в других делах, пользуется великим уважением и предпочтением перед другими. Более того, некоторые с особой торжественностью и обрядами избирают таких людей своими наставниками, чтобы правильно и основательно выучиться у них одной лишь этой игре, и по своему обычаю всю жизнь признают их учителями» (названная страница 90).

Если теперь снова обратиться к северу, то встретим москвитов и русских. О них Павел Одерборн (P. Laug.) в письме к Давиду Хитрею, отправленном из Литвы в восьмой день до августовских календ 1581 года, сообщает следующее: «Русские, или москвиты, с величайшим искусством разыгрывают сражения воинов: два короля, белый и чёрный, поставленные друг против друга ради славы, борются оружием двух цветов. В этом искусстве они поистине так превосходны, что я не знаю, можно ли сравнить с ними какой-либо другой народ».

То есть: «Русские, или москвиты, играют в шахматы весьма проницательно и с особенным усердием. Они настолько искусны и опытны в этой игре, что, по моему мнению, другие народы нелегко с ними сравнить». Поляки, финны и прочие северные народы также ненамного уступают этим своим соседям. О древних готах уже упоминалось выше, в первой главе, при седьмой пользе игры.

Как обстоит дело с нами, немцами, известно, и писать об этом нет нужды. Из приведённого выше рассказа о сыне короля Пипина видно, что немцы умели играть почти тысячу лет назад. Ещё и ныне в сокровищнице французских королей в Сен-Дени показывают шахматные фигуры, которыми Карл Великий, сын Пипина и первый германский император, будто бы порой развлекался и играл.

Также и у англичан, французов и итальянцев шахматную игру не прячут под скамью. Но особенно преданы ей испанцы: от природы склонные к игре, они будто бы являются и лучшими игроками, как свидетельствует о них, объясняя причины, упомянутый Пасхазий Юст Экловийский на страницах 36 и 46. Многие считают их лучшими шахматистами; так отзывался о них и граф Бальдассаре Кастильоне во второй книге «О придворном».

Глава 2. Продолжение: отдельные любители игры

Что до отдельных лиц, особенно предававшихся этой игре, то у Гомера, в первой песне «Одиссеи», найдём уже упомянутых женихов; у Еврипида, в «Ифигении в Авлиде», — Протесилая и Аяксов, развлекавшихся пессами, или шахматными камешками. Также названный Юст Экловийский свидетельствует об Августе и Вере, двух римских императорах, о Меценате и Квинте Гальбе, что они были хорошими шахматистами. Сцеволу упоминает Валерий Максим, книга 8, глава 8. О Карле Великом было сказано немного выше.

О папе Льве X Павел Иовий, епископ Ночеры, пишет в четвёртой книге его жизнеописания, страница 86, следующее: «Игру в кости он всегда осуждал как пагубную для домашнего достатка и нравов. Но в шахматы даже с самыми опытными игроками он играл столь тонко и проницательно, что, казалось, никто не мог сравниться с ним ни искусством, ни быстротой завязывания и завершения сражения».

То есть: «Папа Лев, десятый этого имени, всегда ненавидел и отвергал игру в кости как весьма вредную для поведения человека и его благосостояния, словно заразительный яд. В шахматы же он играл очень проницательно, даже с самыми искусными мастерами, и почти всех далеко превосходил опытом и умением вести это сражение камешков и быстро завершать его».

Глава 2. Продолжение: Буцекка и Манджолино

Джованни Виллани в книге 7, главе 12, № 3, на листе 195, упоминает сарацина, или турка, следующими словами: «В это время, в 1266 году по Рождестве Христовом, во Флоренцию прибыл сарацин по имени Буцекка, величайший мастер шахматной игры. Во дворце народа, перед графом Гвидо Новелло, он одновременно играл на трёх досках с лучшими шахматными мастерами Флоренции: на двух — по памяти, на третьей — глядя на доску. Две партии он выиграл, третью свёл вничью; это сочли великим чудом».

То есть: «В то время, именно в 1266 году по Рождестве Христовом, во Флоренцию прибыл турок по имени Буцекка, хитроумный и искусный шахматист. В присутствии графа Гвидо Новелло, в большом общественном дворце, или зале, он играл одновременно на трёх шахматных досках с виднейшими шахматистами Флоренции: с двумя — в уме, или на память, а в третьей партии сам передвигал фигуры. Две партии он выиграл; третью довёл до того, что противник не мог больше сделать ход ни одной своей фигурой, и она была прекращена как равная. Этому чрезвычайно дивились».

Подобное рассказывает об одном флорентийце Рафаэль Волатерран, книга 29 «Городских комментариев», лист 313, оборот, а вслед за ним Иоанн Равизий Текстор в «Мастерской», столбец 906. Последний пишет: «В прошлом столетии, именно в 1400 году по Рождестве Христовом, флорентиец Манджолино был столь искусен в игре воинов, или латрункулов, что играл по памяти через другого человека, совсем не глядя на доску; противник же, хотя смотрел со всем вниманием, проигрывал».

То есть: «В 1400 году по Рождестве Христовом во Флоренции жил человек по имени Манджолино, чрезвычайно опытный и искусный в шахматах. Он мог играть с кем-либо через другого человека, которому по памяти называл свои ходы, никогда не обращая взгляда на доску или фигуры, и всё-таки выигрывать, хотя противник видел перед собой фигуры на шахматной доске и старательно заботился о своей выгоде».

Глава 2. Продолжение: греческие и латинские названия

Что касается названий этой игры, греки называли её *παιτεία*, или *πλινθίων*, — игрой в камешки, а искусство игры — *παιτεντική*. Об этом следует справиться у Целия Родигина, «Древние чтения», книга 20, главы 14 и 27.

Латиняне называли её *ludus latronum*, или *latrunculorum*, то есть солдатской игрой, а искусство игры — *latruncularia*, согласно словам Сенеки в упомянутом письме 117. Ведь *latrones*, как указывают Роберт Стефан в третьем томе «Сокровищницы латинского языка» и Дионисий Ламбин в комментариях к Плавту, у древних назывались наёмные солдаты, или, по словам Феста, те, кто нёс военную службу по найму; слово производят от *λατρεῖω*, то есть «служу». Они служили за плату либо носили меч у бедра. Было принято, чтобы полководец держал их возле себя и первыми посылал навстречу всякой опасности. Варрон же в шестой книге «О латинском языке» полагает, что *latrones* названы как бы *laterones*, поскольку обычно находились по бокам: теперь их называют сопровождающими или телохранителями.

Глава 2. Продолжение: примеры словоупотребления

Плавт, «Хвастливый воин», действие 1: «Ведь царь Селевк весьма настойчиво просил меня собрать и набрать ему наёмных воинов». Он же там, действие 4: «Сегодня я отправил к царю Селевку своего прихлебателя, чтобы он повёл отсюда к Селевку нанятых мною воинов, которым надлежит охранять его дворец».

Вергилий, «Энеида», книга 12: «...и бесстрашно ломает вонзившееся оружие охотника...» То есть *latronis* здесь означает «охотника»: ведь и охотники имели обыкновение наниматься на службу. См. Иакова Понтана из Общества Иисуса, «Символы», книга 17, к двенадцатой книге «Энеиды», столбцы 2215–2216.

В нынешнее время её почти повсюду называют *Schach-Spiel*, или *Schach-Zabel-Spiel*, вместо *Schachtafel-Spiel*, как говорим мы теперь. Ибо старые немцы превращали Т в Z, как произошло с названиями города Цаберна в Эльзасе, Цюриха, Цуга и других мест, которые римляне называли *Taberna*, *Thurigium* и *Thugium*. Однако откуда игра получила это название, установить нелегко. Некоторые производят его от фигур, но объясняют это не одинаковым образом.

Глава 2. Продолжение: шах и королевская игра

Одна сторона утверждает, что нынешние персы и мавританцы называют короля и владителя либо Ха, как Гарсия да Орта в приведённом выше месте, либо Saha, как Иоанн Томас Минадой во второй книге «Персидской истории», страница 42, либо Saha, Scah, Scach, как Пётр Бизарр, книга 10 о персидских делах, страница 357, в конце, и Венцеслав Будовец из Будова в письме к Давиду Хитрею о состоянии церкви в Греции и прочем. Что касается древних халдеев, то утверждение Вителлия, глава 3, будто это слово происходит из халдейского языка, подтвердить не удаётся.

В этой игре выигрыш и проигрыш зависят от королей, поскольку они — главы этого вымышленного сражения. Поэтому её не без основания называли шахматной, или королевской, игрой, подобно тому как курьерская игра получила своё имя от курьеров, также принадлежащих к лучшим фигурам. Хотя это название весьма подходит к нашей игре и мы оставляем его в нашем родном языке, всё же кажется невероятным, чтобы при столь долгом употреблении игры её название лишь позднее пожелали заимствовать у варварских народов.

Глава 2. Продолжение: Полидор Вергилий и Амербах

Другая сторона, во главе которой стоит Полидор Вергилий, «Об изобретателях вещей», книга 2, глава 13, полагает, что игра названа шахматной, или игрой в камешки, по всем фигурам, ныне называемым *scaci*. Его слова таковы: «В наше время эти камешки, или игральные фишки, или маленькие разбойники, которыми мы играем, сражаясь, — ибо состязание подобно битве, — названы *scaci*, быть может, от *scandere*: ведь камешки, когда их передвигают, словно поднимаются на противоположную, неприятельскую сторону».

То есть: «Камешки, употребляемые в этой игре, весьма похожей на сражение, ныне называются шахматными фигурами, быть может, от латинского слова *scandere*, поскольку при передвижении они словно поднимаются в сторону противника». Многим такое мнение может показаться слишком далёким объяснением; поэтому другие ищут происхождение названия в том употреблении, которое это словечко имеет в игре.

Мы же полагаем, что название вещи прежде всего следует по возможности выводить из её природы и свойств. Потому Вит Амербах, в толковании второй книги «Скорбных элегий» Овидия, быть может, наиболее удачно объяснил это название. Он пишет: «Игра в латрункулы ныне называется игрой *scaci*, возможно, от обращения в бегство, если позволительно брать этимологию из нашего языка. Ведь она представляет некоторое подобие сражения».

То есть: «Игра, называвшаяся у латинян *ludus latrunculorum*, теперь называется шахматной, быть может, если захотеть вывести происхождение словечка из нашего немецкого языка, из-за шахования, вытеснения и изгнания фигур противника, о чём ниже будет сказано подробнее. Ибо в ней скрывается образ сражения и обращения неприятеля в бегство».

Глава 2. Окончание: предположение о немецком происхождении названия

Не невероятно, что от немцев, хорошо знакомых с этой игрой, как можно предположить из приведённых выше свидетельств Олая Магнуса, баварских хроник и Метелла, после их вторжения в Римскую империю и завоевания Италии, Испании и Франции игра вместе с названием по большей части перешла к этим народам и сохранила своё имя. Это не должно казаться слишком странным. Не говоря уже об испанцах, которые от готов, и о галлах, или французах, которые от германских франков переняли часть обычаев и языка и смешали их со своими, — о чём, кроме историков, можно прочесть у Никодема Фришлина, «Воскресший Юлий», страница 308, — сколько немецких слов итальянцы усвоили от германских готов и лангобардов, долго владевших Италией, и включили в свой язык! Об этом упомянутый Фришлин говорит в названном сочинении на странице 331, наряду с другими авторами.

Разве их правоведы не употребляют слова *feudi*, *fodri* и бесчисленное множество подобных, о которых учёные знают, что они немецкие? Как сильно они следуют немецкому строю в таких выражениях, как *Io ho havuto* — «я имел», *Ich habe gehabt*, и *Io sono stato* — «я был», *Ich bin gewesen*, и во многих других! Разве их *lasciare* не соответствует нашему немецкому *lassen*? Почему же они не могли подобным образом взять своё *scacciare*, то есть «выталкивать, прогонять», от нашего старого немецкого слова *schacken*, или «изгонять»?

Впрочем, здесь мы охотно примем лучшее и более обоснованное объяснение.

Глава 3. О разделении этого искусства

Всё, что необходимо знать в общем о природе и существе шахматного искусства, его происхождении и названии, достаточно изложено в предыдущих главах. Но как овладеть им, каким образом последовательно его преподавать и изучать? Хотя это и кажется трудным, само искусство подскажет нам ответ, если только вспомним из первой главы, что оно принадлежит к числу так называемых *artes operatrices* — искусств деятельных.

Об этих искусствах Аверроэс в первой книге «Коллигета», глава 1, пишет так: «Практические искусства, поскольку они являются искусствами, заключают в себе три вещи. Первая — знать место их предметов; вторая — знать искомую цель, чтобы осуществить её в предмете; третья — знать орудия, посредством которых мы можем осуществить эту цель в данном предмете».

То есть: «Искусства, направленные на действие и дело, поскольку они действительно являются искусствами, заключают в себе три вещи, которые надлежит хорошо замечать и учитывать. Во-первых, следует знать и изучить вещи, подчинённые искусству, насколько они могут служить его потребностям. Во-вторых, следует познать ближайшую цель, которую искусство ставит перед собой и посредством которой определяется употребление названных вещей. Наконец, следует научиться понимать средства и пути, которыми можно сообщить этим вещам указанное назначение и таким образом достигнуть поставленной перед собой цели».

Первые две вещи относятся, так сказать, к знанию; последняя, когда наряду со средствами показывается применение и приёмы, — в особенности к самому делу.

Глава 3. Продолжение: практика и разновидности игры

В соответствии с этим мы сперва последовательно рассмотрим вещи, подчинённые этому искусству и игре, то есть шахматные фигуры и доску. Во-вторых, — искомую здесь цель, именно вымышленную ради удовольствия и развлечения победу и одоление противника. Наконец, возьмёмся за обе оставшиеся стороны: средства, служащие достижению победы и предотвращению проигрыша, и их применение в разнообразных видах и способах.

Практика — истинный учитель, но без знания искусства она почти слепа. Поэтому в этом трактате мы не обошли теорию, однако прежде всего направили свои мысли к тому, чтобы по возможности дать любителям этой игры надлежащую практику и способы её применения. Всё это — для лучшего и более ясного, насколько мы разумеем, изложения прекрасного шахматного искусства, чем бывало прежде.

Хотя до сих пор многие брались описывать эту весьма древнюю, широко прославленную и искусную игру, почти все довольствовались объяснением одного лишь знания. А то немногое, что некоторые из них желали сообщить о практических приёмах, они излагали столь кратко и невразумительно, что даже человек, знакомый с игрой, едва мог постичь их замысел — что именно они хотели сказать.

Прежде чем перейти к подробному разделению, следует знать: ныне в шахматы можно играть тремя способами. Различие состоит в том, что одна доска разделена на большее число полей и потому требует больше фигур, чем другая; либо поля и фигуры одинаковы, но по ходам этих фигур одна игра совершеннее другой.

Первая разновидность, для которой употребляют большую доску и больше фигур, почти вышла из употребления и называется старой куррентной, или курьерской, игрой. Мы будем называть её древнейшей шахматной игрой.

Вторая разновидность имеет меньшую доску и меньше фигур, но ходы их по сравнению с первой остаются неизменными. Несколько сотен лет назад она была у нас в употреблении, теперь же почти совершенно исчезла. Эту малую игру мы называем старинной шахматной игрой.

Глава 3. Окончание: новая игра и устройство трактата

Третья разновидность сохраняет такую же доску, как предыдущая, унаследованную от древнейшей игры, но настолько усовершенствовала ходы фигур, что кажется той же древнейшей игрой, только теснее сжатой. Ныне она весьма распространена, считается лучшей и совершеннейшей и может называться новой куррентной игрой.

Поэтому мы сразу возьмёмся за эту последнюю разновидность и рассмотрим её в следующих главах первой, второй и третьей книг, вплоть до девятой главы четвёртой и последней книги. Когда мы прилежно усвоим её, нетрудно будет вкратце понять и две другие игры по девятой и десятой главам четвёртой книги.

Когда и кем эта новая игра была столь тесно сведена из древнейшей куррентной игры, мы точно не знаем. Можно лишь предполагать, что начало ей положили испанцы; от них она перешла к итальянцам, а затем, в течение последних ста лет, — к нам. Эту игру описывают Дамиано, Руй Лопес, Томас Актий, Лукас Вителий и Артур Сол.

Что касается порядка и разделения, их основание уже указано выше; они состоят из следующих частей. Первая часть заключена в оставшихся девяти главах первой книги. Сначала, в четвёртой главе, говорится в общем о шахматных фигурах и принадлежащей им доске; в пятой, шестой, седьмой, восьмой, девятой и десятой — о фигурах по отдельности; в одиннадцатой — о шахматной доске. Затем, в двенадцатой и последней главе, — о цели и назначении игры.

Вторая часть охватывает средства, которыми достигается названная цель игры. О них во второй книге сперва говорится в общем — в первой, второй и третьей главах; затем отдельно объясняется, как изучить их посредством определённого порядка, правил и установлений, — в четвёртой и пятой. Наконец, о том, как вполне применять игру на деле посредством разнообразных способов и примеров, говорится в общем в шестой, а подробно — в седьмой главе. В последней находится особое разделение следующих книг и глав, вплоть до девятой главы четвёртой книги.

Глава 4. О шахматных фигурах, их названиях, числе и разделении, а также о шахматной доске вообще

Предметы, которыми ведётся эта игра и которые, так сказать, составляют её материю, без которых она не может быть осуществлена, — это, как упомянуто в предыдущей главе, шахматные фигуры, или маленькие воины, а затем доска, предоставляющая им место и поле.

Что касается фигур, то, согласно сказанному выше во второй главе, греки называют их $\pi\epsilon\alpha\sigma\sigma\omicron\iota$ и $\psi\eta\phi\omicron\iota$; латиняне — *Calculi*, а собственно — *Latrunculi*, *Milites*; Полидор Вергилий — *Scaci*; мы же — шахматными камнями, изображениями, шахматными человечками или маленькими воинами.

Числом их тридцать две, и для предстоящей битвы этого считается достаточно. Правда, такое число может показаться слишком малым: для защиты атакованного места или для нападения порой требуется много фигур, отчего остальные столь ослабляются, что кажется, будто всё сразу поставлено на карту. Тем не менее иногда и одной фигурой можно успешно противостоять двум или трём фигурам нападающего врага; равным образом одной или двумя можно осуществить хороший замысел. Подробнее об этом расскажут конец четвёртой главы второй книги, а также разнообразные способы и виды игры во второй, третьей и четвёртой книгах.

Фигуры разделяют на два отряда: один белого, другой чёрного цвета. Этим указывается, что в войско следует, насколько возможно, набирать и употреблять людей одного народа: среди множества разных народов легко опасаться несогласия, недовольства и неверности; к тому же, когда народов немного, начальники и предводители могут гораздо лучше их узнать и понять их нрав.

Таким образом, у каждой стороны имеется по шестнадцать фигур. Будучи отделены друг от друга в два отряда, они равны числом и различаются лишь цветом.

Главные фигуры, солдаты и общественные должности

Восемь из них называются главными фигурами и носят следующие имена: 1. Король. 2. Королева. 3–4. Две ладьи. 5–6. Два стрелка. 7–8. Два всадника. Из каждой пары один принадлежит королю, другой — королеве.

Если иметь в виду цель этой игры, восемь главных фигур можно, в свою очередь, распределить следующим образом. Главнокомандующий, от которого зависит всё и ради которого остальные фигуры вступают в эту войну, — король. Фельдмаршал — королева. Полковники и командиры — ладьи. Конница — всадники. Солдаты двойного жалованья — стрелки: ведь они справедливее заслуживают двойного жалованья, чем копейщики, как не без основания полагал Иоганн Якоб фон Вальхаузен в своём «Военном искусстве пехоты», на странице 59, вопреки укоренившемуся обычаю.

Остальные восемь фигур, стоящие во втором поперечном ряду, на ближайших полях перед названными главными фигурами, в этом трактате именуются солдатами; они обозначают пехоту.

Брат Якоб де Касаллис в трактате «О нравах людей и обязанностях знатных», а также Якоб Публиций Флорентийский в своей книге об ораторе и искусственной памяти распределяют эти фигуры по особым должностям и соответственно дают им следующие различные названия.

Верхний ряд, слева направо: *Interrex* — наместник; *Eques Auratus* — рыцарь золотой шпоры; *Vir Consularis* — консуляр; *Rex* — король; *Regina* — королева; *Vir Consularis* — консуляр; *Eques Auratus* — рыцарь золотой шпоры; *Interrex* — наместник. Под ними, в том же порядке: *Colonus* — земледелец; *Faber* — ремесленник; *Scriptor* — писец; *Thesaurarius* — казначей; *Medicus* — врач; *Caupo* — трактирщик; *Tecolonarius* — сборщик пошлин; *Lusor* — игрок.

По-видимому, они хотят соотнести шахматную игру с целым государством, его сословиями и должностями. Хотя игра, собственно, к этому не направлена, мы всё же намерены впоследствии, для удовольствия читателя, подробнее рассказать об этом в соответствующем месте.

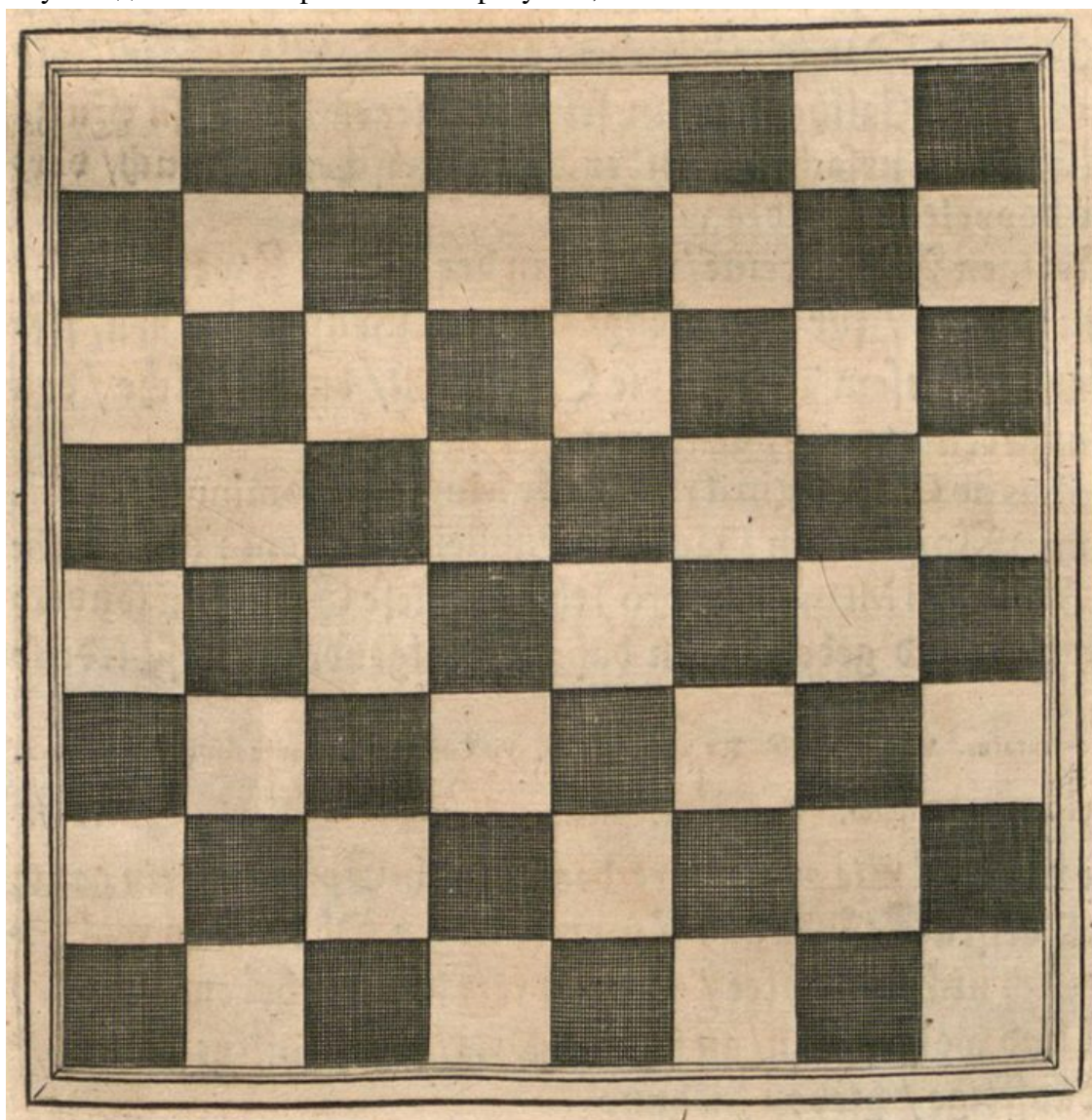
Изготовление фигур и устройство доски

Каким образом следует изображать, вырезать, вытачивать или отливать короля и остальные пятнадцать фигур, предоставляется выдумке и замыслу каждого мастера. Поэтому здесь нет нужды устанавливать что-либо определённое: мы хотим лишь научить игрока, на каких полях фигуры стоят и каким образом ими следует ходить. Впрочем, их вполне удобно изготовлять и употреблять в таком виде, какой показан на рисунках и изображениях, помещённых в следующих шести главах.

Прежде чем говорить об этих фигурах по отдельности, мы должны сначала осмотреть место, на котором эти маленькие воины впоследствии разобьют лагерь, построятся и вступят в битву. Это шахматная доска, или, как выражались древние, Schach-Zabel.

По своей форме она четырёхугольна, длина её равна ширине, и она ограничена четырьмя сторонами. В ней заключены восемь широких рядов вдоль и столько же поперёк; таким образом получаются шестьдесят четыре поля. Для удобства игры они различаются цветом, чередуясь: одно белое, другое чёрное, как показывает следующий рисунок.

Пустая доска 8 × 8. Оригинальный рисунок:, печ. 50.

Доска как поле битвы

Это четырёхугольное пространство обозначает равнину или место, на котором сходятся два короля и один даёт другому сражение, выстроив войско в искусный боевой порядок.

Квадратную форму оно имеет, быть может, потому, что такая фигура вообще считается наилучшей, а здесь — наиболее удобной для предстоящего дела; об иных предположениях, о которых рассуждает Томас Акий в вопросе 6, № 104, в конце вопроса, мы умолчим.

Бортики доски изображают рвы и укрепления, которыми оба войска пользуются для своей защиты. Ведь фигуры, стоящие в углах и у бортиков, могут гораздо лучше защищаться, встречать и выжидать нападение или стычку, нежели когда их выдвинули на середину поля, где их легко окружить. Эти бортики означают также предел жизни и смерти маленьких воинов: те, кого враг снимает с доски за её края, считаются погибшими и убитыми в сражении.

На шестьдесят четыре поля доска разделена для того, чтобы можно было точнее определять ходы, расположение и нападения фигур. Полей же именно столько для того, чтобы тридцать две фигуры занимали в боевом порядке столько же полей — по шестнадцать, в двух крайних поперечных рядах с каждой из противоположащих сторон, — и при этом половина доски, также состоящая из тридцати двух полей, оставалась свободной посередине между обоими отрядами. Она обозначает место, на котором противники нападают друг на друга либо всем войском, либо в обычных стычках.

Дальнейшие сведения об этой доске находятся ниже, в одиннадцатой главе этой книги.

Глава 5. О двух королях — чёрного и белого отрядов, об их местах и полях при начале игры и об их ходах

Теперь мы намерены рассмотреть шахматных человечков по отдельности, чтобы узнать их имена, достоинство, место и ходы, полученные ими от искусства, подражающего природе. В этой первой книге мы припишем им эти свойства так, словно они сами стоят и ходят, чтобы впоследствии надлежащим образом пользоваться ими, передвигая и выдвигая их.

Das Fünfte Capittel.

Von den zween Königen/ des Schwarzen/ und
des Weissen Hauffens: ihrer Stelle/ und Felder/ in
welche Sie/ zum anfang müssen gesetzt werden/
und derselben gange.

Nuhn wollen wir/ insonderheit/ die Schach-
Mänlein/ umb ihre Nahmen/ Würde/ Stelle/ und
Gänge/ welche Sie/ von der Kunst/ alsz der Natur
Nach-Affin/ bekommen/ und wir ihnen/ in diesem
Ersten Buche/ alsz wan Sie selbst stünden und gieng-
gen/ zuetignen wollen/ (auf dasz wir ihrer/ im ziehen und vortrucken/
hernacher recht zu gebrauchen haben) zu erlernen/ für uns nehmen.

Und zwar/ unter den fürnehmsten/ und anderen gemeinen
Steinen/ ist der König/ das Haupt/ und die Seele/ des gantzen Krie-
ges/ hauffens. Dan bey diesem/ der verlust/ und gewin des Spieles/
beruhet/ und die Andere Steine/ mit demselben/ entweder gewinnen
oder verlieren.

Seine Stelle betreffend/ ist ihm/ das vierte feld/ von der
Rechten/ (so fern Einer/ mit den Weissen Steinen/ spielet) oder von
der Linken Hand/ (wan Einer/ die Schwarzen Steine/ gebrauchet)
anzus

Среди главных и прочих, рядовых фигур король является главой и душой всего войска. От него зависят проигрыш и выигрыш игры, и остальные фигуры вместе с ним либо выигрывают, либо проигрывают.

Что касается его места, ему назначено четвёртое поле, считая от правой руки, если играют белыми фигурами, или от левой, если пользуются чёрными. Так он, повелевающий всеми и являющийся их главой, помещён как бы посередине: подобным образом персы и древние оставляли среднее место тем, кому хотели воздать честь. Следовательно, белый король стоит на чёрном поле, а чёрный — на белом.

Его ход медленный: лишь с одного поля на соседнее, не далее, хотя бы ему и был объявлен шах; исключение составляет прыжок на третье поле, о котором вскоре будет сказано. Однако ходить он может всеми способами, какими ходят ладьи, стрелки и солдаты, независимо от цвета поля: вперёд, назад, поперёк либо по углам и остриям, то есть по таким линиям, где следующие друг за другом поля имеют одинаковый цвет. Такова, например, линия от ладьи белого короля до ладьи чёрной королевы, состоящая из белых полей; по такому же направлению солдаты берут друг друга.

Наконец, к другому королю он никогда не может приблизиться ближе, чем на третье поле: между ними всегда должно оставаться одно поле, по причинам, изложенным ниже, в конце первой главы второй книги. Поэтому со своего начального поля он передвигается на пять других: 1) на поле королевы; 2) на поле своего стрелка; 3) на второе поле королевы; 4) на второе поле своего стрелка; 5) на своё собственное второе поле.

Особый прыжок короля

Прыжок ему разрешён не только подобно всаднику, но также в сторону и вперёд, однако с определёнными ограничениями и условиями. А именно: он ещё не должен был получить шах, принуждающий его покинуть своё поле, о чём говорится также в первой главе второй книги; кроме того, на третьем поле, куда он прыгает, ему не должна препятствовать никакая фигура — ни вражеская, ни своя.

При таком прыжке нельзя ни взять стоящую на этом поле неприятельскую фигуру, ни тем более передвинуть собственного солдата с его поля на следующее вперёд, поставив короля на освободившееся место. Последнее, впрочем, кое-где принято: этим, возможно, хотят показать, что низший обязан уступать высшему даже с опасностью для жизни. Нельзя также одновременно переставлять его ладью с её поля на поле короля, самого короля — на поле его всадника, а солдата названной королевской ладьи — на одно поле вперёд, совершая всё это до ответа противника. Такой порядок, как будет видно ниже, в четвёртой главе второй книги, противоречит принятому обычаю этой игры. Сам же прыжок допускается лишь тогда, когда фигуры находятся в опасности, либо когда им можно причинить врагу ущерб и помешать ему, либо когда короля необходимо поставить в безопасное место и укрыть за укреплениями.

Девять полей прыжка короля

Эти прыжки совершаются следующим образом. Со своего поля король вначале может прыгнуть на девять полей: на первом поперечном ряду, в свою сторону, — 1) на поле своего всадника; на том же ряду, в сторону королевы, — 2) на поле её стрелка; на ближайшем следующем ряду — 3) на второе поле своего всадника, 4) на второе поле стрелка королевы; на третьем ряду — 5) на третье поле своего всадника, 6) на третье поле стрелка королевы, 7) на своё собственное третье поле, 8) на третье поле королевы и, наконец, 9) на третье поле своего стрелка.

Если он прыгнул в середину доски, например на своё третье поле, то оттуда его можно передвинуть: 1) на своё четвёртое поле; 2) на четвёртое поле своей королевы; 3) на четвёртое поле своего стрелка; 4) на третье поле своего стрелка; 5) на третье поле королевы; 6) на своё второе поле; 7) на второе поле своей королевы; 8) на второе поле своего стрелка — всего, таким образом, на восемь полей. Это относится и к остальным восьми только что названным прыжкам. Однако с поля своего всадника и с поля стрелка королевы он может попасть лишь на пять полей, как и тогда, когда стоит на собственном начальном поле.

Почему же он может прыгать подобно всаднику и ходить указанным образом, как ладья, стрелок и солдат? Потому, что он — глава и король остальных фигур, а изобретателю этой достойной похвалы игры было угодно именно так установить свойства и особенности фигур. Других причин указать нельзя. Разве только древние хотели этим показать, что король, пока остаётся в своей стране, может безопасно и без всякого риска удаляться довольно далеко от королевского двора и выезжать в поле, хотя в недавние годы во Франции и Англии испытали противоположное. Но если ему приходится покинуть своё королевство или враг уже вторгся в его страну, тогда ему следует продвигаться медленно, и ему весьма необходимы тщательный надзор, охрана и стража.

Образ короля в старом толковании шахмат

Эта главная фигура описана в упомянутом трактате брата Якоба де Касаллиса, или толковании шахматной игры, следующими словами. В таком виде его перевели на немецкий язык разные безымянные переводчики, насколько позволяют судить попавшие нам в руки рукописные и старопечатные экземпляры.

«Королю придают облик живого короля, сидящего в своём дворце, облачённого в пурпур. Это означает, что он должен быть увенчан и облечён добродетелями и милостями: ими надлежит украшать и совершенствовать королевские помыслы и волю. Этими качествами он должен сиять перед другими людьми, как сияет перед ними его одеянием. На голове у него должна быть корона: она означает его высокое достоинство, ибо его достоинство служит честью его народу. Все его подданные взирают на него и ему повинуются.

В левой руке он должен держать золотое яблоко: этим он показывает, что является владыкой, защитником и распределителем долей для всех своих подданных — сам или через своих наместников. В правой руке у него должен быть скипетр: он означает силу, которой король должен обуздывать злых, не поддающихся укрощению ни телесными, ни имущественными наказаниями.

Во-первых, король должен быть кроток, и от него должно исходить сияние милосердия. Во-вторых, король должен быть правдив в словах и делах и всегда ненавидеть ложь. В-третьих, король должен быть добр. Ибо невозможно, чтобы добрый человек навеки погиб или умер несправедливой смертью; о жестоких же людях читаем, что они часто умирали злой смертью. В-четвёртых, король должен быть справедлив, ибо королевства без справедливости превращаются в разбойничьи вертепы.

Целомудрие и воспитание наследника

В-пятых, король должен быть целомудрен: ему не следует грешить ни с какой другой женщиной или желать её, но надлежит быть лишь с королевой. Потому её и ставят по левую руку от него. Можно также верить, что целомудренный, справедливый и правдивый король заслужит у Бога сына, подобного ему в этих добродетелях. Сын не должен вырождаться: его учат подражать добродетелям отца, чтобы он следовал ему нравом, как происходит от него рождением. Ибо весьма противно природе, чтобы король имел другую женщину или более одной.

Мы видим среди зверей и птиц, что там, где отцы вместе с матерями растят детёнышей, они остаются вместе, сочетавшись друг с другом, как это видно у горлиц. А те, кто не растит детёнышей совместно, соединяются со многими, что мы видим у домашних петухов. И поскольку среди всех животных именно у человека отец и мать более всего совместно растят, направляют и обеспечивают детей, то королю противно благоразумию соединяться с другими женщинами.

Фигуры как опора королевства

Чёрный король на шахматной доске стоит на четвёртом поле; по правую руку от него на белом поле находится рыцарь, а на чёрном — старец, и ещё ладья. По левую сторону те же фигуры стоят на полях противоположного цвета. Это потому, что рыцари составляют честь и венец короля. Слева от него рыцарь стоит на поле того же цвета, что и королева; подобным образом старец слева и прочие фигуры — на полях противоположного ей цвета, чтобы и король, и королева были защищены с обеих сторон.

Когда судьи и советники верно служат королю — это обозначает его правая рука, — а слева они же охраняют честь и мудрость королевы, тогда все дела государства устроены тем лучше. Но когда каждый думает лишь о своей особой пользе и выгоде, не заботясь об общем благе и чести государства, королевство утрачивает своё украшение.

Король превосходит их властью и княжеским достоинством, поэтому ему не следует слишком далеко удаляться из своего королевства. Это означает, что, впервые сходя с места, он не продвигается дальше третьего поля. Когда же он уже сошёл с места, то идёт лишь на соседнее поле, словно нищий.

То, что он унаследовал свойства всех фигур, означает: каждый должен признавать, что всё, чем он обладает, получено от короля. Так и сила членов человеческого тела исходит от головы, а начало жизни — от сердца. Всё, чем они служат, принадлежит королю по праву и по природе. Судье принадлежит мудрость, рыцарю — победа, наместнику — власть и сила, королеве — целомудрие, всему народу — единодушие: всё это воздают в честь короля.

Король и королева в старом толковании

Когда король впервые поднимается со своего места, он идёт на третье поле. Это означает, что первое совершенство заключено в трёх: один и два составляют три, а дважды три — шесть. Так обозначаются шесть названных здесь лиц на шахматной доске, составляющих истинную полноту: король и королева, судья и рыцарь, наместник и община. Король обладает свойствами всех них и потому должен обладать совершенством каждого.

Когда король сходит со своего места, он может вести с собой королеву. Это означает, что женщинам не следует без воли мужа давать обеты и обещания совершать поездки к церквям или паломничества. Если она даст обещание или обет, а муж воспротивится, она не может исполнить его без его согласия; муж же может дать такой обет и исполнить его без согласия жены. Если же она не хочет лишаться его общества, то может ехать с ним. Ибо жена должна повиноваться велению мужа; муж — глава жены, а жена не глава мужа.

Однако в исполнении супружеского долга ни один из них не властен над собственным телом: тело жены принадлежит мужу, а тело мужа — жене. Потому он должен брать её с собой и отдавать ей должное, если она того от него требует. Когда король идёт вперёд, королева может идти вместе с ним; если же вперёд идёт королева, король остаётся на месте, когда ему так угодно.

Следующим ходом он идёт лишь на соседнее поле. Это означает, что, пока он находится в своём государстве, он в безопасности; когда же выходит за его пределы, ему следует двигаться осторожно, ибо один он полезнее тысячи других. Если бы он один был пленён или убит, вся сила войска была бы уничтожена. Поскольку короли не смеют подходить друг к другу, они не могут взять друг друга. Если же у короля отнимут всех его людей, у него не останется никого, с кем он мог бы спастись и одержать победу. Чему радоваться королю, у которого нет никого, над кем он был бы королём и кто был бы ему подвластен и послушен?

Шах как требование справедливости

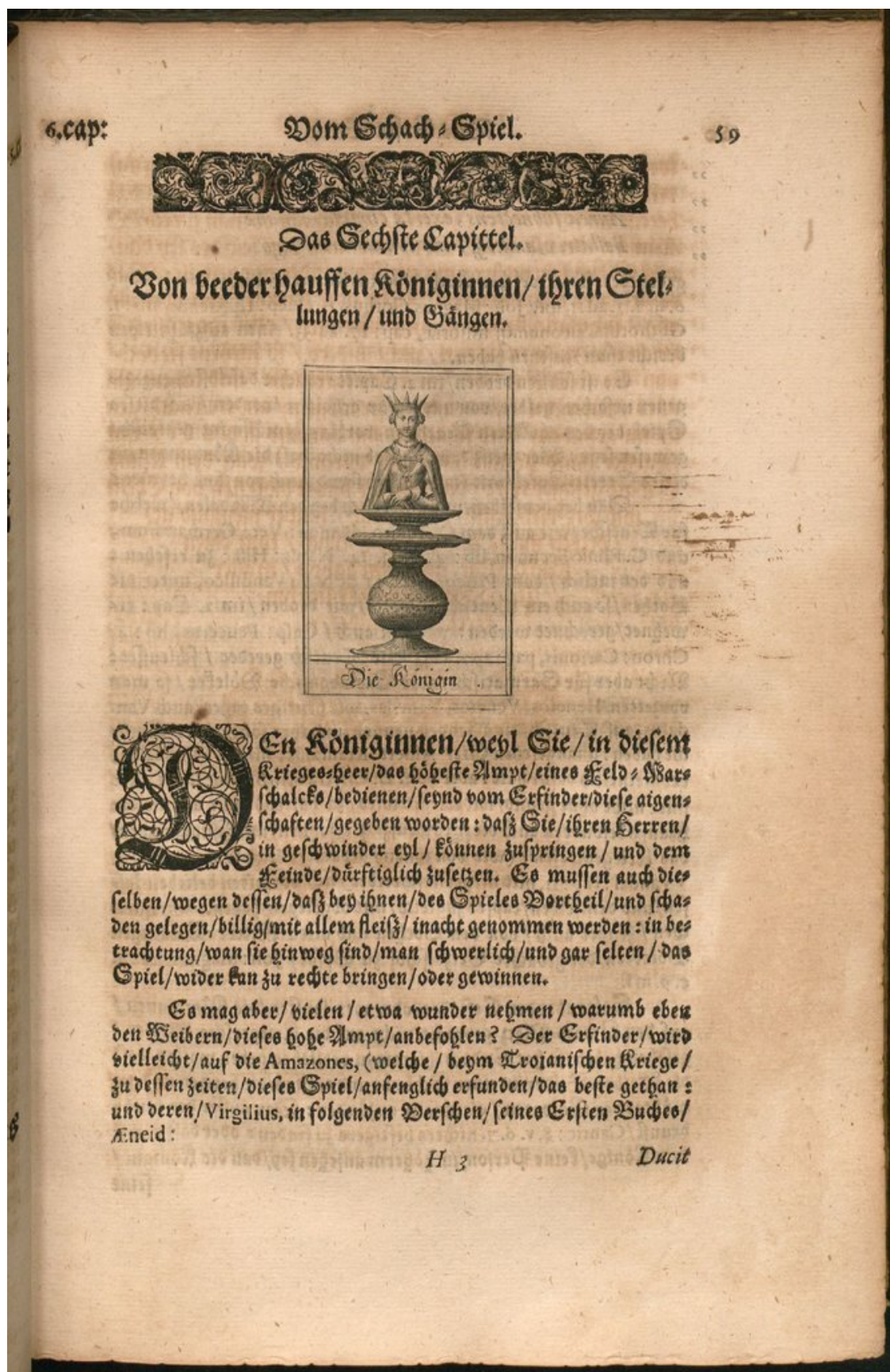
Пустая слава — носить королевское имя, не имея подданных, которые тебе служат.

Королю можно также объявить шах. Это означает требование справедливости, словно говорят: «О король, воздай мне по праву!» Так и должно быть, если только он не защитится мудростью или силой. Ибо часто случается, что рыцарь или слуга, знатный или незнатный, испытывает великую несправедливость либо чрезмерное притеснение. Если они не могут поступить иначе, то всё же бегут от короля, когда выходят вместе с ним в поле, и оставляют его одного среди врагов: иной мести они ему совершить не могут. Так они объявляют ему шах за то, что он судил суровой рукой.

И потому, когда королю объявляют шах, оказывается, что он лишён защиты знатных и незнатных и не может ни за кем укрыться. Этот шах ставит королю мат, и он попадает в руки врагов, куда бы ни повернулся и ни направился».

Глава 6. О королевах обоих отрядов, их расположении и ходах

Поскольку королевы исполняют в этом войске высшую должность фельдмаршала, изобретатель наделил их такими свойствами, чтобы они могли с великой быстротой приходить на помощь своим господам и смело теснить врага. И заботиться о них надлежит со всем усердием, ибо от них зависят преимущество и ущерб в игре: когда они потеряны, поправить положение или выиграть удаётся с трудом и весьма редко.

Многим, однако, может показаться удивительным, почему эта высокая должность поручена именно женщинам. Изобретатель, быть может, имел в виду амазонок, весьма отличив-

шихся в Троянской войне, во времена которой эта игра была впервые изобретена. О них Вергилий вспоминает в следующих стихах первой книги «Энеиды»:

«Пенфесилея в ярости ведёт отряды амазонок с серповидными щитами и пылает среди тысяч воинов. Под обнажённой грудью застегнув золотой пояс, дева-воительница дерзает вступить в бой с мужами».

Подробно о них сообщают также Альберт Кранций в первой книге «Швеции», в главах 6, в конце, и 7–11, и Иоганн Магнус Гот, архиепископ Упсальский, в первой книге истории готов и свеев, в главах 27–33.

Женщины-воительницы и происхождение королевы

Выше, во второй главе, по некоторым приведённым там причинам мы полагали, что эта игра должна была издавна быть в употреблении у древнейших германцев. Кто же знает, не от них ли происходит и включение королев в эту военную игру?

Ведь у них, в особенности у вандалов, не только мужчины, но и женщины и девицы в прежние времена любили военное дело и мужественно им занимались, как подробнее пишет о них упомянутый Кранций в первой книге «Вандалии», главе 11. Вандалов следует считать германцами: это видно из Корнелия Тацита, «О нравах древних германцев», и Гая Плиния Секунда, «Естественная история», книга 4, главы 13–14. Прокопий в первой книге «Войны с вандалами» прямо причисляет их к готам, также германскому народу, как упомянуто выше во второй главе; Каспар Пейцер в четвёртой книге «Хроники Кариона», на странице 297, тоже заключает, что они говорили по-немецки. Их не следует считать сарматскими или славянскими народами, прежде именовавшимися Heneti, Veneti, Vendae, а ныне также Vandali, по-немецки вендами, и имеющими свой особый язык. Хотя Альберт Кранций в первой книге «Вандалии» ошибочно придерживается такого мнения, Давид Хитрей в начале первой книги «Саксонии» не без основания его опровергает.

Подобное свидетельство о готах и обо всех северных народах приводит и упомянутый архиепископ Упсальский Иоганн Магнус в первой книге, в конце главы 9.

Королева рядом с королём

Если же изобретатель или тот, кто ввёл королев на это поле битвы, не имел в виду воинственных женщин, то он всё же хотел показать, что женщины в сражении словно воспламеняют сердца и души солдат: ведь нет ничего сильнее любовного пламени, как сказано в Песни песней, глава 8, стихи 6–7. Либо он хотел показать, что после самого короля никто не стоит в большем почёте, чем королева, его супруга: она словно сияет лучами своего господина и нередко высказывает по важным делам своё благоразумное и обдуманное суждение.

Своё место королевы занимают рядом с королём: белая — слева, на белом поле, чёрная — справа, на чёрном. Причины следующие. Во-первых, шахматную доску ставят так, чтобы крайнее белое поле находилось по правую руку у обоих игроков. Во-вторых, королевы, подобно королям и другим фигурам, должны стоять друг против друга.

О правой и левой стороне

Не составляет, однако, препятствия то, что чёрная королева занимает более высокое место, чем её король. Во-первых, хотя правая сторона обычно считается почётнее, это может иметь силу лишь среди лиц равного, а не различного достоинства.

Во-вторых, у древних был обычай отмечать всё доброе и похвальное мелом или белыми линиями, а постыдное и дурное, напротив, — углём или чёрными чертами. Чтобы показать, что воздавать женщинам большую честь, нежели мужчинам, было бы весьма постыдно, они хотели обозначить это чёрным знаком.

В-третьих, древние иногда придерживались иного порядка рассаживания, чем принято в наши времена. По мнению Актия, того, кому хотели оказать честь, сажали слева, а не справа. Так и царь Кир, согласно указанию Ксенофонта в восьмой книге «Киропедии», имел обыкновение сажать за царским столом самых любимых и желанных гостей по левую руку от себя. Этим он хотел показать, что эта сторона, находящаяся ближе всего к сердцу и потому подверженная многим опасностям, таким образом будет охраняться тем надёжнее. Следовательно, при оказании почестей непременно следует принимать во внимание обычай страны. Быть может, именно это хотел показать и дать понять изобретатель игры.

Дополнительные сведения о том, какое место — правое или левое — считалось у древних более почётным, можно найти у Липсия, «Electa», книга 2, глава 2, страницы 452–457.

Ещё одно объяснение Актия; движения королевы

Наконец, упомянутый Актий приводит ещё следующую причину в указателе к своему трактату о шахматной игре, под буквой R:

«Почему супруга чёрного короля стоит справа, а белого — слева? Можно рассмотреть и следующее, вовсе не лишённое занимательности объяснение. Поскольку правая сторона теплее левой, по свидетельству Макробия в седьмой книге «Сатурналий», жена стоит справа, чтобы показать: прежде всего горячим и крепким мужчинам следует брать жён. Она же остаётся справа именно от чёрного, а не от белого короля потому, что смуглые люди по большей части сильнее и более способны к любовным утехам. Отсюда пословица: «От белых людей никакой пользы». Ведь светлые и красивые люди обладают слабыми силами. Поэтому Гомер часто показывал нам, что сила и красота едва ли могут соединиться в одном теле. Если же светлые мужчины берут жён, то помещают их слева, на менее тёплой стороне, и не слишком часто возделывают супружескую ниву».

Что касается ходов королев, они движутся по всей шахматной доске, как и куда пожелают и смогут; берут встречающиеся им главные и рядовые фигуры, если это можно сделать без опасности для них. Они ходят прямо и поперёк, подобно ладьям, либо по острым углам, по одним белым или одним чёрным полям, как им удобно, подобно стрелкам; так же солдаты берут фигуры другого отряда. Но, чтобы королевы не считались равными королям, ими нельзя ходить подобно всадникам.

Вторая цитата Актия и старинные ограничения

«Королева не может ходить ходом всадников, то есть воинов, сидящих на конях, — пишет Актий, вопрос 5, № 96, 97 и 100, — потому, что конь — животное чрезвычайно похотливое, готовое предаваться похоти во всякое время, лишь бы представился случай. Поэтому женщины, особенно имеющие мужа, который ежедневно их кормит, не должны уподобляться коням в распутстве; не должны они и приближаться к коням, то есть к распутным мужчинам. См. Иеремия, глава 5, стих 8».

Древние в начале игры передвигали королеву на третье поле, а впоследствии — лишь на одно поле вперёд. Этим они хотели показать, что женщины лучше защищены дома и вне его не должны бродить повсюду или идти куда вздумается, поскольку так они могли бы впасть в распущенность. При этом королевы, подобно стрелкам, оставались на полях того цвета, на котором стояли первоначально: белая — на белых, чёрная — на чёрных. Подробнее об этом можно узнать ниже, в девятой и десятой главах последней книги.

Кроме того, в старину короли, когда это было нужно и обстоятельства того требовали, при своём первом выходе выводили королев рядом с собой на то же расстояние, на какое шли сами; однако те должны были оставаться на полях своего цвета.

Королева и наследование престола

Наконец, на своей стороне королевы имеют столько же фигур и солдат, сколько их короли; в отличие от королевских фигур эти называются фигурами королевы.

Об этой фигуре в упомянутых старых рукописях записаны следующие слова:

«Королева на шахматной доске должна иметь облик прекрасной женщины в украшенном золотом одеянии, увенчанной диадемой. Она должна стоять по левую руку от короля, чтобы он мог обнимать её правой рукой. Песнь песней, глава 1, стих 6. Её также ставят по правую руку от короля потому, что она имеет по милости то, что он имеет по природе.

Лучше иметь королей, наследующих по рождению и по праву первородства, нежели избирать их голосами князей. Ибо, когда престол пустует, из-за распрей выборщиков государство часто долго остаётся осиротевшим; от этого оно терпит ущерб, а право попирается. Бывает также, что князья-выборщики больше заботятся о собственной выгоде, чем об общем благе; при таких обстоятельствах имущество государства растрачивается и оно беднеет.

Если же престол наследуется, наследника с юности воспитывают так, чтобы он стал хорошим королём, по воле мудрого отца и в соответствии с его нравами, делами и добродетелями. Князья и господа, находящиеся в стране и под властью государства, должны также остерегаться возбуждать в нём войну или отчуждать государственное имущество, когда природный государь ещё остаётся на своём месте.

Добродетели королевы в старом толковании

Королева должна быть облечена пятью добродетелями. Во-первых, нравом она должна быть зрелой и совершенной, не склонной к дерзости: ведь нередко случается, что женщина легко забывает стыд.

Во-вторых, королева должна быть чистой и целомудренной, служа другим женщинам зеркалом и образцом. Как она превосходит других достоинством, так должна превосходить их целомудрием и благопристойностью.

В-третьих, королева должна быть мудрой, с рассудительными манерами, сдержанной в словах и умеющей хранить тайны. Ибо редко найдёшь женщин, способных скрывать и сохранять тайное; однако неумение это им вовсе не к лицу.

В-четвёртых, королева должна воспитывать своих детей, сыновей и дочерей, в добродетелях и добрых нравах. В-пятых, королева должна воспитывать дочерей в целомудрии и чистоте.

Старинное движение королевы и его толкование

Когда королева, поставленная рядом с королём, сходит со своего места на шахматной доске, она обладает свойствами двух фигур — старца и ладьи. Свойство старца таково: если она чёрная, то идёт на свободное чёрное поле справа, перед мастером, изготавливающим одежду, или писцом; слева — на свободное чёрное поле перед привратником. Ход ладьи она имеет двумя способами: во-первых, вправо, на чёрное поле, где первоначально стоял старец, если оно свободно; во-вторых, влево, на поле, где стоял рыцарь; в-третьих, вперёд, на чёрное поле перед врачом. Это потому, что королева действует по милости короля, а не в силу собственной власти.

Хо́да рыцаря королева не имеет, ибо рыцари — бойцы и воины, а женщинам не подобает сражаться, поскольку они слабы по природе. Когда же она уже сошла со своего места, впредь ей следует ходить лишь на ближайшее поле по диагонали, вперёд или назад, для взятия или отступления.

Возникает вопрос: если шахматы — военная игра, почему королева поставлена среди воинов для битвы, хотя женщины к таким делам не предназначены и непригодны? Это сделано потому, что в прежние времена женщины выходили в поле вместе с мужчинами. Также это служит королю развлечением и радостью, а королева тем самым свидетельствует о своей любви к нему; чтобы государство оставалось у наследников и чтобы они заботились о господах и гражданах государства.

Какого бы цвета ни было поле, на котором королева первоначально стоит рядом с королём, белого или чёрного, ей не следует менять его цвет, но надлежит оставаться на нём. Это означает, что она должна быть стыдлива и целомудренна, не дерзка и не своевольна. Потому и ходит она на ближайшее поле: дома, среди своих, она может весело играть и развлекаться; среди врагов её честь и доброе имя не так защищены, как среди близких. Женщине следует редко показывать свою дерзость, ибо это лишает её уважения».

Глава 7. О ладьях, их расположении и ходах

Описав в предыдущей главе должность, силу и возможности королев как фельдмаршалов всего войска, обратимся теперь к полковникам, капитанам и командирам. В каждом отряде их по два. Древние называют их *Interreges*, то есть наместниками отдалённых земель, поскольку они занимают места на границах; вернее же, потому, что они представляют короля и королеву, находящихся посередине войска, на краях боевого построения.

Иначе их называют слонами, башнями или ладьями — *Rochen*. Название связано со старым обычаем чужеземных народов вести сражения и войны при помощи слонов с возведёнными на них башнями, словно крепостями, которые итальянцы называют *Росса*. Пример этого можно прочесть в Первой книге Маккавейской, глава 6, стихи 30 и 34–38.

Das Siebende Capittel.

Von den Rochen/ ihrer Stellung/
und gängen.

Nachdem wir der Königinnen/ (als Feld-
Marschalken/ des ganzen Heeres) amt/kraft und
vermögen/ im vorigen Capittel/ erzehlet: so wol-
len wir nunmehr/ auch die Obersten/ Capiteine
und Befehlige/ habere/ für uns nehmen. Es seynd
aber derselben/ bey jeglichem Hauffen/ zween: und werden von den
Alten Interreges, das ist Stadt- Halter/ der weit abgelegenen Lan-
den/ (weyl Sie/ auf den grantzten/ ihre Stelle haben/ oder viel-
mehr/ daß Sie des Königes/ und der Königin/ welche mitten im
Hauffen sich aufhalten: stelle/ an den ecken der Schlacht- Ordnung/
verwalten) sonsten Elephanten/ Türne oder Rochen/ (wegen des
Alten gebrauches/ der Außländischen Völcker/ welche mit Ele-
phanten/ und darauf gebawten Türnen/ als Roeken/ wie die
Welschen/ eine Festung nennen/ ihre Schlachtungen/ und Kriege
verrichteten: davon dan/ im Ersten Buche der Maccab: im 6. Cap:
v. 30. 34. ad 38. ein Exempel zu lesen) genennet.

Ihre Stellung/ ist an den ecken der Linien/ darauf die Kö-
nige/ und die Königinnen gesetzt: und stehet/ der auf des Weissen
Königes seite/ im Weissen/ der auf des Schwarzen/ im Schwarzen
der Weissen

Ладьи на краях построения

Они располагаются по углам того ряда, в котором поставлены короли и королевы. Ладья на стороне белого короля стоит на белом поле, на стороне чёрного — на чёрном; ладья белой королевы — на чёрном, чёрной королевы — на белом. Таким образом, они замыкают боевой порядок на этом ряду. Причина кратко указана выше при объяснении слова «наместник». Другие ссылаются на обычай варварских народов ставить слонов по краям своего войска. Некоторые полагают, что этим показывается польза пограничных крепостей: во время бедствия и внезапного нападения неприятеля подданные, испробовав все средства и уже не имея возможности удержаться, могут бежать туда.

«Некоторые варвары, — пишет Акий в указателе под буквой А, — ставят крепости там, где мы ставим знаменосцев [стрелков], а на место крепостей — птиц, ходящих как крепости и называемых у них *Raschi*. Отсюда, быть может, по мнению некоторых, и обычное у нас, то есть у итальянцев, название *Rocchi*».

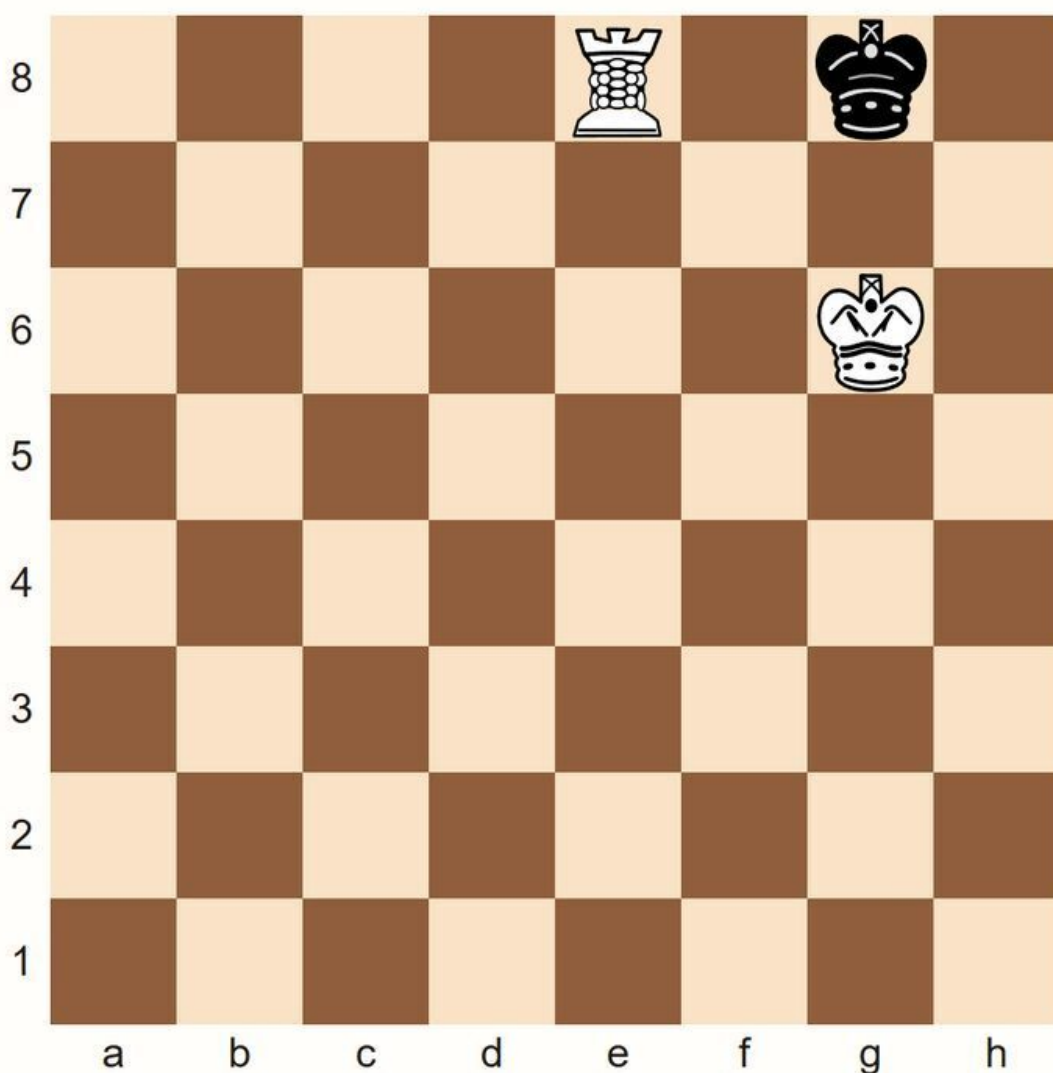
Прямые ходы и помощь королю

Ладьи ходят через стороны полей, а не через их углы: вперёд, в обе стороны и назад. Их передвигают на одно или несколько полей, белых или чёрных, как игрок сочтёт наиболее выгодным для своей игры, если путь открыт их товарищами. Встречая врагов на линиях, по которым им позволено двигаться, они могут брать их и убирать с пути.

Со своего первоначального поля ладья может пройти по всей линии перед собой или сбоку, до самого края шахматной доски. Если же она стоит посередине доски, то имеет словно четыре дороги: две по сторонам, одну впереди и одну позади. Её движение прямым и широким путём означает, что начальники и коменданты крепостей должны быть честны и верны.

Благодаря этой свободе движения ладьи считаются лучшими фигурами после королевы, даже словно половиной королевы, поскольку обладают половиной её ходов. Одна ладья, только при поддержке своего короля, может поставить мат, как показывает следующий рисунок. Кроме королевы, никакая другая отдельная фигура при своём короле и без иной помощи этого сделать не может.

Мат ладьёй у края доски. Реконструкция фрагмента : белые Krg6, Ле8; чёрный Krg8. Привязка к координатам редакционная; в оригинале показан угол без координат. Мат.

Поскольку ладьи стоят крайними в первом ряду и не могут ни вступить в бой, ни прийти на помощь королю, пока отряд не разомкнётся и не откроется, пользоваться ими следует главным образом под конец.

Ладья как наместник государя

Об этих фигурах в упомянутых старых рукописях находится следующее описание:

«Ладья на шахматной доске должна быть рыцарем, сидящим на коне, в плаще, в капюшоне, подбитом мехом; в правой руке у него должен быть жезл или палочка. Это означает наместников и посланников князей. Король не может присутствовать повсюду в своём государстве, поэтому ему нужны управители, наделённые его властью и совершающие от его имени то, что он должен был бы делать сам.

Поскольку государства весьма обширны, необходимо, чтобы их было двое: один по правую, другой по левую руку и сторону. Они должны следить, чтобы на границах и в отдалённых местах ничего не происходило вопреки государственному закону, чтобы государству не было причинено зла и общине — вреда, и пресекать на рубежах всякое движение или замысел, от которого мог бы произойти ущерб.

Во-первых, эти управители должны обладать справедливостью, сияющей выше всех прочих добродетелей. Ибо бывает, что государства гибнут, хотя подданные справедливы: когда должностные лица неправедны, считают неправедным и самого князя. Поэтому королевские наместники должны быть настолько справедливы, чтобы стойко стоять за справедливость и быть готовыми умереть за неё, а общее благо и пользу государства любить больше собственной жизни.

Во-вторых, управители должны быть добры: сердцем сострадать общине во всём, что с нею происходит, и выражать это делами. В одном они должны уступать, в другом — помогать, ибо доброта есть общая помощь, исходящая из благости и мягкости кроткого сердца.

Добродетели и власть наместников

В-третьих, они должны быть смиренны: чем выше человек и чем больше ему доверено, тем смиреннее ему следует быть. В-четвёртых, терпеливы в словах и свободны от злобы, чтобы не подвергать подданных с лёгкостью мучениям и дурному обращению.

В-пятых, они не должны желать чрезмерного богатства. Так поступали древние мудрые князья: они больше стремились обогатить своё имя и славу среди людей, нежели имущество. В-шестых, они должны быть щедры и охотно давать в лен владения. Когда они так поступают, всем людям легче переносить то, что приходится терпеть от князей.

О ладьях следует знать ещё вот что: когда все названные фигуры поставлены на свои места, у каждой есть выход, и лишь ладье прежде нужно расчистить путь, чтобы она могла сдвинуться с места. Это потому, что ладья, как написано выше, означает наместников, попечителей и управителей господ. Пока они находятся при дворе своего господина, собственной власти у них нет. Когда же вступают в должность наместника, они получают власть действовать так, как сам господин, будь он там. Власть их велика, ибо всё, что они делают, совершается силой их господина.

Поэтому, когда перед ними ничто не стоит, они идут от поля к полю назад, вперёд и в обе стороны, для защиты или нападения, если ничто им не мешает; лишь по диагонали идти не могут. Это означает великую власть, которой они обладают на войне. Потому они могут брать в плен, поражать и судить кого пожелают; даже короля, выступающего против них, они могут низвергнуть и лишить жизни».

Глава 8. О стрелках королей и королев: где их ставить, как ими ходить и почему в этой игре их считают лучше всадников

После ладей наиболее значительными считаются фигуры, которые прежде называли *Viri Consulares* — советниками, а также дельфинами: то есть принцами или князьями, как толкуют испанцы, либо любителями людей, как полагает Акий, вопрос 6, № 5.

Das Achte Capittel.

Von den Schützen/so wol der Könige/alß der
Königinnen: wohin man Sie sol stellen/wie Sie gezo-
gen/und warumb Sie besser/dan die Reuter/in dies-
sem Spiele/geachtet werden.

Nach den Rothen / werden für die fürneh-
meste Steine gehalten / die man vorzeiten / Viros
Consulares, Räte-Männer: Sonsten auch delphtine
(das ist/Prinzen oder Fürsten/wie es die Spanier
auslegen: oder liebhabere der Menschen: wie Aci-
us, quæst: 6. n. 5. wil) und dan Pfaffen: (vielleicht dahero/dieweyl
bey den gemeinen Scharhansen/Räthe/und dergleichen / für Pfaf-
fen/Älten/gleich bey unsern zeiten/Wehner grosse Potentat, alle ge-
larten/Poeten nennete: außgeruffen werden: oder aber / daß man/
auf den gebrauch/da sich die Geistlichen / nicht allein in Politischen
händeln/besondern auch/in Kriegen: geschefen / weidlich haben ge-
brauchen lassen/ gesehen / und Sie darumb mit / in dieses Streits
Spiel/geführt: auf daß der Spruch/alhie auch wahr bleibe:

Quicquid agit Mundus, Monachus vult esse Secundus:

Es magt Niemand/was sehen an

Der Pfaff wil seyn/der ander Mann)

oder Hendriche: Dahero sie die Italiener, Alfieri, quasi *Alferios*, i.e.
feren-

Их называют также попами. Возможно, потому, что в обычном шахматном обиходе советников и им подобных именовали попами и старцами, как в наше время называют всех учёных поэтами, а великих властителей — меценатами. Или же имели в виду обычай духов-

ных лиц усердно участвовать не только в политических делах, но и в военных предприятиях, и потому ввели их также в эту военную игру, чтобы и здесь оставалась верной поговорка:

«Что бы ни делал мир, монах хочет быть вторым участником».

«Никто не может за что-либо взяться — поп желает быть вторым человеком».

Знаменосцы, телохранители и стрелки

Или же их называют знаменосцами. Отсюда итальянское *Alfieri*, словно *Alferios*, то есть «несущие крылья». «Ведь некоторые народы употребляли вместо знамени крылья, например орлиные, привязанные к древку» — Акий в указателе под буквой V.

Также их называют телохранителями и стрелками. Последнее имя хорошо подходит нашим воинам: ныне под стрелками подразумевают солдат двойного жалованья, вооружённых мушкетами и благодаря своей полезности считающихся ядром войска.

В каждом отряде их по два; они стоят по бокам короля и королевы, на обоих крыльях. Стрелок белого короля находится рядом с ним на белом поле, чёрного короля — на чёрном; стрелок белой королевы рядом с нею — на чёрном поле, чёрной королевы — на белом.

Ходят они по углам полей. Поэтому поставленные на белое поле всегда остаются на белых, а поставленные на чёрное — на чёрных, пока не будут взяты в сражении или пока игра не окончится. Оттого стрелки обоих королей не могут брать друг друга; то же относится к стрелкам обеих королев, поскольку их поля различаются цветом. Зато стрелок белой королевы может взять стрелка чёрного короля, а стрелок чёрной королевы — стрелка белого короля, и сам, в свою очередь, быть им взят. Желающим упражняться в этой игре без шахматных фигур следует хорошенько запомнить это.

Движение по открытым диагоналям

Если на линии, по которой стрелка хотят передвинуть, нет фигур его отряда, его можно провести по всем её полям до края шахматной доски; встретив на этой линии неприятельскую фигуру, он может взять её и занять её место. В старину за один ход стрелок мог продвинуться и нанести удар лишь на третьем поле вперёд или назад, о чём подробнее говорится в девятой и десятой главах последней книги. Однако хорошие игроки отменили этот обычай и позволили передвигать стрелков по всем полям, которые они могут пройти без препятствия.

Чтобы лучше понять их движение, опишем последовательно ходы стрелка белого короля. Со своего белого поля он может пройти вправо на два поля, через два ряда: на второе поле королевского всадника и третье поле его ладьи. Влево — на пять полей через столько же рядов: на второе поле короля, третье поле королевы и четвёртое поле её стрелка, до которого простирается граница своего отряда; затем, на стороне противника, — на четвёртое поле всадника чёрной королевы и третье поле её ладьи.

Четыре направления и сравнение с всадником

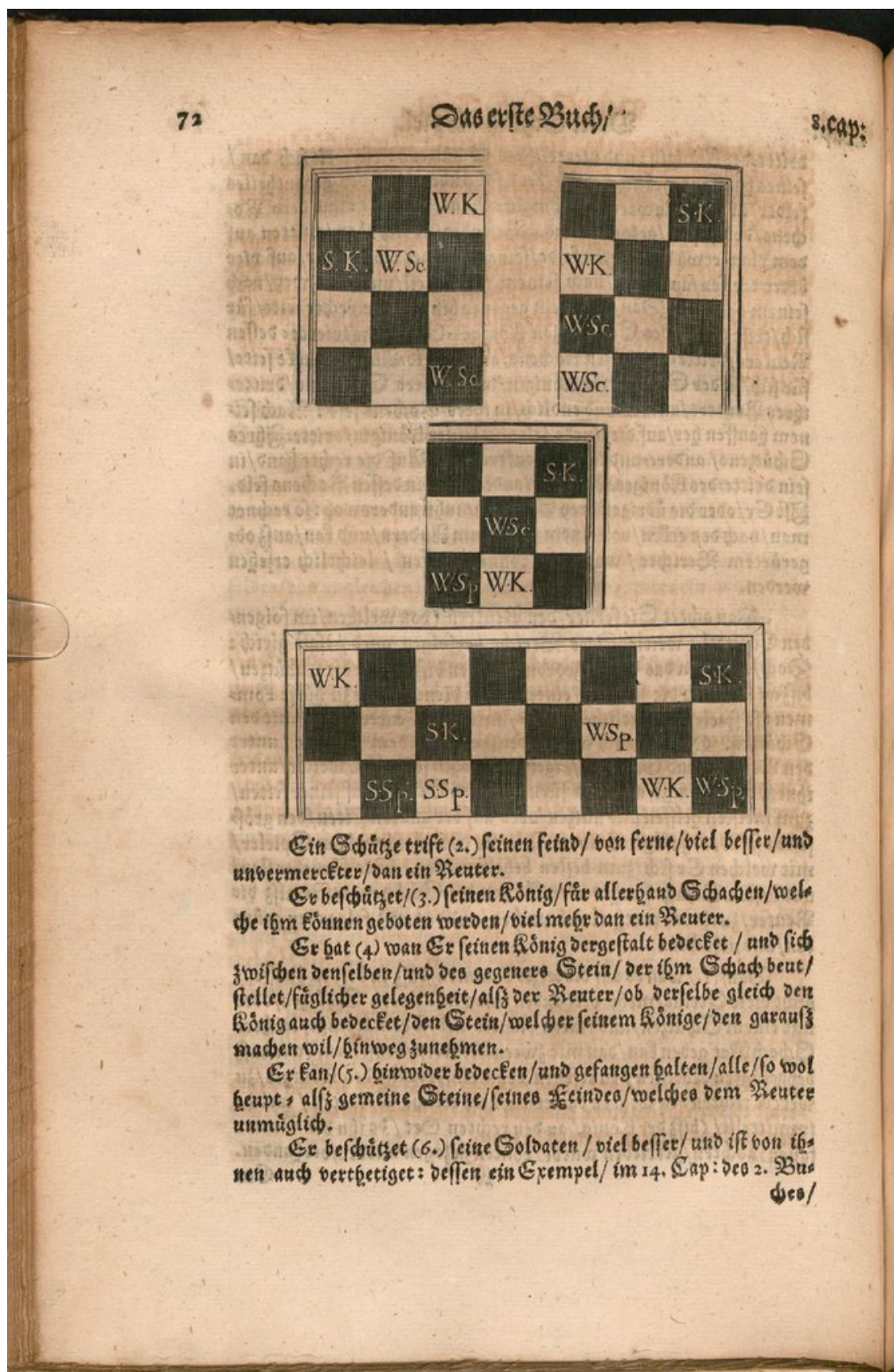
Если же стрелок находится посередине поля, например на четвёртом поле своего короля, то может действовать в четырёх направлениях: в двух — к противнику, в двух — к своему отряду. Вперёд вправо, в сторону врага, он достигает четвёртого поля стрелка чёрного короля, третьего поля его всадника и второго поля его ладьи. Вперёд влево — четвёртого поля чёрной королевы, третьего поля её стрелка, второго поля её всадника и, наконец, поля её ладьи. Назад к своему отряду, влево, — третьего поля своей королевы, второго поля её стрелка и поля её всадника. Вправо — своего третьего поля, второго поля королевского всадника и поля его ладьи.

Если этот стрелок или любой из остальных трёх находится в другом месте, следует считать по углам от одного поля к другому; из приведённого описания легко понять, каких полей они могут достигать.

Стрелков считают равными всадникам, о которых подробнее будет сказано в следующей главе. Однако, смотря по обстоятельствам игры, иногда полезнее оказываются стрелки, иногда — всадники. Некоторые также лучше играют всадниками, чем стрелками. Хотя при решении вопроса, кому отдать предпочтение, следовало бы смотреть, кто лучше помогает своему королю, главной фигуре, и приносит ему пользу либо причиняет наибольший вред противоположной стороне, многое всё же зависит от того, какой фигурой сам игрок умеет лучше пользоваться. Но самые искусные и лучшие шахматисты умеют извлекать из стрелков больше пользы, чем из всадников, по следующим основаниям и причинам.

Мат и действие на расстоянии

Во-первых, когда дело подходит к концу и в обоих отрядах остаётся немного фигур, двумя стрелками либо стрелком и всадником при своём короле легче дать мат, чем двумя всадниками, не заперев короля, как видно из приложенных рисунков. Исключение возможно, если остаются ещё солдаты, которыми можно ходить, пока короля не оттеснят в подходящее место, где всадники смогут его поймать.

Во-вторых, стрелок поражает врага издали гораздо лучше и незаметнее, чем всадник.

В-третьих, он гораздо лучше всадника защищает своего короля от разнообразных шахов, которые тому могут быть объявлены.

В-четвёртых, когда он таким образом прикрывает своего короля, встав между ним и неприятельской фигурой, объявляющей шах, у него больше возможностей взять эту фигуру, угрожающую гибелью его королю, чем у всадника, хотя бы и тот также прикрывал короля.

В-пятых, он может, в свою очередь, прикрывать и держать связанными все неприятельские фигуры — как главные, так и рядовые, — что невозможно для всадника.

Поддержка солдат и совместная игра с ладьёй

В-шестых, стрелок гораздо лучше защищает своих солдат, а они, в свою очередь, защищают его. Пример находится в четырнадцатой главе второй книги, № 21, в конце: там солдат стрелка чёрного короля, стоящий на третьем поле стрелка белого короля, защищён стрелком чёрной королевы со второго поля белого короля.

В-седьмых, он лучше всадника помогает своему солдату идти вперёд, чтобы нанести врагу ущерб или превратить солдата в королеву.

В-восьмых, вместе с ладьёй он может выиграть у неприятеля, у которого при короле осталась только одна ладья, как видно из рисунка; всаднику же это не всегда удаётся.

s. cap:

Vom Schach-Spiel.

73

ches/n. 21. in f. zu finden: da / des Schwarzen Königes: Schützens
Soldat / in des Weißen Königes: Schützens / drittem feld / von der
Schwarzen Königin: Schützem / in des Weißen Königes / andern
felde / beschützet wird.

Er hilff / (7.) besser / alsz der Reuter / seinem Soldaten / für sich /
umb den feind zu verletzen / oder ihn / zur Königin / zu machen.

Er vermag / (8.) mit einem Rochen / das Spiel / gegen des feins
des einzigen Rochen / welcher / bey dessen Könige / allein noch übrig /
(wie auß dem Abrisz zu ersehen) zu gewinnen / welches dem Reuter
wol fehlet.

Es kan / (9.) des Feindes König / Ihn nicht alleine / wie den /
Reuter / gefangen nehmen: Alsz / wan der Schwarze König / den
Weißen Reuter / in seines Rochens feld / antrifft / und derselbe Kö-
nig / in seines Schützens / dritte feld / gezogen wird / so ist dem Reu-
ter / unmöglich / (wie der Abrisz zeigt) zu entriennen. Dan wan der
König / in seines Reuters / andere feld gezogen wird / erleget Er ihn /
oder in des Rochens / (so fern Er nicht darauf gezogen) oder in des
Schützens / andern / oder des Reuters / drittem feld.

Er kan / (10.) einen Soldaten / auf der Rochen Linie / verhin-
dern / daß derselbe / zu einer Königin / nicht gemacht werde: welches
aber der Reuter / nicht vermag zu thun.

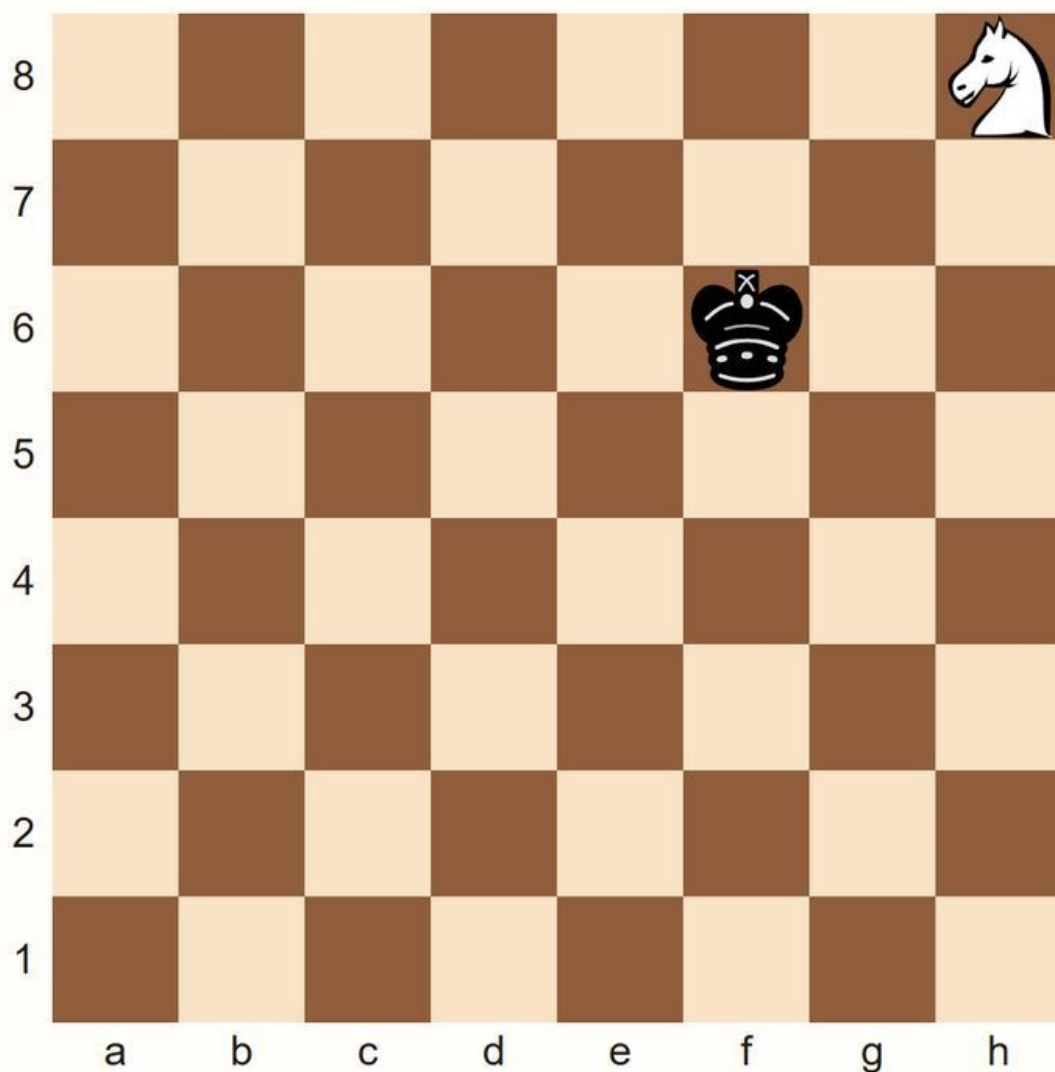
R ij

Er

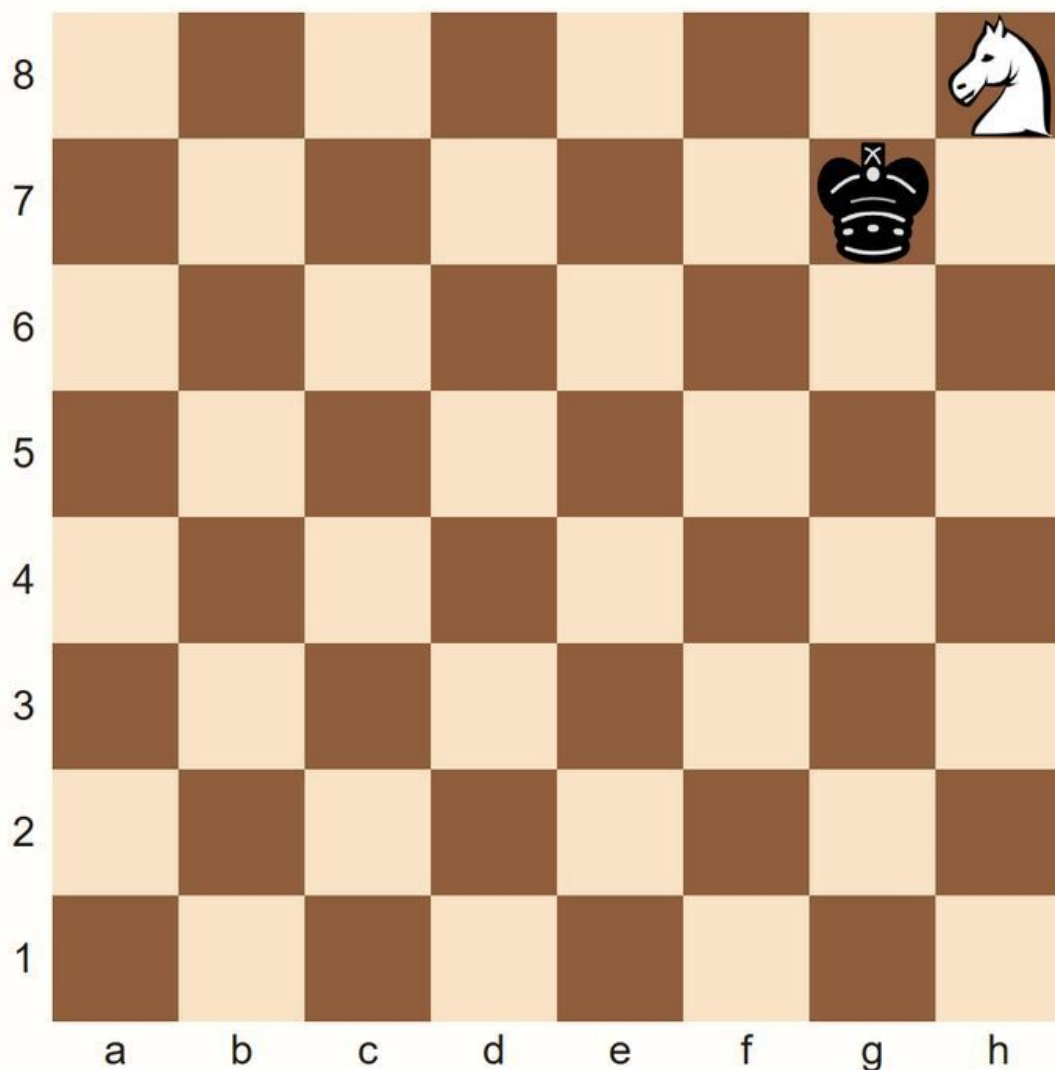
Ловля фигур и преграждение пути

В-девятых, неприятельский король не может один взять его в плен, как всадника. Например, если чёрный король застаёт белого всадника на поле своей ладьи и становится на третье поле своего стрелка, всаднику невозможно ускользнуть, как показывает рисунок. Когда король переходит на второе поле своего всадника, он поражает его либо на поле ладьи — если тот с него не ушёл, — либо на втором поле стрелка, либо на третьем поле всадника.

Белый Kh8 и чёрный Krf6: король контролирует оба выхода коня, f7 и g6. Отдельное положение из исходного фрагмента; белый король не показан в оригинале и не добавлен. Очередь хода для этой схемы не задана.

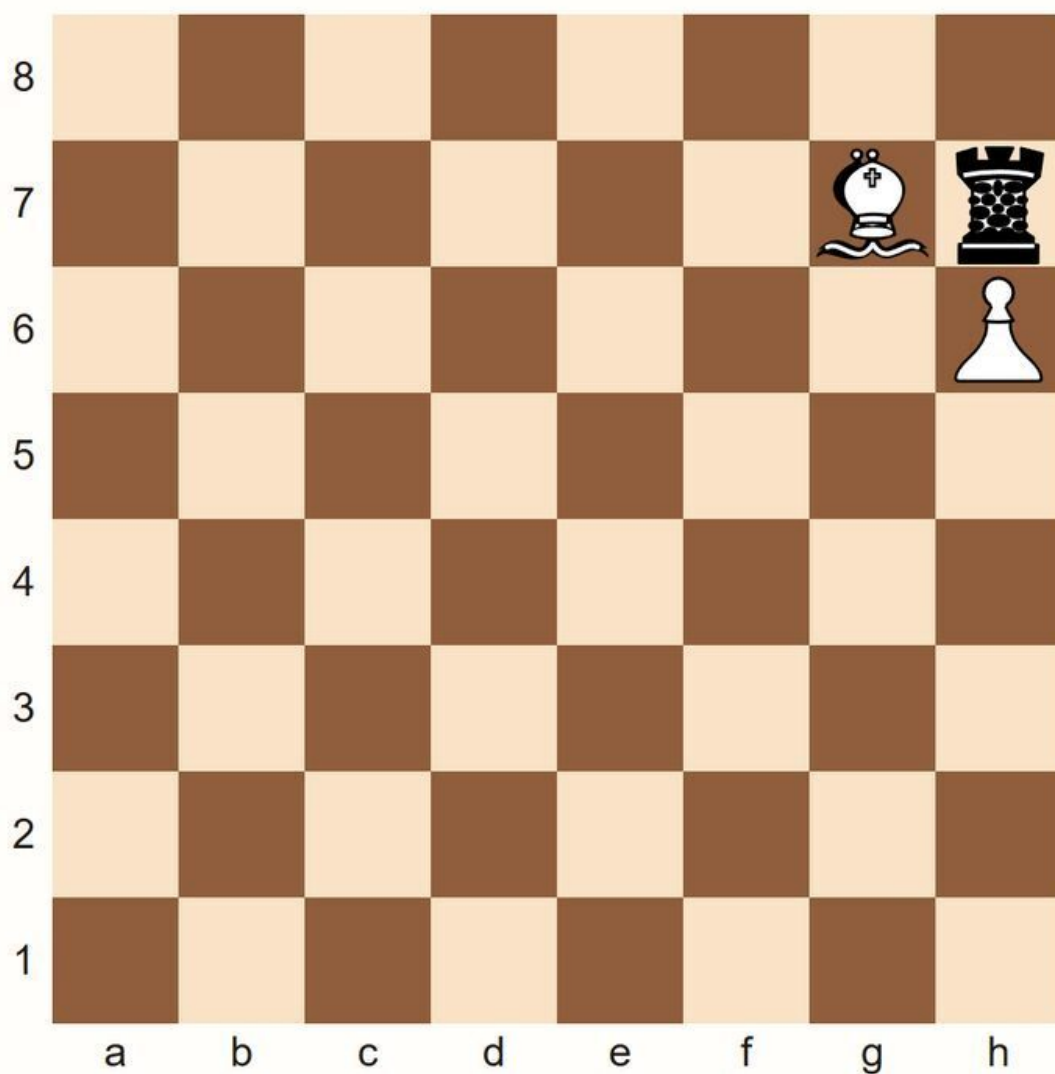
Белый Kh8 и чёрный Krg7: король нападает на коня и контролирует f7 и g6. Отдельное положение из исходного фрагмента; белый король не показан в оригинале и не добавлен. Очередь хода для этой схемы не задана.

В-десятых, он может воспрепятствовать превращению в королеву солдата, идущего по линии ладьи; всадник же этого сделать не может.

В-одиннадцатых, вместе с солдатом он может наглухо закрыть ладье путь. Если стрелок белой королевы стоит на втором поле всадника чёрного короля, солдат ладьи белого короля выдвинут на третье поле ладьи чёрного короля, чтобы защищать названного стрелка, а ладья чёрного короля находится на своём втором поле, то путь ей закрыт: как видно из рисунка, она не может сделать хода без потери. Всадник этого осуществить не может.

Белые Cg7 и h6, чёрная Lh7. Пешка защищает слона; Cg7 контролирует h8 и h6. Ладья не может уйти без потери. Короли в исходной схеме не показаны и не добавлены. Очередь хода для этой схемы не задана.

В-двенадцатых, с помощью солдата он может преградить путь как королеве, так и ладье, чтобы они не могли добраться до его короля.

Хотя у стрелков, помимо этих двенадцати названных преимуществ, есть ещё многие другие, хорошо известные опытным игрокам и обнаруживающиеся в следующих примерах, нельзя отрицать, что и всадники обладают некоторыми преимуществами, которых у стрелков нет.

Наконец, то, что найдено об этих главных фигурах в упомянутых рукописях или переводах, мы, следуя принятому порядку, хотим привести и здесь.

Судьи и советники короля

«Старейшины на шахматной доске должны быть изображены так: двое сидят на двух престолах и держат на коленях книгу; они означают судей и должностных лиц. Есть два рода дел, о которых судят: о проступках и об имуществе, из-за которого терпят ущерб. Поэтому старейшин должно быть двое: один на чёрном поле, другой на белом. Тот, что на чёрном поле, должен судить о проступках; тот, что на белом, — об имуществе.

Обязанность старейшин — находиться при короле, составлять и устанавливать королевские повеления, справедливо и добросовестно помогать подданным королевства в правых делах, выносить решения, выслушав поверенных и правых советников, и быть беспристрастными, чтобы ни любовь, ни неприязнь не заставляли их отступать от права. Им также следует всегда заботиться о благе земли и народа.

Надобно заметить, что судьям необходимы многие качества, если они хотят судить справедливо. Во-первых, каждый судья должен быть стоек, чтобы ни богатство, ни любовь, ни вражда, ни гнев не отвратили его от права. Судья также не должен быть жаден до имущества и богатства.

Во-вторых, судья должен ненавидеть неправду независимо от дружбы и вражды, чтобы ни приязнь, ни неприязнь не побуждали его поступать иначе, чем по праву. В-третьих, он должен судить без гнева.

В-четвёртых, он не должен ставить родство выше справедливости. За нарушение права он должен одинаково наказывать друга и врага, а то, что предписывает другим, исполнять и сам. Нынешние судьи этого не делают: их повеления подобны паутине, в которую попадают лишь мухи и мелкие существа. Так и они ловят своими предписаниями только бедных людей. Оттого знатные люди, не любящие права и не боящиеся княжеского суда, становятся разбойниками, поджигателями, убийцами и гонителями бедняков, а напоследок — притеснителями и предателями своих господ.

В-пятых, судьи, не знающие книг, должны часто слушать тех, кто учён по книгам, и обдумывать услышанное, чтобы исполнять то, что справедливо. Поэтому им не следует заниматься обыкновенным трудом; однако они должны защищать всех трудящихся и помнить, что мы здесь живём их трудом.

Защита труда, врачевание и разрешение тяжб

Ходы старейшин со своего места таковы. Чёрного ставят по правую руку короля, на его собственное место, белого же — по левую руку королевы. Белым и чёрным их называют не по цвету самих фигур, а по месту, на котором каждый стоит: белому или чёрному. Пока они стоят на своих местах, каждый может пойти на два поля.

Тот, что по правую руку, чёрный, идя вправо, становится на чёрное свободное поле перед земледельцем. Это подобает ему, ибо судья по праву защищает трудящихся и их имущество. Идя влево, он становится на чёрное свободное поле перед врачом. Это также подобает ему: судьи и врачи родственны по своему искусству, хотя обязанности их различны. Врач должен возвращать тело к здоровью, а судья — к согласию и миру.

Тот, что по левую руку, белый, имеет со своего места два выхода. Один — вправо, на белое поле перед купцом: купцы часто нуждаются в совете, а их тяжбы прекращаются и разрешаются судьёй. Другой ход — влево, на белое свободное поле перед гуляками и игроками: поскольку они часто затевают ссоры и совершают кражи, судьи должны их наказывать и обуздывать.

Надобно знать, что старейшины всегда переходят с третьего квадрата, или поля, на третье поле, неизменно сохраняя свой цвет: чёрный всегда идёт по чёрным полям, а белый — по белым, и всегда наискось. Это означает уверенность, которую судьи должны иметь во всех своих действиях. Три поля означают три вещи, о которых судье надлежит помнить: рассматривать правое дело, давать справедливый ответ и судить по праву о делах, представленных ему, никогда не отступая от справедливости.

Возвращение к началу и совершенство совета

Надобно знать, что стоящий по правую руку, чёрный, со своего поля возле короля идёт направо, затем налево, потом снова направо и налево и за шесть прыжков обходит кругом всю доску, возвращаясь на то место, где стоял прежде. Так же ходит и стоящий по левую руку, белый, что понятно тому, кто это рассмотрит.

Это означает следующее: всякое совершенство, какое должно быть в королевстве, прежде всего должно быть в тех, кому надлежит давать советы королю и королеве. Ибо король не должен предпринимать или совершать никакого важного и сомнительного дела без совета судей. Поэтому необходимо, чтобы они были совершенны в знании и нравах.

На это указывает их ход и движение, когда они от рыцарей идут на третье поле. За шесть ходов — а шесть есть первое совершенное число — они завершают свой путь и движение: конец соединяется с началом, и так далее».

Глава девятая. О всадниках короля и королевы: какие поля они занимают в начале игры и как ходят

Следом за стрелками ставят фигуры, называемые Equites Auratos, всадниками, рыцарями или прыгунами. Их считают равными стрелкам, а в некоторых случаях ценят выше. Несомненно, они обозначают конницу.

Их также по двое в каждой войске. Они занимают места на обоих крыльях, между слонами и стрелками. Всадник белого короля стоит на чёрном поле, всадник чёрного — на белом; всадник белой королевы — на белом, а чёрной — на чёрном поле.

Das Neunte Capittel.

Von der Könige: und Königinne: Reuter:
welche Felder Sie/ zum anfang des Spieles
einnehmen und besetzen/und wie sie gehen.

Ein Reutter.

En Schützen / werden zu nechst / und
gleich / oder in etlichen fällen / höher alsz dieselben/
geachtet/ die Steine/welche man Equites Auratos,
Reuter / Ritter / oder Sprenger nennet: durch
welche/ohn zweyfel/die Reuterey wird angedeutet.
Dieser sind / in gleichen falle / bey jeglichem
hauffen/ zweene: haben ihre stellen / an beeden flügeln / zwischen
den Elephanten und Schützen: und stehet / des Weissen Königes
Reuter/ im Schwarzen: des Schwarzen/ im Weissen: der Weiss-
sen Königin / im Weissen: und der Schwarzen / im Schwarzen
Felde.

Ihr gang ist außz ihrem felde / in ein drittes / weder gerade/
noch nach den ecken/besondern/ außz einem Weissen/ in ein Schwar-
zes: und außz diesem wider in ein Weisses feld / doch alzeit / in die
andere oder dritte/ hinterste oder vorderste Zwerchlinie / oder wel-
che an den seiten / sind. Dan Sie / auf ihrer linie / nicht nach den
seiten/ noch für: oder hinter sich / minder außz ihrem felde / nach den
ecken/ in eine dritte linie/ gleich dem Könige / springen können / be-
sondern haben gleichsam einen doppelten gang / Zu einer Zeit / dies
weil

Ближний и дальний прыжки

Со своего поля они переходят на третье, но не прямо и не по диагонали, а с белого на чёрное и с чёрного снова на белое, всегда на вторую или третью поперечную линию — позади, впереди или сбоку. Они не могут прыгать по своей линии в сторону, вперёд или назад, ни по диагонали на третью линию, как король. Вместо этого они как бы совершают за один раз двойной ход: через первое поле прямо, а на следующее наискось, либо на первое наискось, а на последнее прямо. При первом способе поля одинаковы по цвету, а при втором — различны.

Отсюда следует, что у них два рода прыжка: ближний и дальний, или широкий. Например, ближний прыжок всадника белого короля ведёт на второе поле этого короля, а дальний — на третье поле его стрелка или ладьи.

Итак, всадник белого короля может прыгнуть со своего поля на три только что названных поля, а всадник белой королевы — на второе поле королевы и третье поля её стрелка и ладьи. Таким же образом следует понимать и прыжки обоих чёрных всадников.

Такие прыжки нельзя совершать, если поля, на которые должны попасть всадники, заняты другими своими фигурами. Но если там находится неприятель, они вправе наскочить на него и таким образом убрать его с доски, если это приносит им пользу или предотвращает грозящую беду. И вообще они могут передвигаться по всей шахматной доске, приходя на помощь остальным и причиняя неприятелю ущерб.

От двух прыжков до восьми

Если всадники стоят на поле одной из ладей, где у них меньше всего прыжков, то могут попасть лишь на две линии и на два поля: на третье поле своей линии и на второе поле стрелка. На других полях они могут прыгать на четыре, шесть, а порой и на восемь полей, расположенных на четырёх линиях.

Последние прыжки возможны, когда впереди, по обеим сторонам и позади всадника имеется по два поля: он словно бы делает вольт, оставаясь задними ногами коня в середине круга. Для этого он должен стоять на третьем или четвёртом поле короля, королевы либо стрелка.

Змейка, боковое движение и нападение на короля

Если вести их вперёд наискось, этим можно изобразить приём, или упражнение, которым лошадь приучают двигаться змейкой, чтобы стрелкам было не так легко в неё попасть, и поворачиваться для действия мечом. Например, всадник белой королевы скачет вперёд вправо с семи на двадцать два. Значение этих и следующих чисел смотри ниже, в конце одиннадцатой главы первой книги. Затем он поворачивает влево, но продолжает двигаться вперёд, на двадцать восемь, где вновь выходит на дорожку; оттуда — на сорок три, затем на сорок девять, где снова оказывается на дорожке и как бы достигает конца пробега.

После этого он поворачивает лошадь вправо и скачет обратно на тридцать четыре, затем на двадцать восемь, на линию, оттуда на тринадцать и на семь, вновь попадая на дорожку и в то место, откуда начал. Если теперь он хочет снова развернуть лошадь влево, то сперва скачет на 13, затем поворачивает вправо вперёд на 28, влево на 34 и вправо на 49; обратно — на 43, 28, 13 и 7. Здесь он останавливается либо, сделав остановку с поворотом, снова галопирует вперёд вправо на 22, 28 и так далее.

Следующими ходами можно также показать, как лошадь посылают вбок с помощью ног всадника. Названный белый всадник идёт с семи на двадцать четыре, затем на четырнадцать, тридцать один, двадцать один, тридцать восемь, двадцать восемь, сорок пять, тридцать пять, пятьдесят два, сорок два, пятьдесят девять и сорок девять. Повернув лошадь влево, снова на 59, он возвращается через те же поля до 7, где останавливается, разворачивает лошадь и понуждает её к боковому движению.

Когда всадники объявляют шах, между ними и атакованным королём нельзя поставить никакую фигуру, поскольку их ход совершенно отличается от ходов остальных фигур. Поэтому, если всадника нельзя взять другой фигурой, король непременно должен отступить и уйти из-под шаха.

Благодаря многообразию своих прыжков они также лучше других фигур подходят для выступления против неприятеля: из-за их особенного хода от них следует оберегаться весьма внимательно и тщательно. Поэтому в некоторых случаях их предпочитают стрелкам, а именно в следующих.

Четыре преимущества и нравственное объяснение

Во-первых, когда у обоих игроков поровну солдат, а кроме них у одного остался всадник, у другого — стрелок, положение обладателя всадника гораздо лучше, чем положение обладателя стрелка. Первый может передвинуть своих солдат на такие поля, которых стрелок второго не достигает. Пример этого находится во второй книге, в главе 14, № 12.

Во-вторых, если у одного игрока остались только стрелки, а у другого только всадники, последний может легко забирать стрелков, нападая на них с шахом, поскольку стрелки, в отличие от всадников, не могут защищать и прикрывать друг друга.

В-третьих, стрелков часто окружают и запирают фигуры своего или неприятельского войска, если взятие этих фигур принесло бы им ущерб. С всадниками этого случиться не может: они способны как проникнуть внутрь, так и выскочить наружу, перепрыгнуть через другие фигуры и таким образом вырваться и спастись.

В-четвёртых, стрелки могут попадать на поля только одного цвета, а всадники — обоих цветов.

В заключение следует заметить: способностью перепрыгивать, быть может, хотели показать, что конницу всегда следует размещать там, где пехота не может ей помешать. Или же этим обозначено, что сильные привыкли притеснять слабых; но это несправедливо, на что указывает их не прямой ход. То, что со своего исходного поля они могут попасть лишь на немногие поля, означает следующее: пока всадники находятся среди своего войска и знакомых, им надлежит всегда быть смиренными и приветливыми; когда же они выходят на поле против неприятеля, они должны непрестанно остерегаться его и действовать против него храбро.

Наконец, их поставили на крыльях пехоты рядом с ладьями, чтобы они её защищали.

Теперь, согласно обещанию, присоединим к сказанному и то, что записано об этих главных фигурах в переведённой книге брата Якоба де Касалиса.

Воинский опыт и товарищество

«Рыцарь на шахматной доске должен сидеть на коне в полном вооружении, а конь должен быть покрыт попоной. Когда человека посвящают в рыцари, он прежде всего должен быть омыт или искупан в знак того, что отныне ему надлежит вести новую жизнь. Он также должен благоговейно молить Бога, чтобы Бог по милости своей даровал ему то, чего он не может иметь от природы.

Князь должен ударить его по шее и посвятить в рыцари, чтобы он принял от него рыцарское достоинство и получал от него помощь: ведь рыцарь должен быть его защитником и потому нуждается в нём. Тому, кто хочет быть рыцарем, необходимы многие качества.

Прежде всего он должен обладать мудростью. До того как опоясаться рыцарским поясом, ему надлежит побывать оруженосцем, упражняться и трудиться в ратном деле. Ибо в сражении опытная мудрость и искусство значат больше, чем сила и безрассудная отвага: часто терпят поражение, когда по глупой дерзости нападают неразумно. Поэтому князь не должен ставить во главе рыцарей человека молодого и неопытного.

Рыцарю также надлежит быть стойким и верным: постоянство сияет среди рыцарских добродетелей, как светлая жемчужина среди драгоценных камней. Потому рыцарь, неверный своему господину, по справедливости лишается рыцарского имени. Но он должен хранить верность не только господину, а и своим товарищам-рыцарям.

Ничто не устрашает врагов так сильно, как единодушие и согласие товарищей, неизменно и нерушимо сохраняемое между ними: оно приносит победу и рыцарскую славу. Когда же товарищи расходятся в намерениях, они лишаются опоры и терпят неудачу во всяком добром деле. Каждый должен так любить своего товарища, чтобы считать выпавшую тому честь и собственной честью и охотно разделять с ним всякую радость.

Добыча, мужество и обязанности защитника

Затем рыцарь должен быть щедр: ничего не жалеть для своих товарищей-рыцарей и соратников, и пусть всё, что он добывает, будет общим. Ведь часто случается, что рыцарь жадно удерживает свою добычу, а увидев товарища в беде, отворачивается и позволяет его убить: так его скупость поражает того. Нередко богатство даёт то, в чём отказала природа. Поэтому господин, желающий вести войну, должен остерегаться в это время урезать или отнимать имущество своих людей: доля добычи должна быть общей, как общей является победа. Смотри: 1-я книга Самуила, глава 30, от стиха 21 до конца; книга Иисуса Навина, глава 22, стих 8.

Рыцарь должен быть силён не только телом, но и духом. Можно найти немало рослых людей, сильных телом и слабых духом. Люди стойкого духа и среднего роста надёжны и верны в беде, хороши как товарищи в бою.

Рыцарь должен усердно защищать своих работников: пусть они и не следуют за ним на войну, зато должны иметь возможность мирно трудиться. Как может крестьянин работать, если рыцарь не защищает его во время войны? Насколько королю необходимы рыцари, настолько рыцарю необходимы простые люди, чтобы они для него трудились. Рыцарь также должен быть ревностным защитником и хранителем справедливых законов.

Защита земледельца, ремесленника и государя

Рыцарь по правую руку — белый, а по левую — чёрный. Их ход таков: белый идёт на чёрное поле, склоняясь к полю старейшины. Это видно на примере рыцаря справа, белого: со своего места он имеет три выхода. Один — вправо, на чёрное поле перед земледельцем. Так и подобает, ибо, пока земледелец трудится и возделывает пашню, рыцарь должен его оберегать, чтобы тот доставлял себе, рыцарю и коням пропитание, семена и другие необходимые припасы.

Второй ход он совершает, становясь на чёрное свободное поле перед мастером, изготавливающим одежду: ведь ему надлежит охранять и защищать того, кто изготавливает одежду и другие необходимые вещи. Третий ход он делает влево, на чёрное поле перед королём, где стоит купец. Это справедливо: рыцарь должен оберегать и защищать особу короля, как самого себя.

Покинув исходное место направо, он находит четыре поля; когда же его ставят перед королём, он может идти на шесть полей. Достигнув середины доски, он охватывает восемь полей. То же относится к рыцарю слева, который на своём месте чёрный: он всякий раз переходит на белое, а выступая на войну, меняет своё положение и приобретает больше доступных полей.

Когда чёрный идёт возле короля, а белый рядом с ним, один становится перед королевой — тот, что слева, — другой перед королём — тот, что справа, — словно они окружают короля и королеву венцом. Когда они идут в бой, выходят в поле и встречаются с противником, тогда в них вполне обнаруживается рыцарская сила. Ибо нельзя узнать, как рыцарь сражается, пока он не покажет свою силу в бою.

Испытание рыцарской силы

Сильным, но неопытным рыцарям свойственно следующее: когда они впервые надевают доспехи, они дрожат и бледнеют, а из носа идёт кровь. Этот признак скорее относят к доблести, чем к пороку. Ибо можно полагать, что тот, кого сперва охватывает страх, вступив в бой, станет сражаться по-рыцарски, а не обратится в бегство. Когда он вступает в бой, не видно, чтобы естественный страх смерти непосредственно тяготил его; напротив, он яростно наносит ответные удары: природа прежде всего поспешает на помощь силе гнева.

Человек великого сердца и духа считает отступление тяжким позором; потому он преодолевает себя и стойко вступает в бой с врагами. Это показывают рыцари на доске: сначала они могут идти лишь на три поля и держатся у границ своего королевства. Но когда они выходят за его пределы, собравшись и набравшись сил, то прыгают уже на восемь полей и поражают встреченных врагов.

Так бывает и со всяким человеком: чем смиреннее он о себе судит, тем славнее проявляет себя, когда возвышается добродетелями. Ибо кто смиряет себя, тот будет возвышен, и так далее».

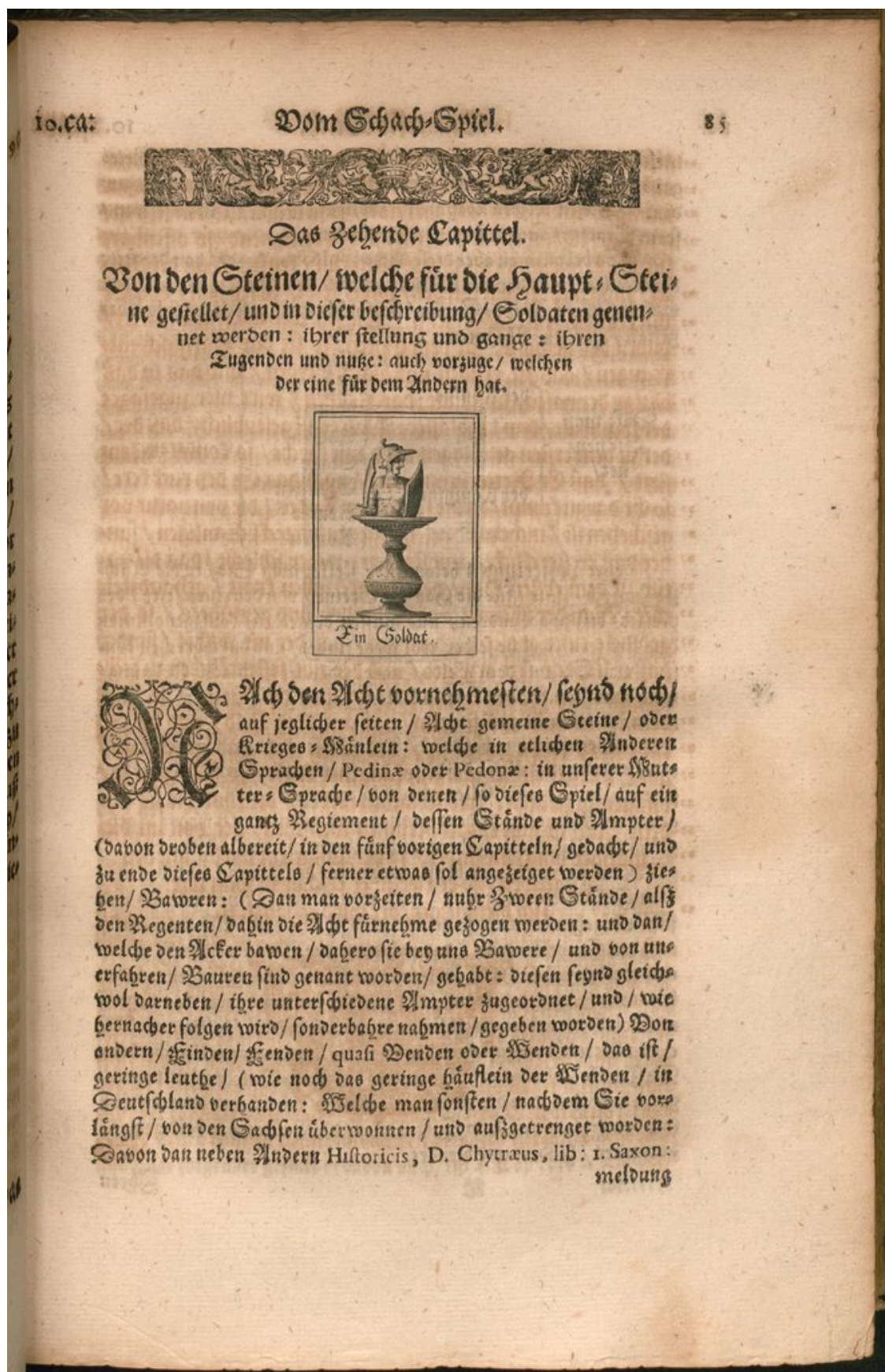
„ als der zu der gelincken hand / und der ander für den König/
 „ als der zu der gerechten hand / recht als sie / den König / und die
 „ Königin / umgeben / als ein Kron / so sy begend zu den sriten /
 „ und das feld suchen / und an ein andren beegnend / so offenbare
 „ sich in ihn folkummenlich / die Ritterliche kraft : Wan der Rit-
 „ ter / mag nicht erkent werden / wie er secht / es sen dan / das Er
 „ mit sechten / sein kraft erzeig. Die starcken unersarn Ritter /
 „ haben des getwont : Zu dem Ersten / so sie das Harnasch ent-
 „ pfangen / das sie erliden und blaich werden / und das in das
 „ blut zu der nasen / außgant : das Zeichen / wirt mer zugesaget
 „ der frumkait / dan dem laster : Wan es ist geleublich / daß der /
 „ der zu dem ersten geschlagen wird mit forcht / so kompt zu dem
 „ srit / daß Er Ritterlichen sritt / noch das Er den ruck kere /
 „ so Er dar zu kompt / da die forcht des Todes / die von natur vor
 „ geschehen ist / nicht wird gesehen gegenwirtecklich antigen / sum-
 „ der daß er stiercklichen mit sritten / wider schlecht / das die na-
 „ tur zu dem ersten Hant der Zornecklichen kraft / gehandtrei-
 „ chet : Wan der ist eines grossen herken und gemühtes / so der
 „ gedinekt einer grossen verdammus / daß der nit wichet / sunder
 „ daß er sich dar über erzeiget / und der gibt festenecklichen zu secht-
 „ ten / mit den synden : und das erzeigen die Ritter / so sy zu
 „ dem ersten nicht mügen gan / nur auf dren Veld / und by den
 „ enden des rychs : aber sy / des rychs end und gegend auß-
 „ gand / mit gehelgner und empfangener kraft / so springent sy /
 „ biß zu acht feldern / und schlachen nieder / die synd die sie fin-
 „ den : Also ist von einem yetlichen menschen / der von im die
 „ mütiger ding empfindet / so der außgeleyt wird / mit den
 „ Tugenden / so er klerlicher erschinet : wan wer
 „ sich diemutiget / der wird erhöhet. u.

Глава десятая. О фигурах, поставленных перед главными фигурами и называемых в этом описании солдатами: об их расположении, ходе, достоинствах, пользе и преимуществах одних перед другими

Кроме восьми главных фигур, на каждой стороне есть ещё восемь простых фигур, или воинов. На некоторых других языках их называют *Pedinæ* или *Pedonæ*. На нашем родном языке те, кто уподобляет эту игру целому государству, его сословиям и должностям, называют их крестьянами. Об этом уже говорилось выше, в пяти предыдущих главах, и ещё будет сказано в конце этой главы.

В старину различали только два сословия: правителей, к которым относятся восемь глав-
 ных фигур, и тех, кто возделывает пашню. Отсюда их называют у нас Bawere, а наши предки

называли их Вауген. Однако им также приписывали различные занятия и, как будет показано ниже, давали особые названия.

Другие называют их Pinden или Penden, как бы Venden или Wenden, то есть простыми людьми. Ведь и в Германии ещё остаётся небольшая община вендов, на которую обычно мало обращали внимания после того, как некогда саксы одолели их и вытеснили; об этом, наряду с другими историками, упоминает доктор Хитрей в первой книге своей «Саксонии». Те же, кто имел в виду военное искусство, называют их простыми солдатами. Это последнее название мы не без основания дадим им и в нашем трактате.

Эти восемь солдат получают добавочные названия по стороне короля или королевы, на которой стоят, и по той главной фигуре, перед которой поставлены. Поэтому их называют собственным солдатом короля, солдатом его стрелка, всадника или лады, а также собственным солдатом королевы, солдатом её стрелка, всадника или лады.

Что касается их расположения, их ставят на ближайшей поперечной линии перед главными фигурами, от одного края поля до другого. Они должны уступать этим фигурам место и открывать дорогу, когда тех выводят из лагеря или боевого порядка навстречу неприятелю. Исключение составляют всадники, которые сами умеют находить путь и прорываться.

Передний ряд войска

Этим изобретатель столь искусной игры хотел кое-что показать. Во-первых, знатнейшие не должны располагаться на одинаковых квартирах с самыми простыми солдатами. Во-вторых, простых солдат не следует привлекать к большому и тайному военному совету наравне с начальниками.

В-третьих, они служат как бы валом и бруствером перед королём и прочими главными фигурами. В-четвёртых, их промах или ошибка не столь опасны и вредны, как ошибка или пленение одного из военачальников, из-за чего сама победа могла бы оказаться под сомнением.

В-пятых, ради сохранения всего войска их по справедливости ставят впереди, чтобы они принимали первые удары, поскольку простые люди более способны переносить тяготы. В-шестых, большее число пехотинцев можно содержать с меньшими издержками, чем конницу. Наконец, в-седьмых, пехотой заслоняют конницу от неприятеля и мешают ему своевременно её заметить.

Первый прыжок и последующие шаги

Что касается хода, все они движутся одинаково — прямо вперёд. Это показывает, что пехота без порядка и дисциплины мало полезна. Однако есть различие: впервые выступая из строя, они могут перепрыгнуть через одно поле на третье. Так они освобождают место стоящим позади главным фигурам, чтобы те могли не только вступать в стычки, но и занимать и перекрывать дороги, а также заслонять неприятелю обзор, не позволяя ему легко распознать замыслы боевого порядка и готовящиеся против него действия. Такой прыжок совершают, если он полезен для игры; иначе им позволено и первым ходом шагнуть лишь на ближайшее поле.

Нет единого мнения о том, следует ли разрешать этот прыжок только солдатам короля, королевы и ладей. Однако обычно такое право дают также солдатам стрелков и всадников, особенно если ещё не было объявлено шаха и не взята ни одна фигура.

В остальных случаях они идут вперёд только на одно поле. Этим показано, что конница — под которой здесь следует понимать все главные фигуры — может передвигаться по полю и выдвигаться лучше пехоты.

Если же эти солдаты встречают неприятельских солдат или другие главные фигуры, стоящие перед ними на ближайшей линии, наискось, на поле того же цвета, то могут взять их справа или слева и занять их поле. Это третий вид их хода: они движутся вперёд наискось, как стрелки, но лишь на ближайшее поле, одинаковое по цвету с тем, на котором стоят сейчас.

Проход через занятый неприятелем рубеж

Следует также отметить обычай, соблюдаемый в некоторых местах. Когда солдат при первой встрече сталкивается на рубеже с солдатом неприятельского войска, ни один не может безнаказанно пройти мимо другого, пользуясь своим прямым ходом вперёд, а должен отклониться на угловое поле и взять другого солдата. Если же он всё-таки проходит мимо, другой солдат может убрать его, если это приносит его войску какую-либо пользу. Делается это следующим образом; подробнее об этом будет сказано в четвёртой главе второй книги.

Солдата, которым в таком случае берут другого, ставят на поле, с которого тот сдвинулся непосредственно предшествующим ходом и на котором стоял, когда должен был взять нынешнего берущего, а вместо этого прошёл рядом с ним. Самого прошедшего солдата таким образом убирают с доски.

Этим напоминают: если, вопреки военному обычаю, от которого эта игра ведёт своё начало, кто-либо идёт через проход, занятый неприятелем, то делает это либо с его разрешения — ведь тот властен как запретить такой вольный проход, так и дозволить его, — либо на свой страх и риск, полагаясь на удачу, поскольку нельзя быть уверенным, будет ли он разбит или пропущен. Там же, где этот обычай не соблюдается и противник с ним не согласился, можно по своему усмотрению пройти мимо или взять.

Стойкость передних рядов

Далее, эти солдаты не могут повернуть назад прежде, чем достигнут крайних полей неприятеля и приобретут там достоинство и ход королевы. Те, кто противостоит неприятелю, должны помнить, что бегство — великий порок и что оно весьма вредит тем, кто стоит в строю позади них. Ведь когда передние ряды отступают и бегут, следующие за ними также легко приходят в смятение. Смотри конец восьмого стиха двадцатой главы Второзакония.

В том, что солдаты сначала могут сделать два шага, а затем лишь один и не могут идти обратно, можно также усмотреть нрав малодушных: вначале, когда опасности ещё почти не видно, они выказывают горячность, а потом пугаются и медлят. Храбрые же люди, напротив, достаточно пылки и отважны, когда дело доходит до рукопашной, но прежде того тихи и спокойны.

Или же их ведут таким образом, чтобы уже с самого начала они показывали своё мужество и жажду сражения, словно едва способны дожидаться часа, когда начнётся бой.

Замена утраченной королевы

Некоторые понимают и допускают превращение солдат в королеву лишь в том случае, если настоящая королева уже потеряна. Если же она ещё имеется, её следует разменять на другую хорошую фигуру, при условии, что её, как указано выше, можно сразу вновь получить следующим ходом. Иначе солдат не может стать королевой, даже если настоящую королеву потеряют последующими ходами: противник оставляет его на своей крайней, или главной, линии неподвижным, а потому безвредным, и не прогоняет его.

Кроме того, это правило хотят относить лишь к четырём солдатам на стороне королевы, которые, подобно амазонкам, состоят при ней и служат ей. А именно: после смерти королевы король вправе избрать и взять на её место одну из них, если она благодаря своей храбрости достигла крайней линии и немедленно получила там силу и власть прежней королевы. Ей не нужно ещё несколько ходов оставаться в опасности и неизвестности, будет ли она взята или нет.

Возражение ограничительному обычаю

То, что солдаты на стороне короля не должны иметь такого преимущества, пытаются доказать тем, что превращение мужчины в женщину противно природе. Франциск Тидикей, доктор философии и медицины, подробно доказывает это в приложении к своему описанию микрокосма, на страницах 637 и 638. При этом он допускает обратное и на страницах 634, 635, 636, 638 и 639 приводит примеры из Разеса, Галена, Плиния, Эмпедокла Агригентского, Лициния Муциана, Авсония Бурдигальского, Вольтеррана, Иоганна Лангия, Иоганна Виера, Ливия, Гиппократы, Амато Лузитано и Баптисты Кампофульгозо: будто женщины действительно превращались и могут превращаться в мужчин по естественным причинам.

Однако вернёмся к нашей игре. Хорошие игроки и в старину, и ныне относили это правило без различия ко всем солдатам — как короля, так и королевы, даже если первоначальная королева ещё находится на доске. Различные примеры этого встретятся в следующих книгах.

Ведь смысл не в том, будто солдат становится супругой короля: при первоначальном построении ему дана лишь одна супруга. Смысл в том, что он должен чтить храбрых солдат не меньше, чем собственную королеву.

В старину солдат, превращённый в королеву, сперва должен был прыгнуть на третье поле, а затем ходил через углы полей на соседнее поле.

Превращение по полю и нападение пешек

Некоторые допускают также следующее — как утверждает Артур Саул, это принято и в Англии: когда солдат достигает поля ладьи, всадника или стрелка на стороне неприятеля, ему за добрую службу дают ход соответствующей фигуры и используют его согласно её свойствам; при необходимости из него можно сделать и королеву.

Способ их ударов и взятий понятен из предыдущего изложения. Они могут брать главные и простые фигуры, которые встречаются впереди на ближайшей линии и поле наискось, справа или слева. Стоящие же рядом с ними или позади них на соседних линиях и полях они должны, с известной оговоркой, оставлять на месте. Об этом уже было сказано выше и подробнее будет сказано ниже.

Свои удары они наносят следующим образом. Солдат королевской ладьи бьёт на третье поле королевского всадника; солдат королевского всадника — на третье поле королевской ладьи и стрелка; солдат королевского стрелка — на третье поле королевского всадника и самого короля; собственный солдат короля — на третье поле его стрелка и королевы. Собственный солдат королевы бьёт на третье поле короля и её стрелка; солдат её стрелка — на третье поле королевы и её всадника; солдат её всадника — на третье поле её стрелка и ладьи; солдат её ладьи — на третье поле её всадника.

Они вправе объявлять шах и королю: ведь в открытом сражении всякий порой получает возможность ранить и повредить как малому, так и великому неприятелю. Нередко они ставят ему мат, если он не может ни отступить, ни велеть своим фигурам устранить их, ни взять их сам. Закрыться от них другой фигурой невозможно, поскольку между ними нет поля, куда можно было бы поставить фигуру или солдата.

Пешечное прикрытие

Что касается их свойств и достоинств, солдат, стоящих перед королём и королевой, считают наилучшими для начала стычки с неприятелем. Они поставлены и как бруствер против его нападений, чтобы преградить ему вход и проход и не позволять свободно разгуливать по всему полю, как случилось бы иначе. Им также можно безопасно и легко прийти на помощь. Если же их берут, следует по возможности поставить на их место других.

После них хорошими считают солдат перед стрелками. Они способны срывать замыслы неприятеля, открывать дорогу своим фигурам, приводить неприятеля в некоторое замешательство и удерживать его от свободных стычек и помощи своим, которую он мог бы оказать без этих препятствий.

Кроме того, они ближе к королю и королеве и служат стражами как им, так и обоим их солдатам. Когда они порой, а то и весьма часто, должны заступать на их место, они достаточно пригодны для защиты и прикрытия короля. Они также могут перекрывать путь неприятельским стрелкам, пытающимся помешать переводу короля в безопасное место.

Поэтому их, и особенно солдата королевского стрелка, обычно можно давать по требованию в качестве форы. Итальянцы не даром называют его *electam pedonam* — избранной пешкой; смотри Акция, вопрос 6, № 12. Когда эта пешка отсутствует, король оказывается в большой опасности быть окончательно разбитым и уничтоженным.

Прикрытие флангов и крайние пешки

Точно так же этот солдат должен один отражать с той стороны шахи неприятельской королевы и фигур, пытающихся причинить королю вред, и помощь ему оказывает лишь солдат королевского всадника. Наконец, если он потерян, на этой стороне поля уже невозможно вновь составить ряд солдат для сохранения игры, что приносит большой ущерб.

Хотя короля можно перевести на другую сторону поля, в расположение королевы и на поле её стрелка, где имеется больше солдат ему в помощь, для этого потребуется больше ходов, чем при переводе его на свой фланг, куда ему остаётся лишь одно поле. Поэтому, если ведущий его игрок встретится с противником, умеющим извлекать пользу из ходов, впустую сделанных другим, король вскоре окажется под ударом.

Солдат же стрелка королевы имеет больше поддержки. Даже если он допускает ошибку, её стрелок и всадник, а также сама королева всё же могут его защищать и прикрывать. Поэтому следует по возможности заботиться, чтобы эти четыре солдата впереди всегда выступали из середины войска бок о бок, как бы единым рядом, и таким образом содержались под надзором.

Солдаты всадников и ладей также имеют свои достоинства: они образуют подобие вала или защиты вокруг короля, когда он прыжком либо другим ходом переходит со своего поля в их сторону.

Однако солдат ладей называют половинными солдатами, поскольку они бьют лишь на линию всадника, пока остаются на названной линии ладьи. Ведь, беря другие фигуры, солдаты могут переходить на соседние линии то справа, то слева. В этом видят нрав робких людей, которые из страха лишиться жизни обычно становятся там, где менее всего опасно. Но если они наберутся мужества и возьмут неприятельскую фигуру на линии всадника, то затем смогут, подобно остальным, бить в обе стороны.

Об этих восьми простых фигурах древние имели следующие примечательные мысли и приписывали им различные занятия. Мы также хотим выписать их из упомянутых переводов и присоединить к сказанному.

Земля и обязанности земледельца

«Венды на шахматной доске означают простых людей и работников. Ладьи же — наместники князя, и им надлежит о них заботиться. Поэтому первая пешка стоит перед ладьёй справа от короля и изображается как земледelec: в правой руке у него должна быть мотыга, в левой — прут, которым гонят скот в поле, а за поясом — серп или нож для обрезки виноградных лоз, деревьев и удаления колючек.

Необходимо, чтобы человек возделывал землю: она наша первая мать, из которой мы первоначально были созданы в человеческом образе. Земля даёт нам и последнее пристанище, когда нас в ней хоронят. Потому справедливо, чтобы между началом и концом она давала нам пропитание за наш труд. Поэтому земледelec прежде всего должен признавать Бога и служить Ему, дающему ему и нам всё временное, необходимое для жизни, и благодарить Его за милость десятиной. Это справедливо, чтобы Он хранил для нас остальные девять частей от непогоды и врагов.

Во-вторых, земледelec должен быть послушен, усердно и внимательно беречь имущество своего господина и хорошо о нём заботиться. К сожалению, многие носят имя слуги, получают одежду и пищу слуги, но не имеют подобающих ему нравов и не стараются перенять эти нравы, ибо не стремятся к мудрости.

В-третьих, он должен любить жизнь, но не бояться смерти. Глуп тот, кому жизнь так опостылела, что он бежит навстречу смерти. Мудрый человек не должен бежать к смерти, а лишь спокойно к ней идти. В-четвёртых, он должен усердно трудиться, но соблюдать праздники, установленные христианством, и без крайней нужды их не нарушать.

Земледельцу по праву принадлежат три занятия. Первое — поднимать и переворачивать землю; потому в правой руке он должен держать лемех или мотыгу, которыми разрезают почву. Он должен также разводить скот и потому держать в левой руке прут или розгу, чтобы выгонять скот в поле. Ему надлежит быть пастырем не только в том смысле, чтобы водить и выгонять скот, но и заботиться о нём добродетельно и верно, отдавая Богу лучшее. Наконец, он должен ухаживать за деревьями, очищать их от лишних и бесплодных побегов и возделывать виноградники; потому за поясом у него нож для обрезки.

Ремесло и верность

Вторая пешка на шахматной доске означает тех, кто работает молотами, топорами и плотницкими орудиями. Её ставят перед рыцарем справа от короля, ибо рыцарь нуждается в мастере для изготовления ножей, мечей, шпор, сёдел и всяких других вещей. Изобразить её следует в виде кузнеца: в правой руке у него молот, в левой — топор, а за поясом — напильник.

Обозначенные ею ремесленники должны быть правдивы и верны, ибо им вверяют великие ценности: золото, серебро и драгоценные камни — как золотых дел мастерам и чеканщикам, — городские стены, башни, подвалы, покои, замки и многие другие вещи, полезные и нужные человеческому роду. От них в той или иной мере зависят все: короли, князья, господа и графы, рыцари и служилые люди, горожане и крестьяне. Поэтому всем нужны верные люди.

Кто утратил верность, тому уже нечего терять. Он едва смеет непринуждённо говорить с кем-либо, ибо никто ни в чём не может ему верить. Верность — самое святое сокровище сердца: никакая нужда не должна принудить его к обману, никакое богатство или страдание — отнять это сокровище. И великое безрассудство — тотчас поверить тому, кто однажды тебя обманул.

Ремесленники приносят миру благо и великую пользу. Всё, что растёт и возникает из земли, предназначено человеку и ради него произрастает так, чтобы одно помогало другому. Поэтому и мы должны следовать природе, прежде всего усердно заботясь об общем благе. Первое семя справедливости — содействовать общему благу. Ведь есть пословица: беда касается и тебя, когда горит стена соседа.

Против зависти и подозрительности

Во-вторых, этим ремесленникам надлежит иметь мудрость и правдивость, чтобы один не завидовал другому и не подозревал его в том, чего нет. Бог создал мир так, что он нуждается в двух вещах — святости и мудрости, и одна не может быть без другой. Сам себя обманывает тот, кто говорит, что духовен и свят без мудрости, или что мудр, не будучи свят.

Мудрому человеку подобает не делать ничего неверного и не быть лицемерным. Его поступки должны быть обдуманными и неторопливыми, дружелюбными и честными; в нём не должно быть ни зависти, ни ненависти, ни подозрительности. Ибо кто завидует другому, тот мал; кто никому не завидует, тот велик. Завистник, говоря об удаче соседа, твердит: у того посеvy красивее, свинья жирнее, коровы полезнее.

Не должны они быть и подозрительными. Подозрительный полагает всякого столь же неверным, как он сам, и считает всякого глупцом, если сам безрассуден.

Кормчие, мастера и писцы

Им надлежит также обладать неустрашимой стойкостью, особенно корабельщикам, чтобы в опасности не падать духом и не пугаться. Ведь если страшатся те, кто должен управлять кораблём, то пугаются и гребцы: они откладывают вёсла и перестают грести, пока корабль не пойдёт ко дну. Так бывает и с боязливыми князьями: окружённые врагами, они вселяют страх в добрых рыцарей и потому теряют победу.

Третья пешка на шахматной доске должна стоять перед старейшиной, находящимся справа от короля. Старейшина изображает судью; поскольку между описанными выше людьми часто возникают споры, перед ним должна стоять пешка в образе человека с ножницами в правой руке, широким ножом в левой, письменным прибором на поясе и пером за правым ухом.

Ножницы означают портных, сукновалов, ткачей и всех, кто имеет дело с льняной или шерстяной тканью, будь то стригали или ткачи, кто обрабатывает её трудом или торгует ею. Нож означает мясников, кожевников, сапожников, перчаточников, скорняков и многие другие ремёсла. Письменный прибор означает писцов, а перо за ухом — их постоянную готовность явиться по вызову судьи и записать то, что он велит: приговор, грамоту или иной нужный в то время документ.

Названные выше мастера обрабатывают кожи или снятый с них волос. Всем этим ремесленникам необходимы три качества. Первое — честность в работе, противостоящая всякому обману и несправедливости. Второе — правдивость в словах: они не должны никого обманывать речами или обещать то, чего не намерены делать. Третье — истина во всех делах и справедливость. Им подобают правильные и честные нравы без проступков, верность без коварства и фальши, дружелюбие, любовь без ненависти и усердная работа без промедления.

Верность документам и согласие в городе

Прежде всего, городские писцы, если они хороши, весьма полезны городу и общине; если же нет, то нет ничего хуже. Они должны особенно остерегаться изменять или искажать грамоты, и от них не должно исходить ничего, что вредит ближнему. Им надлежит ежедневно читать и знать городские законы и права, хранить в памяти постановления города и, насколько от них зависит, не допускать установлений, противных Богу или справедливости.

Они должны также указывать судьям и советникам на всё, в чём те неправы, ибо ни дело, ни закон, направленные против Бога или добрых нравов, не могут быть правыми. Но в городах находится немало таких людей, которые не заботятся об общем благе: они добиваются лишь собственной выгоды вместе с собравшимися вокруг них сторонниками, скрепляют свои союзы клятвами и тем порождают распри. От этого города умяются, угнетаются и в конце концов разоряются.

Поэтому им следует советовать всем людям и побуждать их к тому, чтобы в городах возникало и сохранялось согласие. Между гражданами, желающими благополучия своему городу, должна быть цельная и постоянная дружба: единство доброй воли к другу ради дела, которое надлежит ставить выше всего остального.

Нет ничего столь благого и полезного, столь сообразного природе и в счастье, и в невзгодах, как дружба. Её сила столь велика, что она связывает общество всего человеческого рода — двух людей или многих, среди которых ей находится место. Нет на свете ничего приятнее, чем иметь друга, с которым можно говорить, как с самим собой. Едва ли счастлив человек, не имеющий друга, которому мог бы доверить свои тайны.

Дружба, целомудрие и правдивость

Надобно заметить, что иная дружба основана на выгоде и имуществе: когда исчезают выгода и имущество, исчезает и дружба. Пока есть богатство, есть и множество друзей; когда его нет, человек остаётся один. Поэтому друг, ищущий собственной пользы, а не пользы своего друга, скорее купец, чем друг: его дружба простирается лишь до тех пор, пока есть выгода.

Так любят пашни, коней, дома, скот и прочее имущество. Любовь же к людям бывает искренней либо пустой, и искренность распознаётся в несчастье: если друг остаётся верен, это знак цельной и чистой дружбы. То, что делают тогда, служит доказательством дружеского постоянства; поступки же в пору благополучия могут быть лестным притворством. Другая дружба основана на честном благе и обращена к добродетельному другу.

Второе качество, которым должны обладать ремесленники, — целомудрие: они не должны предлагать или требовать от работающих у них того, что противно их чести. Ни к одной женщине, имеющей с ними дело, не должны они обращаться с предложением или требованием, противным её чести.

Третье — правдивость, чтобы сердце и намерение соответствовали словам и делам. Ибо правдивость есть добродетель: обладающий ею может говорить без страха и действовать со свободным духом.

Весы, мера и кошель

Четвёртая пешка на шахматной доске должна стоять перед королём и иметь следующий вид. В правой руке у неё весы и гиря, обозначающие менял и заимодавцев; в левой — локтевая мера, обозначающая купцов, торговцев сукном, сукноделов и подобных им людей. На поясе — большой кошель или сумка с золотом, означающие сборщиков и распорядителей господских денег.

Все они должны избегать алчности. Алчность есть безмерная любовь к обладанию, приобретению или удержанию имущества сверх необходимого. Этот порок вреден всем, а особенно тем, кто должен стоять во главе общины, — господам и их должностным людям. Он распространяется и господствует среди людей весьма широко.

Глупо человеку брать столько припасов на короткий путь: ведь ему отпущена недолгая жизнь, а он так много думает и заботится о богатстве. Скупой человек дурен для самого себя, а бедный скупец хуже всех, ибо всегда находит повод жаловаться. Алчность часто становится причиной грехопадения; она разрушает также верность, благочестие и другие добродетели.

Во-вторых, им надлежит остерегаться множества долгов. Бедность не порок и не злодеяние, но быть обязанным заплатить и не платить — позор. Беден ты или богат — не занимай: если богат, не нуждаешься в этом; если беден, помни, что едва сможешь вернуть.

Благодарность и врачебное знание

Всякий, кто охотно принимает дары, должен охотно и дарить, стараясь превзойти своих дарителей добром и добродетелью. Если справедливо отвечать добром на добро и даром на дар, то тем более следует платить то, что должен. В-третьих, эти мастера должны быть верны и надёжны.

Пятая пешка на шахматной доске должна стоять перед королевой. Изображать её следует сидящей на учительском кресле, с книгой в правой руке и коробочкой с лекарственными составами в левой; за поясом должен быть хирургический инструмент. Книга означает всех учёных врачей и наставников свободных искусств.

Настоящий врач должен уметь правильно и хорошо говорить по-латыни — это грамматика; знать заключения логики, изящную, красивую и серьёзную речь риторики, точки и фигуры геометрии, числа арифметики, сочетания музыки, а в астрономии — ход звёзд и семи планет. Всё это и многое другое ему нужно хорошо понимать, чтобы знать, когда давать и принимать снадобья или пускать кровь.

Коробочка означает аптекарей, изготовителей мазей и всё, что к этому относится. Хирургический инструмент означает лекарей, лечащих раны, и перевязчиков ран. Всем им надлежит уметь исцелять больных по учению языческих наставников — Галена, Ориена, Гиппократы и Авиценны. Жизнь больного находится в руках врача; если тот не владеет своим искусством во всей полноте, он скорее убийца, чем врач.

Искусство врача и причины болезни

Поэтому, когда к больному приходят многие врачи, им не следует вести тонкие диспуты и выискивать посторонние спорные вопросы, стремясь внешними речами показаться искуснее, вместо того чтобы заботиться, как исцелить больного: это нужнее всего. Пока они спорят и пререкаются над больным, он может умереть прежде, чем будет разрешён их вопрос.

Правоведам следует поступать иначе: они рассматривают не то, что находится внутри человека, а то, что относится к внешним поступкам. Поэтому им не подобает торопиться с приговором.

Врачи должны с уверенностью искать то, что полезно больному. Если рана колотая и узкая, перевязывать её следует соответственно; если же она нанесена ударом и длинная, перевязывать её надо иначе. Врач должен также знать, откуда возникла болезнь. Если от холода — ей соответствует тёплое лекарство, если от жара — холодное; либо же она происходит от печали, испуга или радости.

Часто бывает, что заболевший от печали выздоравливает скорее, чем заболевший от чрезмерной радости: таких нередко находили мёртвыми, либо члены их поражались недугом и становились непригодны к действию.

Забота о теле и духе больного

Надобно знать и помнить, что радость есть расширение духа при постижении подобающего и приятного. Мудрый человек никогда не лишён радости, которая исходит из силы совести и рождается из упражнения. Эта радость нигде не подавляется и не разрушается, ибо проистекает из внутренней силы и черпает её не в том, что дала удача. Любовь и радость могут причинить то же, что удар молнии с небес или грома.

Во-вторых, им надлежит быть целомудренными телом, сдержанными в обращении и нравах, говорить почтительно и стройно и утешать больных надеждой на скорое выздоровление. Потому их ставят на шахматной доске перед королевой: женщины подвержены многим болезням и тяжёлым недугам. Поэтому во всём своём поведении перед всеми людьми они должны проявлять благопристойность и честность.

Третье требование относится к аптекарям среди названных людей: они должны с великим усердием готовить всё необходимое для лечения, согласно слову и искусству врачей, не заменять один корень другим, не подделывать снадобья и не выдавать старые и гнилые корни за свежие. Не должны они давать ядовитые вещества неучёным лекарям и простым людям и тем становиться причиной чьей-либо смерти или навлекать её.

В-четвёртых, хирурги должны быть сострадательны к названным людям и не проявлять чрезмерного рвения или поспешности, разрезая либо прижигая раны и язвы, чтобы не утратить своего имени и не называться мясниками вместо целителей ран.

Все врачи должны стараться поступать обдуманно и прежде всего оздоравливать дух больного, помогая страданию души прежде страдания тела, чтобы больных не охватывали беспорядочные страх, надежда, печаль или радость.

Гостеприимство и сохранность гостя

Шестая пешка должна изображать человека, который протягивает правую руку и манит людей к себе в дом. В левой руке у него белый хлеб, а на нём стаканчик вина; за поясом — ключ. Это означает трактирщика, содержателя питейного заведения или постоянного двора. У него должно находиться всё необходимое, и всё принесённое в его дом должно быть в сохранности. Пешка должна стоять слева от короля, перед старейшиной, ибо старейшина означает судью, а в таких домах часто возникают споры, которые судье надлежит разрешать.

Эти люди должны остерегаться излишества в еде и питье, подавая приходящим к ним пример умеренности. Многие погибают от невоздержанности: из неё возникают ссоры, убийства и всякое зло. Человек должен есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть. Природа довольствуется малым, но привычка и желание прибавляют многое.

Им надлежит обращаться с приезжими гостями приветливо и доброжелательно, с любезным обхождением и весёлым лицом. Это далеко распространяет добрую славу хозяина и придаёт ему уважение, когда о нём говорят в стране.

Всякий добросовестный хозяин должен предупреждать гостей, как и кого им следует остерегаться в пути, провожать их и указывать дорогу от своего постоянного двора, верно оберегать их жизнь и имущество. Отданное ему на хранение он должен беречь так же усердно, как собственное, и возратить целиком, без повреждений. Войдя в приют, чужестранец делает его своим жилищем; потому его имущество, честь и он сам должны быть у тебя в такой же безопасности, как дома.

Хозяин должен также оберегать гостя от своей прислуги, чтобы та не вредила его коню, обделяя кормом. Из-за этого гости не могут пройти положенный дневной путь; их настигают разбойники, от которых они не могут ни ускокать, ни уйти, и они нередко лишаются жизни и имущества. Причиной тому бывает неверный, дурной слуга.

Общее имущество и справедливость службы

Седьмая пешка должна стоять слева перед рыцарем и иметь следующий вид: человек держит в правой руке ключ, в левой — жезл, подобный локтевой мере. Он означает городских должностных лиц и управителей, ведающих мерами и весами. Большой кошель с деньгами на поясе обозначает сборщиков пошлин и мелких торговцев. Он стоит прямо перед рыцарем, ибо рыцари должны устраивать и направлять народ, чтобы его охраняли и о нём заботились, как поручено.

Эти люди должны сердечно любить всё, что принадлежит общине, быть рассудительными и деятельными, замечать и обдумывать все опасности, способные повредить городу. Им надлежит иметь чистую совесть и бояться Бога, чтобы не обременять невинного из зависти, ненависти или вражды, но поступать только по праву. Они должны так обращаться с общим имуществом, чтобы за это их не отстранили от должности.

Хуже всего из дурных дел то, когда человек за счёт ущерба или дурной славы других создаёт, умножает и распространяет собственное богатство и имя.

Служители общины должны также быть справедливы и умеренны, не алчны и не пристрастны к лицам, чтобы не брать с покупателей и продавцов больше, чем положено по праву. Напротив, им следует быть посредниками и помощниками. В посредничестве при торговле встречается много странных вещей, и от них надлежит со всей тщательностью остерегаться. Человеку, любящему справедливость и честность, должно быть неприятно на обидные речи всякий раз отвечать тем же. Когда же он указывает другому на несправедливость, стыдиться должен тот, кто несправедлив.

Законные сборы и умеренность служителей

Сборщики пошлин должны остерегаться вводить на заставах новые установления, которыми несправедливо обременяют людей, и брать пошлины сверх тех, что назначены и установлены волей империи. Не следует им и уменьшать то, что установлено по праву. Взимая положенное, они должны требовать и принимать его кротко и добродетельно, никого не обижая и не содействуя общине во вред собственной совести: кто грабит, тот будет ограблен.

Стражи и защитники должны быть бдительны и довольствоваться своим жалованьем и положенным им по праву, не беря больше дозволенного. Ибо никто из достигших чрезмерного благополучия не радовался ему долго.

Восьмая пешка и расточительство

Восьмой пешке на шахматной доске подобает стоять перед ладьёй, находящейся по левую руку короля. Она обозначает игроков, сквернословов и распутников: им надлежит сообщать о том, что может принести наместнику или правителю бесчестье и ущерб. Игроки, проигравшиеся до того, что остались голыми и нагими, тогда охотно готовы разносить вести по стране и искать другого достояния.

Изображать эту пешку на шахматной доске следует с широко расходящимися рыжими волосами и несколькими пфеннигами в правой руке — этим обозначаются расточители. В левой руке у неё три игральные кости, означающие игроков и распутников, а под поясом — сумка или футляр для писем: это обозначает гонцов и письмоносцев.

Над первыми, которых называют расточителями и разорителями собственного достояния, господин должен назначить попечителей, ведающих их имуществом, и лишить их власти над своим добром. Ибо, когда они промотают и проедят своё достояние, они не умеют работать и потому становятся убийцами, разбойниками, поджигателями и злодеями.

Расточительность — порок и великое зло: хотя она иной раз приносит пользу друзьям, под конец она вредит ближнему. Поэтому лучше сберегать то, что имеешь, чем стремиться к тому, чего у тебя нет. Отсюда и общая пословица: кто тратит больше, чем имеет, тому недолго стать бедняком. Кто не заботится о своих расходах, тот разорится прежде, чем успеет это заметить.

Гонцы, движение пешек и возвышение незнатных

Есть также игроки и распутники, которые дурным образом проматывают своё достояние, а затем становятся разбойниками, убийцами и предателями. Трудно уберечь чужое добро тому, кто растратил собственное. Такие люди не годятся в судьи и руководители общины.

Далее идут письмоноscopy. Они должны стараться исполнять поручения в срок, назначенный пославшими их господами, и возвращаться, когда им велено, чтобы другой посланец не опередил их и, выступив против них, не расстроил их дела. Поэтому они должны быть проворны и остерегаться с утра отягощать себя едой и питьём. Через города им также следует проходить поспешно, нигде подолгу не задерживаясь, и беречься пьянства в чужих землях.

Поступь простых людей, то есть пешек, у всех одинакова: каждая может с места пойти на третье поле, ибо всякий простой человек по меньшей мере должен быть в безопасности в собственной стране. Они идут только вперёд, а не назад, разве что заслужат это, достигнув последнего ряда противника: тогда они обретают достоинство королевы, её ход и всю её власть брать и наносить удары. Но прежде, пока пешка не дошла так далеко и остаётся простой пешкой, она движется прямо перед собой.

Если кто-либо из противников преграждает ей путь, она может пленить или поразить его наискось, с того угла, где стоит. Ведь когда эти люди идут или едут своей дорогой, а кто-нибудь сбоку насккивает или набегаёт на них, это знак, что их хотят ограбить. Поскольку всякий человек, знатный и незнатный, вправе в нужде защищаться и обороняться, им дано право сопротивляться тому, кто так нападает на них, что им приходится опасаться за свою жизнь и добро.

Никому не следует презирать таких простых людей: известно, что многие из них возвысились до императоров и пап. Это обозначается тем, что в игре они получают власть королевы, если силой или хитростью пробьются через вражеское войско и достигнут последнего ряда. Никто не должен превозноситься своей властью и силой, знатностью или богатством и прочим.

Взаимные обязанности знатных и простых людей

Теперь скажем, почему незнатных, то есть пешки, ставят на шахматной доске впереди знатных. Во-первых, потому, что простые люди служат словно бы венцом знатных. Что могла бы сделать ладья по правую руку, обозначающая наместников и правителей, если бы не было земледельца, который трудится для её нужд? Знатный человек без этого остался бы пешим и безоружным. Что стало бы с привольной жизнью знатных, если бы не было купцов, которые доставляют им необходимое, и работников, которые всё это для них делают? Князья и княгини часто болеют — что было бы, если бы им не помогали лекарствами? Так они нуждаются во всех простых людях во всём, что необходимо для их дел и жизни, для всей их пышности и забав. Поэтому мастер, изобретший эту игру, поставил простых людей впереди знатных, чтобы те их не презирали и не угнетали.

Во-вторых, простых людей ставят впереди знатных, чтобы перед ними были свободные поля. Это означает, что им следует прилежно заниматься своим ремеслом и трудиться, а совет оставить знатным: те знают законы страны, посредством которых простой человек не умеет ни защищаться, ни вести тяжбу и в которых он не сведущ. Поэтому высшие советы им следует уступать знатным и выступать лишь в том, что касается работы и ремесла каждого. Не следует им и дерзко принуждать других: от этого часто подавляется и извращается мудрость, отчего гибнут замки, города и страны.

В-третьих, когда фигуры расставлены на доске, пустых полей остаётся столько же, сколько заполненных и занятых. Это означает, что господин, владеющий страной, должен заботиться о том, чтобы соразмерно числу людей у него было достаточно городов и замков, где они могли бы жить. Перед этими городами, замками и деревнями он должен оставлять достаточно земли для обработки, чтобы живущие там могли ею кормиться, а он мог их защищать.

Кто носит имя господина, не имея владения, тот знатен впустую. Таким людям и бедность гораздо позорнее и тяжелее переносить: простого бедняка никто не бранит, а знатного бедняка бранят, если только благонравие и добродетель не прикрывают его бедности, и прочее».

» dingen/der in not ist/zu ihrem tun und leben / und zu irer aller
 » parat und stamponen. Und darumb hat der Meister / der diß
 » Spiel funden hat/die gemeinen leuthe/gesetzt/für die Edlen/
 » das Sie sie nit versmechten oder verdrückten. Zu dem andern
 » mahl/setzet man die gemein/für die edelln darumb/das sie leere
 » felder/für in haben/das bedeutet/das sie ihren handwercken/
 » ob sollent liegen/und arbeiten/und den edelln solten sie lassen/
 » den Rat: wan SHe wissent/was der land recht sint/domit sich
 » der gemein Man/nicht mag beschirmen/oder bekümmern/und
 » kan sein nicht/und davon sollent sie/die hohe Räte/empfehlen
 » den Edelln/und sollent nit sein vorsprechen/nur was einem je
 » den/zu seiner Arbeit und handwerck gehöret: und zwingen nicht
 » frefflich/davon werdent dick verdruckt und verderbet/die weiß
 » heit/und geschicht / das Burgen/Stäte und Land / verloren
 » werden. Zu dem dritten mahl/wan das gestein gesetzt wirt/
 » auf das prett/so findet man damoch/als viel leerer Veld/als
 » voller und besetzter: das bereut/das ein Herr/der ein land hat/
 » der sol betrachten/als viel er leuthe hat/das er als viel stäte ha
 » be/und bürge/darein sie sich enthalten mögent / auch für den
 » selben steten/bürgen und dörfern/so viel feldes lasse / das man
 » im barwe müge haben/domit sich mügen die began/welche da
 » rin seyn: und das er sy beschirmen möge. Dan twer Herren
 » nahmen hat/on herschaft/das ist ein Adel on muß: auch ist Ar
 » muth den leuthe viel verworffner/und herter ze tragen: wan
 » einem gemeinen Armen/schiltet/niemand/aber einen
 » Edeln Armen schiltet man: es sey dan/das
 » sein Armut / Zucht und Zu
 » gend decke. etc.

Глава одиннадцатая. Особо о шахматной доске: как на ней размещают фигуры, о её делении и полях, а также о том, как прочно представить её себе и удержать в памяти

Достаточно сказано о каждой фигуре в отдельности. Теперь нам следует вновь обратиться к шахматной доске и рассмотреть, как на ней размещают фигуры, каким образом они занимают свои лагеря и как доска разделяется на эти лагеря и пространство, где они нападают друг на друга. Это внесёт большую ясность в дальнейшее изложение и может пригодиться тем, кто старательно усвоит сказанное, чтобы играть мысленно, без доски и фигур, — хотя это доступно не каждому, — во время езды в повозке, верхом или прогулки.

Чтобы правильно расставить фигуры на шахматной доске, необходимо, чтобы на стороне белого короля, которому надлежит стоять на чёрном поле, крайнее поле горизонтали справа от него, предназначенное для его ладьи, было белым; слева же от него и королевсы поле для ладьи королевсы должно быть чёрным. Соответственно, со стороны чёрного короля справа от его королевсы должно быть белое поле для ладьи, а слева от самого короля — чёрное поле для его ладьи.

Словом, всякий играющий должен поставить доску так, чтобы крайнее поле ближайшей к нему горизонтали по правую руку было белым. Иначе, если повернуть доску крайним чёрным полем вправо, она казалась бы скорее широкой, чем длинной, и потому не квадратной, как полагают некоторые. Такое расположение нравилось и почтенным древним, а потому оно долгое время оставалось обычным и употребительным. Другие основания можно далее рассмотреть в конце девятой главы последней книги и третьей главы о ритмомахии.

Расположение двух войск

Как следует ставить фигуры на шахматную доску, станет ясно из следующего объяснения и изображений. Шестнадцать главных фигур занимают две крайние горизонтали друг против друга, а простые солдаты — две ближайшие к ним горизонтали впереди. Поэтому между главными фигурами остаётся шесть, а между солдатами — четыре ряда полей. Фигуры расставляют одну за другой на разных полях в следующем порядке.

Белый король стоит на чёрном поле; далее вправо от него слон — на белом, конь — на чёрном, ладья — на белом. Влево от короля, непосредственно рядом с ним, белая королева стоит на белом поле; её слон — на чёрном, конь — на белом, ладья — на чёрном. Фигуры противостоящего чёрного войска стоят напротив, каждая на поле противоположного цвета.

Таким образом, фигуры размещаются не только на полях противоположных цветов, но и с противоположных сторон и углов. Играющий белыми ставит своего короля с семьёю относящимися к нему фигурами справа, а королеву с её отрядом — слева; играющий чёрными ставит короля с его отрядом слева, а королеву с её семьёю фигурами — справа. Так оба короля, обе королевы и остальные главные фигуры — четыре ладьи, слоны и кони, — а также шестнадцать солдат оказываются друг против друга, как показано на следующих изображениях.

Когда оба лагеря устроены таким образом, благодаря этой расстановке фигуры получают друг от друга следующую защиту. Король со своего поля наблюдает за пятью фигурами, или защищает их: 1) свою королеву; 2) своего слона; 3) собственную пешку; 4) пешку королевы; 5) пешку своего слона. Королева защищает: 1) своего короля; 2) своего слона; 3) собственную пешку; 4) пешку короля; 5) пешку своего слона.

Защита в исходной позиции

Королевская ладья наблюдает: 1) за своей пешкой; 2) за королевским конём. Такую же силу имеет ладья королевы. Королевский слон наблюдает: 1) за пешкой короля; 2) за пешкой его коня. Слон королевы защищает: 1) её собственную пешку; 2) пешку её коня.

Кони наблюдают за тремя полями каждый: 1) за полем пешки короля или королевы; 2–3) за третьими полями перед слонами и ладьями. Пешка короля наблюдает: 1) за третьим полем королевы; 2) за третьим полем королевского слона. Пешка королевы — 1) за третьим полем короля; 2) за третьим полем своего слона.

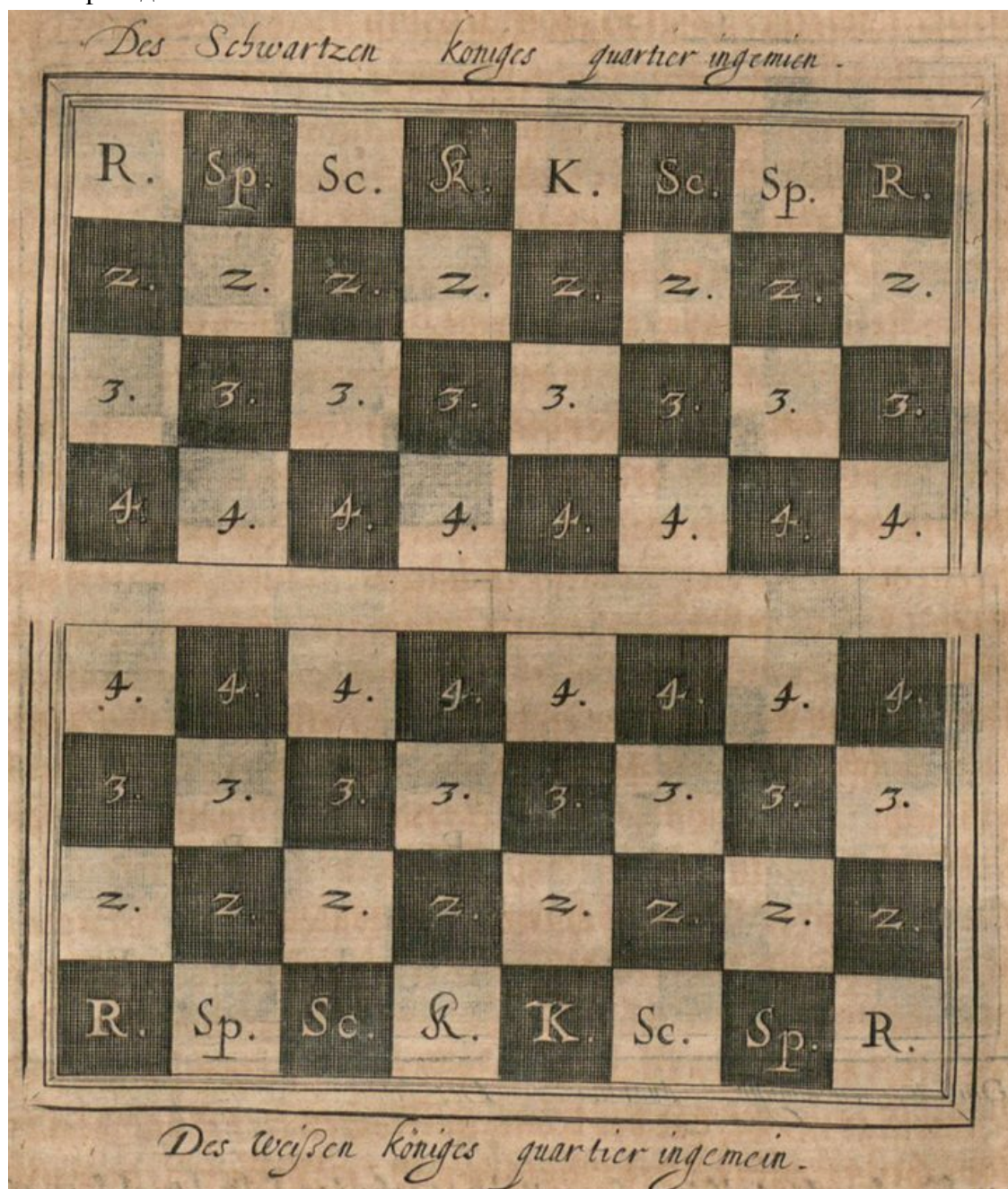
То же самое относится к пешкам слонов и коней. Пешки ладей, однако, защищают лишь по одному полю, а именно третье поле соответствующего коня.

Две половины и четыре четверти доски

В соответствии с этим размещением шахматных фигур доска прежде всего делится на два главных лагеря: один называется лагерем белого короля, другой — лагерем чёрного. Каждый лагерь, как показывает следующий рисунок, включает в себе четыре горизонтали. Крайняя, первая, называется главной; вторая — солдатской; третья — третьей линией белого или чёрного короля; четвёртая — его четвёртой линией. На ней заканчиваются владения каждого короля.

Подписи к изображению: «Лагерь чёрного короля в целом»; «Лагерь белого короля в целом».

Два главных лагеря: сверху чёрных, снизу белых. Оригинальная схема, печ. 107; перевод подписей приведён выше.

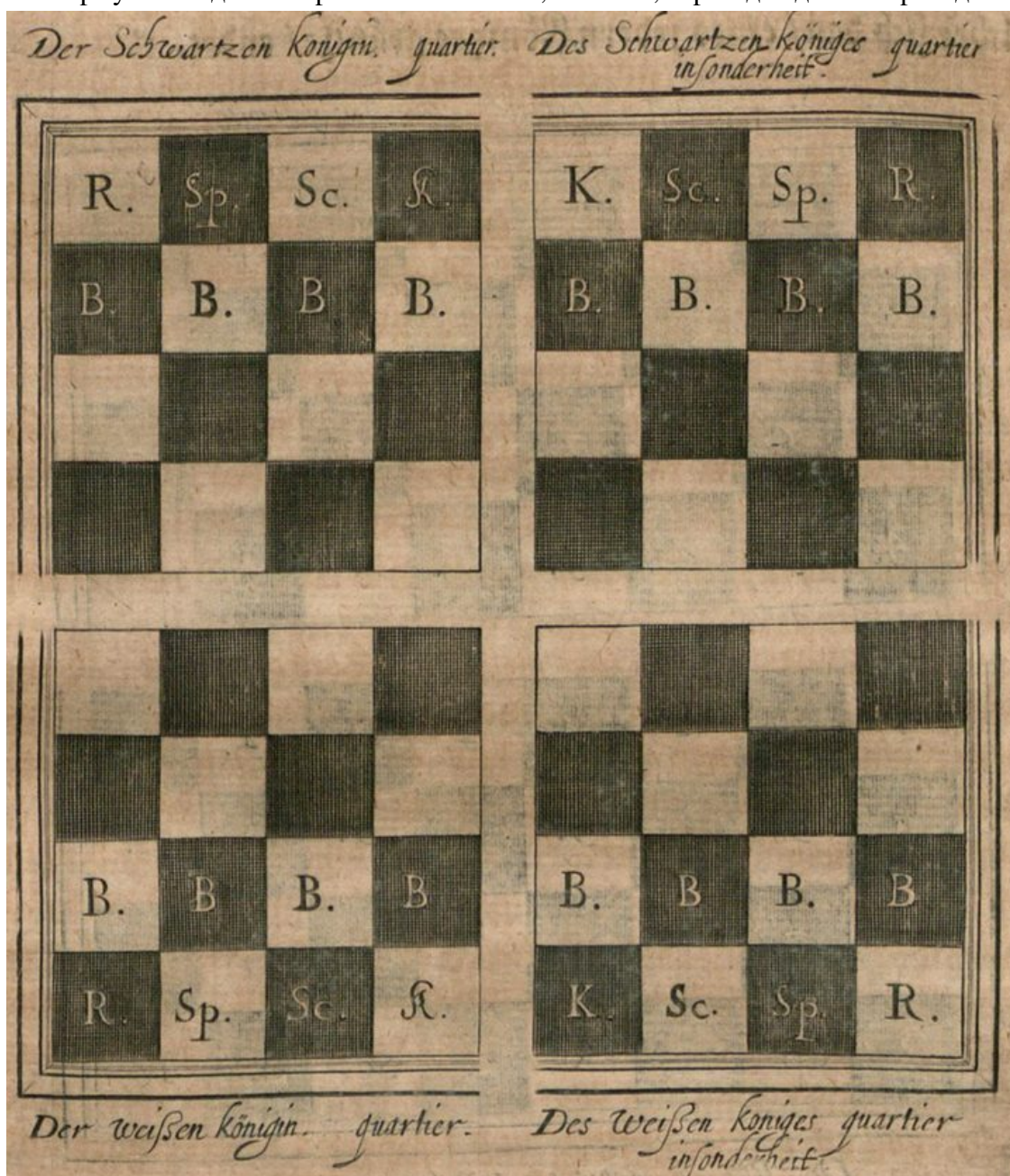
Во-вторых, шахматную доску можно разделить на четыре отдельных участка, а именно: 1) участок белого короля; 2) белой королевы; 3) чёрного короля; 4) чёрной королевы, — что наглядно показывает следующий рисунок. Каждый участок содержит шестнадцать полей: по четыре в направлении вперёд для каждой главной фигуры. От этих фигур поля и получают свои названия.

Названия полей и вертикалей

Ибо то квадратное место в участке белого короля, на котором стоит его ладья, есть поле ладьи белого короля. Напротив, далее по той же линии, в участке чёрного короля, поле, отведённое его ладье, есть поле ладьи чёрного короля. В свою очередь, место, или поле, в участке белой королевы, на котором поставлена её ладья, есть поле ладьи белой королевы. Так же обстоит дело и с участком чёрной королевы.

Подписи к изображению: «Участок чёрной королевы»; «Особый участок чёрного короля»; «Участок белой королевы»; «Особый участок белого короля».

Четыре участка доски. Оригинальная схема, печ. 108; перевод подписей приведён выше.

Далее, на линии ладьи, в направлении вперёд, ближайшее к её полю место называется полем пешки королевской ладьи или ладьи королевы, если пешка ещё стоит на нём. Когда же она перешла с него на другое поле, его называют вторым полем этой ладьи. Следующие за

ним два поля на той же линии называются третьим и четвёртым полями ладьи. То же следует понимать и об остальных семи белых и семи чёрных главных фигурах.

Если вновь соединить эти участки, они разделяются далее на восемь прямых линий, идущих вперёд. Первая называется линией королевской ладьи; вторая — королевского коня; третья — королевского слона; четвёртая — короля; пятая — королевы; шестая — слона королевы; седьмая — коня королевы; восьмая — ладьи королевы.

Запоминание доски

Хотя такое разделение шахматной доски на отдельные участки, линии и поля может служить тем, кто хочет играть наизусть, то есть мысленно, само по себе оно для них недостаточно. Помимо хорошей памяти, долгой практики и упражнений, им необходимо обращать внимание также на нумерацию полей — либо каждого главного лагеря, либо всей доски.

Что касается нумерации полей каждого главного лагеря, счёт следует начинать от королевской ладьи и вести до половины шахматной доски, а именно до четвёртого поля ладьи королевы. Следует также хорошо запомнить, какое поле белое и какое чёрное, следующим образом.

Числа и цвета полей

Если рассматривать белые шахматные фигуры, то на линии главных фигур, считая справа налево, как пишут евреи, поле королевской ладьи будет первым и белым; поле её коня — вторым и чёрным; её слона — третьим и белым; короля — четвёртым и чёрным; королевы — пятым и белым; её слона — шестым и чёрным; её коня — седьмым и белым; её ладьи — восьмым и чёрным.

Во втором поперечном ряду второе поле королевской ладьи будет девятым и чёрным; второе поле её коня — десятым и белым; её слона — одиннадцатым и чёрным; короля — двенадцатым и белым; королевы — тринадцатым и чёрным; её слона — четырнадцатым и белым; её коня — пятнадцатым и чёрным; её ладьи — шестнадцатым и белым.

В третьем поперечном ряду третье поле королевской ладьи будет семнадцатым и белым; третье поле её коня — восемнадцатым и чёрным; её слона — девятнадцатым и белым; короля — двадцатым и чёрным; королевы — двадцать первым и белым; её слона — двадцать вторым и чёрным; её коня — двадцать третьим и белым; её ладьи — двадцать четвёртым и чёрным.

В четвёртом и последнем поперечном ряду четвёртое поле королевской ладьи будет двадцать пятым и чёрным; четвёртое поле её коня — двадцать шестым и белым; её слона — двадцать седьмым и чёрным; короля — двадцать восьмым и белым; королевы — двадцать девятым и чёрным; её слона — тридцатым и белым; её коня — тридцать первым и чёрным; её ладьи — тридцать вторым и белым.

und weiß: dero Schützens dritte / das zwey und zwantzige / und schwarz: dero Reuters dritte / das drey und zwantzige / und weiß: dero Rochens dritte / das vier und zwantzige / und schwarz: In der vierten und letzten Zwerchlinie / des Königes Rochens vierte feld / das funf und zwantzige / und schwarz: dessen Reuters vierte / das sechs und zwantzige / und weiß: dessen Schützens vierte / das sieben und zwantzige / und schwarz: des Königes vierte / das acht und zwantzige / und weiß: der Königin vierte / das neun und zwantzige / und schwarz: dero Schützens vierte / das dreyßigste / und weiß: dero Reuters vierte / das ein und dreyßigste / und schwarz: dero Rochens vierte / das zwey und dreyßigste / und weiß. Diese itzerwehnte Zahl / darauf man den Weißen Hauffen / stellet / werden nuh / (wie gedacht) von der rechten / nach der lincken / die andere aber / auf welche / die schwarze Steine / geordnet / von der lincken / nach der rechten hand / und also gegen einander über / gezeichnet und gerechnet. Weyter / ist das jehnige feld / welches einem weißen feld / (entweder auf einer überzwerchen / oder aufsteigenden linie) zum nächsten folget / immer schwarz: und die nächsten felder / dem Schwarzen / immer weiß: Dahero man / mit gedachtem unterscheide / von einem feld / zum andern / gantz leichtlich gedencen / und wan man / des einen

8.	7.	6.	5.	4.	3.	2.	1.
1.R.	1.Sp.	1.Sc.	1.R.	1.K.	1.Sc.	1.Sp.	1.R.
16.	15.	14.	13.	12.	11.	10.	9.
2.	2.	2.	2.	2.	2.	2.	2.
24.	23.	22.	21.	20.	19.	18.	17.
3.	3.	3.	3.	3.	3.	3.	3.
32.	31.	30.	29.	28.	27.	26.	25.
4.	4.	4.	4.	4.	4.	4.	4.
4.	4.	4.	4.	4.	4.	4.	4.
32.	31.	30.	29.	28.	27.	26.	25.
3.	3.	3.	3.	3.	3.	3.	3.
24.	23.	22.	21.	20.	19.	18.	17.
2.	2.	2.	2.	2.	2.	2.	2.
16.	15.	14.	13.	12.	11.	10.	9.
1.R.	1.Sp.	1.Sc.	1.R.	1.K.	1.Sc.	1.Sp.	1.R.
8.	7.	6.	5.	4.	3.	2.	1.

Hauffens

Цвета полей двух лагерей

Эти только что названные числа для полей белого войска, как уже сказано, обозначают и отсчитывают справа налево; числа же для полей, на которых расположены чёрные фигуры, — слева направо, то есть противоположно друг другу.

Далее, ближайшее к белому полю, будь то по поперечной или продольной линии, всегда чёрное, а ближайшее к чёрному — всегда белое. Благодаря этому различию легко мысленно переходить от одного поля к другому; хорошо усвоив расположение одного войска, можно без труда знать и расположение другого. Кто знает первую линию и цвет исходного поля фигуры — чёрный он или белый, — тот может знать и то, что третье поле имеет тот же цвет, что первое, а четвертое — тот же, что второе. Например, если первое поле ладьи белое, то и третье должно быть белым; если второе чёрное, то и четвертое чёрное. Отсюда получается надёжное правило счёта: соответствующие поля, белые у белых, у чёрных будут чёрными; а чёрные у белых — белыми у чёрных.

Любитель шахмат, особенно желающий играть по памяти в повозке, верхом или на прогулке, должен очень хорошо знать и освоить упомянутые способы движения и ходы. Ему нужно удерживать в памяти, на какую сторону или на какое поле он может попасть, какую фигуру может взять или уже взял; осуществить это, однако, довольно трудно.

Сквозная нумерация всех полей

Другой способ представить себе шахматную доску таков: пометить каждое поле числом и непрерывно продолжать счёт от первого до последнего поля, пока все поля доски не будут обозначены, закончив числом шестьдесят четыре. При этом, чтобы быстрее всё усвоить, поля не различают белым и чёрным цветом.

Итак, на поле ладьи белого короля пишут один; на поле белого коня — два; слона — три; самого короля — четыре; королевы — пять; её слона — шесть; её коня — семь; её ладьи — восемь. Затем, возвращаясь к началу следующей поперечной линии, расположенной выше, на её первом поле пишут девять, на втором — десять; таким же образом обозначают остальные поля и линии до конца последней линии.

Когда доска с её линиями и числами размечена таким образом, уже не требуется удерживать в памяти названия фигур или солдат, по которым надлежало бы называть поля, а также порядковый счёт этих полей и их цвет: нужно обращать внимание лишь на число, написанное в каждом поле. Например, белые ведут пешку короля на четвёртую поперечную линию — на поле, обозначенное числом двадцать восемь. Тогда чёрные играют своей королевской пешкой на пятую поперечную линию — на поле, где стоит число тридцать шесть, и так далее.

Нумерация в следующих трёх книгах

В заключение этой главы следует заметить, что только что приведённой схемой можно пользоваться также для примеров, изложенных ниже, в следующих трёх книгах. Ибо они с особой тщательностью приведены в соответствие с этой нумерацией, чтобы избежать утомительных многократных повторений и пространных описаний полей.

Поэтому шахматную доску, на которой предполагается воспроизводить следующие примеры и упражняться в них, нужно последовательно разметить числами указанным выше способом. Играющий белыми должен расположить перед собой ряд, с которого начинается счёт, а играющий чёрными — тот, которым он заканчивается. Таким образом, в начале белый король стоит на четвёртом поле, чёрный — на шестидесятом; белая королева — на пятом, чёрная — на шестьдесят первом.

64.	63.	62.	61.	60.	59.	58.	57.
49.	48.	47.	46.	45.	44.	43.	42.
34.	33.	32.	31.	30.	29.	28.	27.
24.	23.	22.	21.	20.	19.	18.	17.
16.	15.	14.	13.	12.	11.	10.	9.
8.	7.	6.	5.	4.	3.	2.	1.
8.	7.	6.	5.	4.	3.	2.	1.
9.	10.	11.	12.	13.	14.	15.	16.
17.	18.	19.	20.	21.	22.	23.	24.
27.	28.	29.	30.	31.	32.	33.	34.
42.	43.	44.	45.	46.	47.	48.	49.
57.	58.	59.	60.	61.	62.	63.	64.

Zum beschluß dieses Capittels/ ist zu mercken/ daß man den Kurtz vorher gesetzeten Abrisz/ auch zu den Exempeln/ welche drunten/in den dreyen folgenden Büchern/ beschrieben worden/ gebrauchen kan. Da dieselben/ (zur verhütung/ der verdriesslichen vielfaltigen widerholung/ und umständlichen beschreibung der Felder) auf diese zähle/ mit besonderm fleiß/ gerichtet seynd. Sol demnach/ das Schachbret/ darauf man/ die folgende Exempel/ etwa nachziehen vnd üben wil/ auf obgemelte Art/ mit zahlen/ der ordnung nach/ gezeichnet werden/ und der mit den Weißen Steinen Spielet/ die zeile/ darinnen die Zahl/ angehen: der mit den schwarzen Steinen/ dieselbe/ darinnen die zahl sich enden: für sich geleyet haben.

Dahero/ desz Weißen König/ auf viere: des Schwarzen/ aber auf sechszig: die Weiße Königin/ auf fünfe: die Schwarze/ auf ein und sechszig/ zum anfang/ geordnet werden.

Das

Глава двенадцатая. О ближайшей цели этой искусной игры, а именно о победе и одолении противника

После того как в предыдущих восьми главах мы достаточно объяснили материальную сторону игры — что она собой представляет и как должна быть устроена для этой игры, — теперь рассмотрим её собственную и ближайшую цель: какова она, для чего служит и в чём состоит.

Как собственное дело музыки — создавать приятную гармонию и созвучие, освежающие душу, так шахматное искусство стремится посредством вымышленного, занимательного сражения шахматных отрядов представить славную победу и одоление противника, способные доставить душе радость и удовольствие. О только что названной конечной цели, то есть об услаждении души, говорилось в первой главе этой книги. Ближайшей же и собственной цели — победе, или одолению, — посвящена эта глава.

Прежде всего победа служит средством достижения той конечной цели. Через победу мы приходим к удовольствию для души. Это удовольствие не только достигается самой игрой, что несомненно, или словно рождается в игре благодаря разнообразным занимательным построениям, замыслам и нападениям, как показано выше, в первой главе: ещё до игры оно, так сказать, зачинается и зарождается у любителей шахмат. В свидетели этому мы хотим призвать Аверроэса, который в парафразе первой книги «Риторики» Аристотеля, глава 14, страница 39, пишет об этом следующим образом.

Свидетельства Аверроэса и Галена

«Есть занятия, которые тут же доставляют удовольствие, каковы охота и шахматная игра. Ибо начинающий в этих занятиях сходится со сведущим в них относительно цели, к которой они стремятся, то есть победы, и радуется одному её представлению уже с самого начала занятия, подобно тому как радуется искусный в нём. И честная победа приятна».

То есть: «Есть вещи, которые доставляют удовольствие тотчас — разумею: в самом начале, — каковы охота и игра в шахматы. Кто берётся за подобные занятия, тот сходится со сведущим в них человеком в том, что касается поставленной ими цели, а именно победы и одоления, и уже при первом её представлении получает удовольствие. Как он радуется этому от начала до конца, так и заслуженная победа для него приятна и желанна».

Во-вторых, эта цель указывает нам применение самого материала, то есть шахматных фигур: для чего они созданы и представлены искусством и как нам следует употреблять их себе на пользу.

Наконец, она приводит нас к самим средствам, ибо заключает в себе средства своего осуществления, как видно из её описания. Ведь что такое победа в этой игре, как не поражение короля? Оно наступает, когда кто-либо из вражеского войска нападает на него так, что он не может спастись и должен признать себя пленником.

Отсюда видно, в чём собственно состоит победа в этой игре и каковы средства, которыми можно её достичь. Но поскольку всё искусство основывается на последнем — ведь, как свидетельствует Гален в девятой книге «Метода лечения», главе 7, «сущность всего искусства состоит в том, чтобы приготовить себе средства для достижения цели», то есть «всё содержание и суть искусства заключаются в том, чтобы добыть себе способы и средства достижения поставленной цели», — здесь будет достаточно рассмотреть лишь то, что представляет собой сама победа. О средствах и о том, как привести их в действие, достаточно подробное объяснение найдётся в следующих трёх книгах.

Приложение

Следующее объявление несколько лет назад вышло в открытой печати. В первых шести пунктах оно вкратце касается того, что изложено выше, в главах 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10; в последних трёх несколько поясняет сказанное нами о победе в этой последней главе первой книги. Мы пожелали сообщить его и тем любителям шахмат, которым оно, возможно, ещё не попадалось.

Объявление о шахматной игре при императорском дворе

«1. Каждая pedina, или пешка, своим первым ходом может прыгнуть вперёд на третье поле.

2. Однако если рядом с этим третьим полем стоит неприятельская пешка, то перед ней следует остановиться и первым ходом продвинуться лишь на одно поле. Если же пешка всё-таки проходит вперёд, противник вправе снять её и поставить свою пешку так, как если бы первая продвинулась лишь на одно поле и он её взял.

3. Пока король не получал шаха, он может перемещаться вместе с ладьёй так далеко, как пожелает, обеими фигурами; однако поле между ними должно быть свободно.

4. Если король хотя бы раз получил шах, он впредь уже не может совершать такого перемещения.

5. Как только пешка достигает последнего поля на стороне противника, она становится полноценной королевой и может этим же ходом объявить шах.

6. Сколько пешек игрок доведёт до края, столько королев он и получает; таким образом, допускается иметь одновременно три или четыре королевы.

7. Если король лишается всех своих фигур, это не шах, а Robada.

Заключение придворных правил

8. Если король уже не может воспользоваться ни одной фигурой и сам, не находясь под шахом, не может никуда пойти, это также не шах, но называется Tavola.

9. Ни в одном из этих двух случаев выиграть нельзя: партия заканчивается вничью. Промотрел Пифагор. Постановление придворных шахматистов, 21 июня 77 года и прочее».

Примечание о слове Tavola

О слове Tavola Ф. Акий в указателе под буквой Т изложил следующие соображения: «Когда никто не побеждает, игра называется Tabula. Во-первых, потому, что некогда tabulae назывались деревянные дощечки, на которых записывали общественные акты. А поскольку мир служит общей пользе — закон Congruit, Дигесты, «Об обязанностях наместника», — естественно, что и его условия записывались на дощечках. Поэтому, когда никто не побеждает и считается, что заключён мир, мы для обозначения этого говорим, что игра есть Tabula.

Во-вторых, это может объясняться так: как на войне само поле некоторым образом считается победителем, если немногие уцелели и ни одна сторона не одержала победы, так и в игре доску следует некоторым образом считать победительницей, когда никто из играющих не выигрывает. Отсюда мы говорим: «Игра — доска», то есть игра принадлежит доске. Подобным образом, если кто-нибудь говорит, что Пётр богат, он хочет сказать лишь, что богатства принадлежат Петру.

В-третьих, можно сказать, по мнению одного весьма учёного мужа, что причина в следующем. Сама доска представляет и воспроизводит поле, на котором происходят военные столкновения. Когда же никто не одерживает победы, появляется повод рассматривать скорее само поле, чем доблесть сражающихся. Поэтому мы говорим, что игра стала Tabula, то есть что предметом внимания сделалось само поле. Здесь нельзя обойти молчанием и то, что у эфиопов Раста означает то же, что у нас Tabula. Этим словом они пользуются, когда никто из играющих не выигрывает, как сообщил мне один эфиоп, человек не простой, но весьма знатный».

Вторая книга описания шахматной игры

Вторая книга описания шахматной игры.

Подписи на титульной гравюре: «Ксеркс Филоматер»; «Амилин Эвилмеродах». Продаётся у Геннинга Гросса Младшего.

Глава первая. О средствах достижения победы в игре, в особенности о шахе и мате

Из заключения последней главы предшествующей книги следует вновь напомнить здесь, что в дальнейшем изложении заключается всё искусство шахматной игры. Поскольку эта часть может оказаться несколько пространнее предыдущей, её придётся разделить на два главных раздела. Первый должен рассматривать средства и то, как вообще приводить их в действие. О втором, то есть об их применении, говорится ниже, в начале шестой главы этой книги.

Все эти средства заключаются в столкновении и сражении двух войск. Ибо шахматная игра есть не что иное, как занимательное и искусное столкновение, или битва, шахматных отрядов.

Шесть средств ведения борьбы

Нападать можно либо на обоих королей, либо на остальные тридцать фигур. В нападениях на последние ещё не заключается окончательная победа или поражение; они решаются при нападении другого рода, а именно когда король не может спастись. Но поскольку к этому нельзя прийти без столкновения с некоторыми из тридцати фигур или без их выведения в игру, сначала будут показаны средства, применяемые в этой борьбе, а затем — средства нападения на короля.

Средства эти следующие: 1) выведение войск обеих сторон для сражения; 2) нападение; 3) связывание; 4) взятие; 5) размен; 6) защита.

Выведение — это продвижение фигур обеих войск в поле без какого-либо нападения.

Нападение происходит, когда фигуру направляют против другой — непосредственно либо открывая действие иной фигуры — и тем самым атакуют её; или когда менее ценную фигуру направляют против более ценной; или пешки — друг против друга, чтобы затем взять их.

Связывание происходит, когда фигура стоит между королём и другой фигурой, которая по этой линии может объявить королю шах. Тогда промежуточная фигура не может уйти со своего места, пока перед королём не будет поставлена другая фигура или пока фигура, способная дать шах, не будет отогнана. Подобный смысл имеет и положение, когда менее ценная фигура таким образом направлена против королевы или другой главной фигуры либо когда нападение на них соединено с открываемым шахом от другой фигуры: если промежуточная фигура отойдёт или королю придётся спастись от шаха либо закрываться, атакованную фигуру можно захватить.

Взятие и защита

Взятие происходит, когда одна фигура снимается с доски другой или оказывается поражена в сражении.

Размен — это когда вместе со взятой фигурой отдаётся и уничтожается также взявшая её фигура.

Защита происходит, когда выведенные фигуры заблаговременно прикрывают или когда стеснённые нападением фигуры защищают, освобождают либо иным образом приводят в безопасное положение.

Нападение на короля

Далее, в отношении королей, наряду со средствами, применяемыми против них или в их пользу, следует рассмотреть и то, каким образом эти средства могут быть отчасти или полностью отражены.

Нападение на короля состоит в том, что его не берут и не разменивают, а лишь атакуют и теснят. Если король может спастись, такое нападение называют шахом; если же он не может спастись и, поскольку все пути ему перекрыты, должен признать себя пленником, — шахом и матом.

Таким образом, объявить шах — не что иное, как открыто напасть на короля одной из пятнадцати фигур противника и, обратившись к нему со словом «шах», потребовать, чтобы он спасался. Как королю следует при этом действовать, будет сказано при рассмотрении его защиты.

Шах посредством открытия линии

Если это происходит не непосредственно, а лишь посредством открытия действия фигуры, а именно когда отходит фигура, стоявшая между королём и другой фигурой, которая могла бы дать шах при свободной и открытой линии к королю, и тем самым открывает действие последней против короля, то это называется открытым шахом.

Если же отошедшая фигура таким образом открывает против короля сразу две фигуры, как в примере, который можно найти в третьей книге, главе 4, под номером 16, то это называют двойным открытым шахом.

Посредством таких открытых шахов нередко можно захватить ценную фигуру, направив против неё отходящую фигуру. Ведь после того, как король противника вынужден спастись от шаха, следующим ходом можно беспрепятственно взять ценную фигуру, попавшую под удар предыдущим ходом.

Если же одновременно объявляет шах и сама отошедшая фигура, открывшая шах от другой фигуры, то это называют двойным шахом, или шахом и открытым шахом. Открывать шах могут все фигуры, даже сам король, кроме королевы; однако сам открываемый шах может исходить не от любой фигуры.

Фигуры, дающие открытый шах

От королевы открытый шах получается посредством пешки, когда та на ближайшей впереди линии берёт справа или слева другую пешку либо фигуру и освобождает королеве линию к неприятельскому королю. Равным образом слон, конь, ладья и даже собственный король могут открыть ей свободный путь к королю противника. Таким же образом открывают ладью и слона, чтобы они дали шах королю другого войска. От коня же такого открытого шаха не бывает, поскольку его действие нельзя ни открывать, ни заслонять.

Мат и его разновидности

Мат ставится тогда, когда на короля нападают описанным выше способом и, поскольку он уже не может спастись, словами «шах и мат» призывают его сдаться. Это также происходит либо непосредственно, либо посредством открытия действия другой фигуры. В последнем случае, различные примеры которого находятся в главах 1, 4 и 9 третьей книги, это называется открытым матом.

Если кому-либо поставлен мат, но поставивший его этого не замечает и тем более не объявляет, потому что слишком усердно и горячо преследует шах, то это называют слепым матом. Хотя некоторые полагают, что при слепом мате партия проиграна, из пятой главы ниже видно, что слепым, или необъявленным, матом точно так же выигрывают и что его следует считать и признавать настоящим матом.

Далее, мат можно поставить любой фигурой, кроме короля. Но если игра приблизилась к концу и при короле осталась лишь одна фигура, то поставить мат нельзя, если только эта фигура не королева, не пешка, которую можно превратить в королеву, или не ладья.

Король и военачальник

Почему королю лишь ставят мат, то есть преследуют его и принуждают сдаться, а не берут его, подобно другим фигурам, объяснить, пожалуй, нелегко. Нам, однако, кажется небезосновательным следующее объяснение. В прежние времена, когда спорили за королевства, земли и людей, сами правители также выступали в поход, но не для того, чтобы сражаться лично: для этого предназначалось войско. Потому Сципион Африканский, когда его упрекнули, что он неважный боец, хорошо ответил: «Мать родила меня не воином, а полководцем» — Фронтин, книга 4 «Стратегем», глава 7. Почему же природа отказала царю пчёл в жале? Плиний, «Естественная история», книга 11, глава 7.

Правителям надлежало лишь придавать всему войску отвагу и мужество, чтобы доблестно сражаться с врагом. Поэтому среди остальных их почитали подобно душе в человеческом теле, а от их личности зависели спасение и благополучие войска, порой и всей страны.

Если неприятель нападает, разумный правитель не вступает в бой, но из любви к своим воинам и землям, чтобы не подвергать их опасности, спокойно, шаг за шагом отходит в более безопасное место. Даже если войско почти наголову разбито, он ободряет его, пока может. И всё же, если нужда требует, он старается осторожными ударами нанести урон врагу, который слишком близко или дерзко наступает на него без поддержки, либо встречается ему сбоку: по названным причинам правитель не противостоит врагу лицом к лицу.

Именно это имели в виду искусные игроки, когда вывели короля вместе с войском на шахматное поле и поставили в зависимость от него выигрыш и проигрыш партии. Они пожелали, чтобы шахматные отряды противостояли друг другу и сражались за своего короля с умом и осторожностью. Но самому королю они приписали такое свойство: подвергшись нападению, он должен всякий раз отступать и не вступать в столкновение с врагом, если только тот не напал на него дерзко и неосторожно с соседнего поля или если сам король по необходимости не оказался рядом с неприятельскими фигурами, сбоку либо наискось, там, куда их действие не достигает. Например, он может встретить ладью на слоновой линии или слона — на поле иного цвета, чем то, на котором слон стоит.

Из того, что король всякий раз должен спасаться, и возникло правило, которое здесь следует положить в основу: короля нельзя брать, как другие фигуры; его можно лишь преследовать или, говоря языком этого искусства, объявлять ему шах и ставить мат.

Авторская классификация

Далее мат и возникающая из него победа получают следующие похвальные или порицательные названия — соответственно со стороны победителя или побеждённого.

Мат королевой называют похвальным; слоном — благородным; конём — почётным; ладьёй — приятным; пешкой — унижительным; посредством открытия действия фигуры — самым достойным.

Мат в верхней части доски называют матом Александра; в середине доски — девственным; сбоку — дурацким. Запирание короля без объявления шаха называется патом и бесчестным матом; слепой мат — позорным.

Поскольку эти названия и выражения — «шаховать», «матовать», «это не считается при игре в шахматы» и прочие — необходимо происходят от употребления слов «шах» и «мат», которые надлежит произносить в этой игре, нам нужно узнать: 1) что означают эти слова; 2) для чего и 3) почему они употребляются и как возникли.

Исторические этимологические объяснения

Некоторые выдают слова «шах» и «мат» за еврейские. По-еврейски Scacha, как полагает Маттиас Флаций Иллирийский в «Ключе к Писанию», под словом Adorare, означает поклоняться кому-либо и воздавать ему почести, склонив или согнув тело; либо, по мнению других, окружать валом или быть окружённым. Mat, или Mot, у них будто бы означает умереть.

В халдейском языке «шах», как утверждают, означает предостережение, призывающее внимательно следить за своими делами. Возможно, отсюда восточные народы называли период двенадцати лет предостережения Schaichun, как можно найти у Иосифа Скалигера в книге «Об исправлении хронологии», на странице 78.

Некоторые считают, что слово «шах», хотя и несколько изменённое, происходит от арабов и на их языке означает изгнание, преследование; под словом «мат» разумеется нечто относящееся к смерти. Поэтому арабы называют место иной жизни после этой смерти Mahad.

Другие ищут происхождение этого слова у нынешних персов, чей язык употребителен на всём Востоке, подобно латинскому у нас на Западе: Иосиф Скалигер, та же книга «Об исправлении хронологии», страница 338. Ибо они, а вместе с ними мавры и другие народы, называют своих королей Ха, Sah, Schah или Schach, как мы уже рассказывали выше по Гарсии да Орте, Бизарру и Минадою.

Впрочем, выше, во второй главе первой книги, мы уже предположили вместе с Витом Амербахом, что это добрые немецкие слова и что Schachen означает быть преследуемым или бежать. Что значит Mat, хорошо известно: лишиться сил, изнеमочь, устать, не мочь сдвинуть ногу с места или продвинуться вперёд, но быть вынужденным стоять неподвижно. Из немецких matten, ermatten и выражения «давать шах и мат» итальянцы образовали и заимствовали свои Mattare и Scacco matto dare.

Смысл слов и спор об их происхождении

Для чего употребляются эти слова, следует повторить здесь из предшествующего описания шаха и мата: ими сообщают противнику, что его король атакован и должен отступить. Немецкий язык, по нашему мнению, как раз выражает это употребление словами «шах» и «мат». Ведь объявить королю шах значит сказать: «Ты преследуем; покинь своё место». Король и должен так поступить, если только не может выдвинуть перед собой одну из своих фигур или ею убрать с доски того, кто объявляет шах.

Когда же говорят «шах и мат», это означает: «Этим нападением ты должен быть так затравлен, изнурён и обессилен, что уже не можешь идти дальше и должен сдаться». Отсюда следует, что нет необходимости искать происхождение этих слов в языках других древних или далеко живущих народов. И хотя слова из таких языков можно было бы связать с названным значением, они всё же не вполне ему соответствуют и не во всём к нему подходят.

Допустим даже, что и они заключают в себе и означают нечто подобное. Ведь, как говорит Лютер в толковании Бытия, страница 617, b: «Многие слова общи весьма многим языкам. Ибо языки не настолько различны, чтобы между словами временами не было сходства и соответствия». То есть: «Есть много слов, общих многим языкам. Ибо языки не настолько оторваны друг от друга, чтобы некоторые слова порой не были сходны и не согласовывались между собой».

И всё же, выводя подобное происхождение слов, мы, пожалуй, заходили бы слишком далеко и слишком усердствовали в поисках — подобно тем, кто выводит силезцев от элизиев, а жителей Флиссингена в Зеландии от Улисса, как сообщает Маттиас Квад на страницах 177 и 358.

Объявление нападения и обязанность защиты

Почему же эти слова употребляются только в отношении королей, а не остальных фигур? Ведь всем фигурам свойственно то, что их гонят с доски; во второй главе предыдущей книги мы даже заключили, что от этого игра, возможно, получила своё название. Причина, по-видимому, состоит в том, что прочие фигуры после неприятельского нападения можно взять, а королей лишь преследуют и в конце концов принуждают сдаться. В первом случае, задумав и осуществив нападение на врага, было бы нелепо ещё и предупреждать его, чтобы его фигуры не были взяты. Поэтому слово «шах» здесь справедливо опускается: пусть он сам внимательно следит за своим положением.

Но в отношении королей слово «шах» должно употребляться не для того, как можно было бы подумать, чтобы предостеречь их и побудить следить за своим положением, а скорее для указания, что им теперь надлежит делать перед натиском врага, — чтобы король тотчас был переведён на другое поле. Иначе противник, если ему не объявить шах, мог бы ради собственной выгоды этого не сделать: поскольку короля, в отличие от других фигур, всё равно нельзя взять, он притворился бы, будто не заметил нападения, и сделал бы полезный для себя ход другой фигурой.

Внимательному игроку надлежит в таком случае запретить противнику, согласно правилам игры, ходить другой фигурой прежде, чем король будет выведен из опасности. Поэтому проницательные изобретатели игры установили: тот, кто нападает своей фигурой на короля, должен при этом ходе одновременно произнести слово «шах». Этим он показывает, что хорошо знает и понимает не только как нападать на прочие фигуры, подстергать и брать их, но и как преследовать короля. Короля ведь не берут, а лишь пленяют — в знак того, что высоких властителей предпочитают захватывать живыми в надежде получить большой выкуп, а не убивать.

Одновременно игрок открыто требует от противника немедленно перевести короля с поля, на котором не желает его оставлять, на другое место, если только тот не может выдвинуть перед ним фигуру или взять фигуру, предъявляющую ему это требование. Ибо он намерен и дальше теснить короля всеми силами, пока тот не сдастся.

Другие полагают, что объявление шаха указывает на следующее: война не бывает правомерной, если ей не предшествовали вызов или объявление; без этого её следует считать лишь убийственным предприятием.

Зачем произносят «шах и мат»

Равным образом произносить слова «шах и мат» при окончании игры, несомненно, установлено для следующего. Во-первых, чтобы победитель показал: он уверен, что достиг победы. Иначе он мог бы сделать такой ход, которым уже выиграл, но сам этого не заметил.

Во-вторых, в этой игре короля нередко поражают и ставят ему мат при полном войске, без потери большей части его солдат. Поскольку это нельзя распознать по бегству или отступлению, слова эти служат своего рода условным сигналом и несомненным указанием, что битва уже проиграна, предводитель взят в плен и поле осталось за одной из сторон.

Когда мат не засчитывается или не достигается

Однако нередко случается, что мат, хотя и поставлен, не засчитывается; либо он предотвращается; либо его невозможно осуществить из-за недостаточности сил и равенства фигур у обеих сторон.

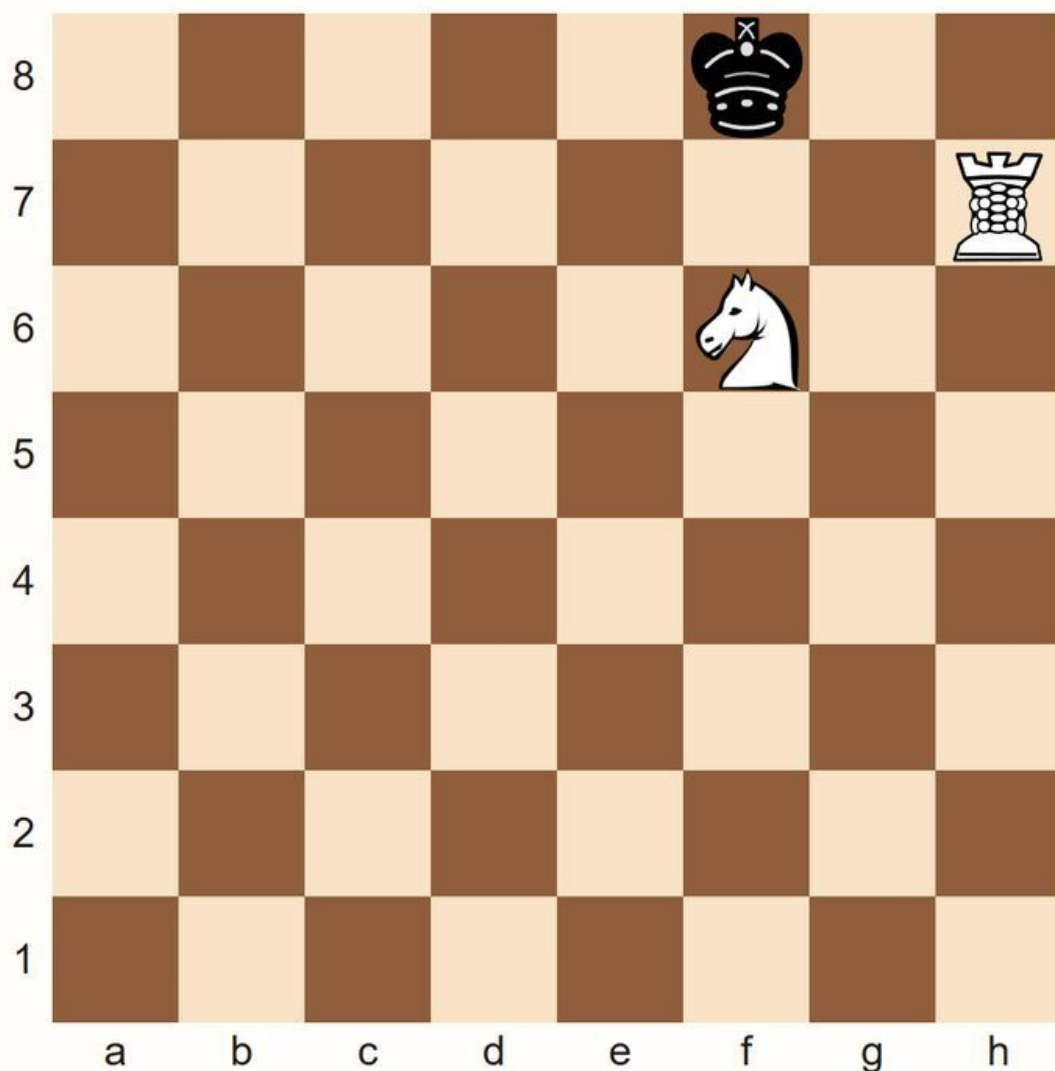
Мат не засчитывается тогда, когда при короле не осталось ни одной фигуры. Ибо игра устроена так, что при нём следует оставить хотя бы одну фигуру его войска.

Определение и примеры пата

Мат предотвращается запиранием и окружением короля. Это происходит, когда король, не находясь под шахом, так окружён и стеснён, что не может сдвинуться со своего места, не может ожидать помощи и спасения от своих солдат и не может сделать ход ни одним из них. Если бы он захотел уйти со своего поля, ему пришлось бы самому вступить под шах и подвергнуться опасности, что противоречит свойству этой игры.

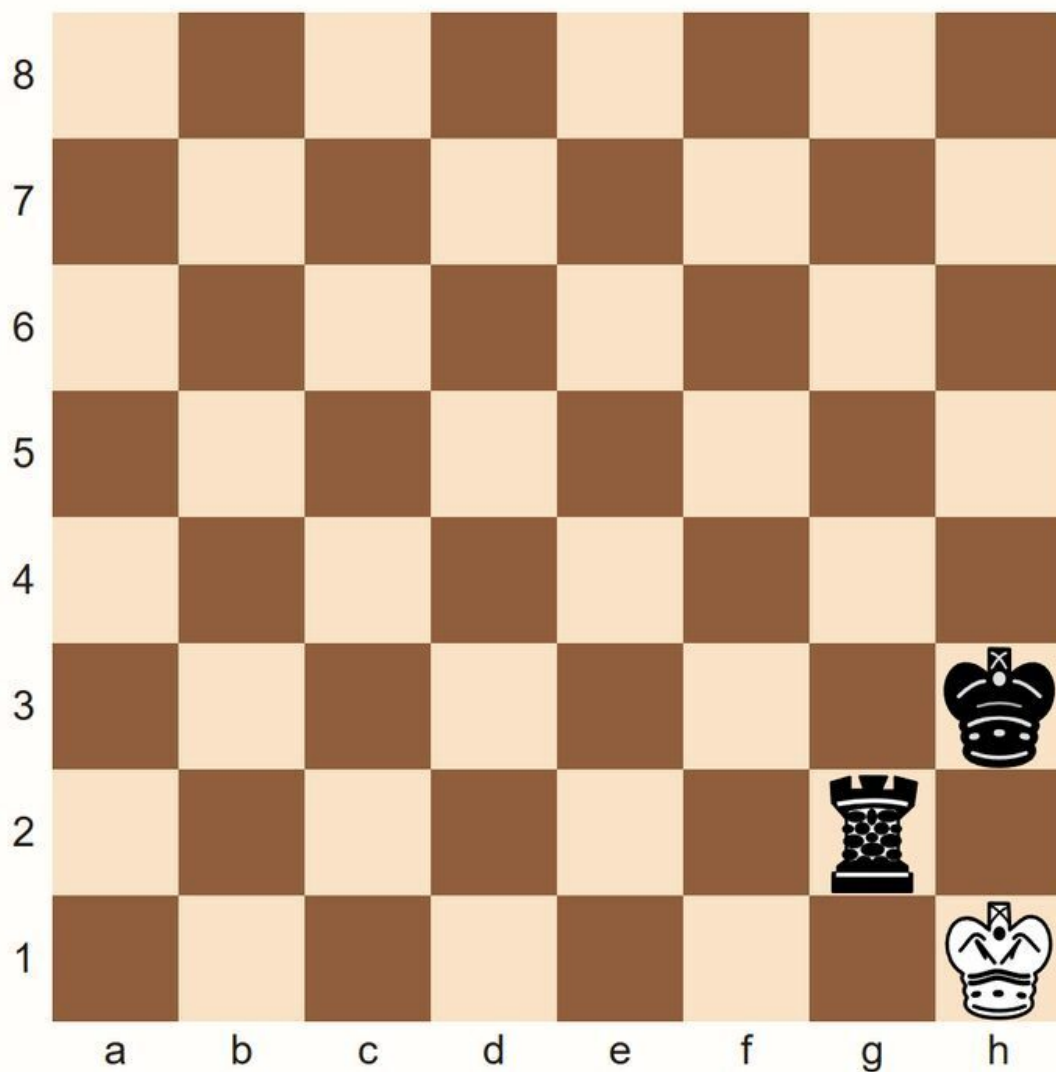
Например, пусть белая ладья стоит на линии чёрных пешек, чёрный король — на исходном поле своего слона, а белый конь перешёл на третье поле того же чёрного слона. Тогда король был бы заперт, но ему не был бы объявлен ни прямой, ни открытый шах.

Запираение чёрного короля: Lh7 и Kf6 закрывают все выходы Kpf8 без шаха. Белый король в источнике не указан; схема неполна. Ход чёрных.

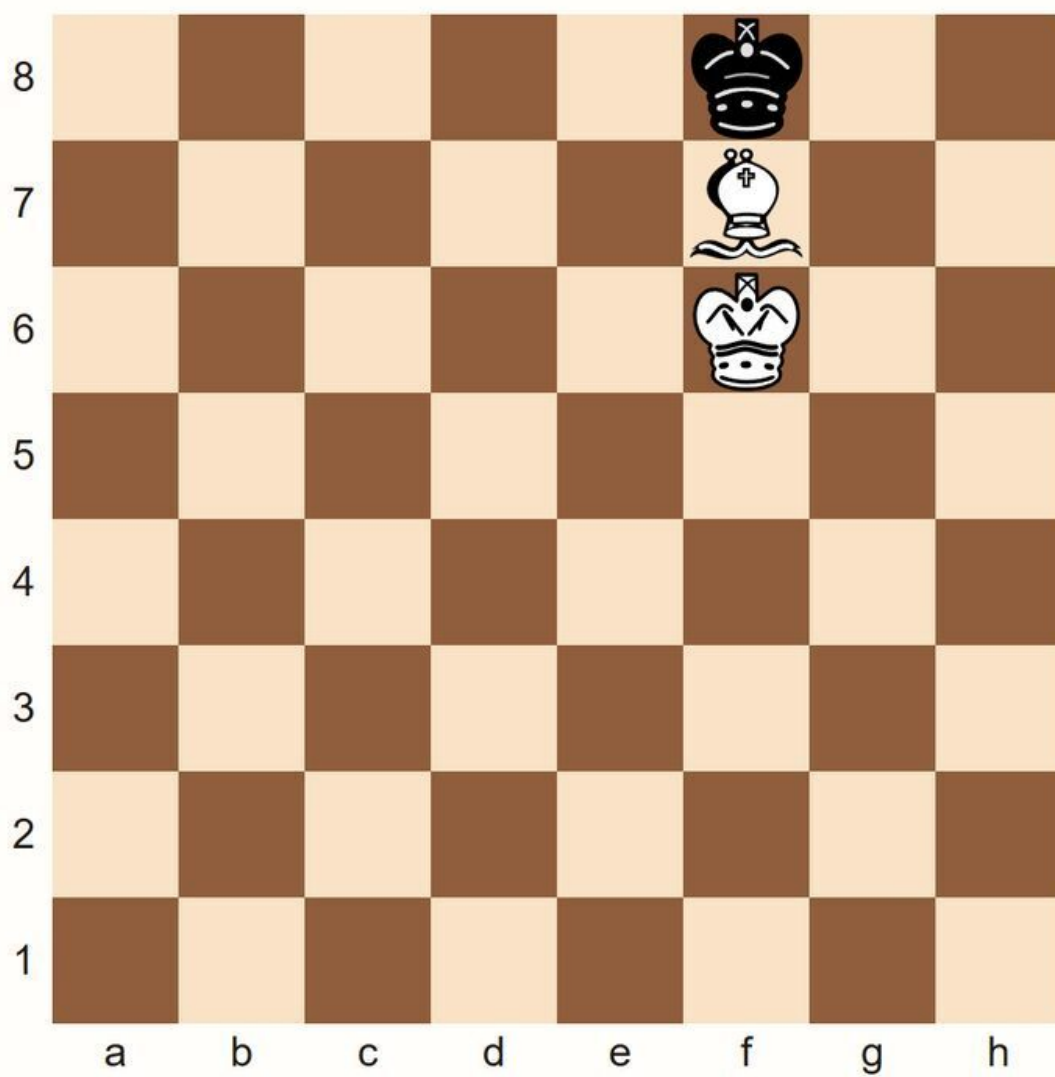
То же произошло бы с белым королём, если бы он перешёл на поле своей ладьи, чёрный король стоял на третьем поле только что названной белой ладьи, а чёрная ладья — на втором поле коня белого короля.

Пат белому королю: Kph1, чёрные Kph3 и Лg2. Поля g1, g2 и h2 недоступны, шаха нет. Ход белых.

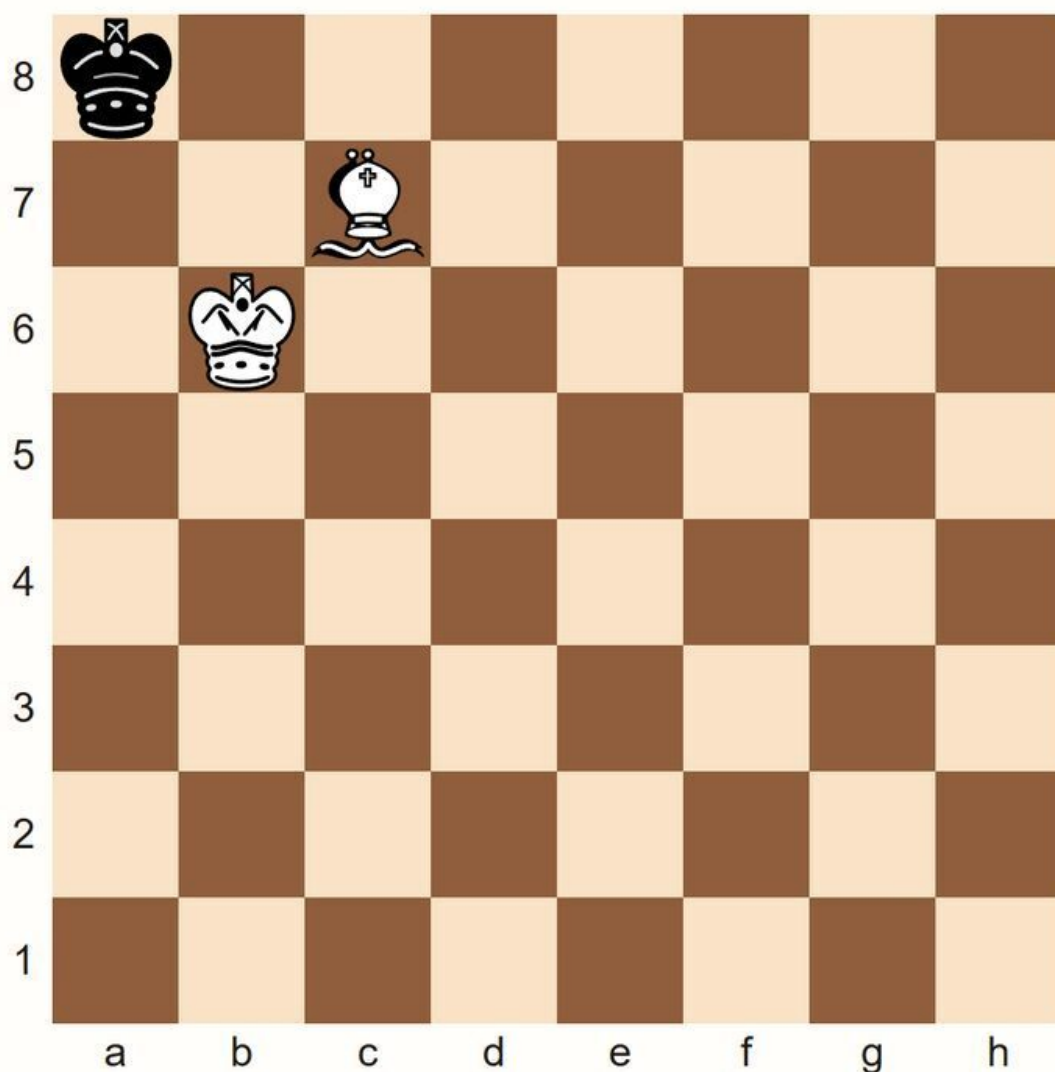

Равным образом, если чёрный король стоит на поле своего слона, белый королевский слон — на втором, а белый король — на третьем поле упомянутого чёрного слона, чёрный король лишь заперт. Также, если чёрный король перешёл на поле ладьи своей королевы, слон белой королевы стоит на втором поле слона чёрной королевы, а белый король — на третьем поле её коня, то чёрный король окружён без какого-либо шаха.

Пат: чёрный король f8, белые слон f7 и король f6. Ход чёрных.

Пат: чёрный король a8, белые слон c7 и король b6. Ход чёрных.

Таким запиранием ничего не выигрывают, ибо королю этим не предъявляется никакого враждебного требования. Он может спокойно оставаться на своём поле, словно в крепости, и, когда наступает его ход, не обязан сам вступать под шах. Поэтому другой игрок должен винить самого себя за то, что допустил такое положение, а в следующий раз быть осмотрительнее и оставлять неприятельскому королю простор и свободу для хода, пока наконец не сможет надлежащим образом поставить ему мат.

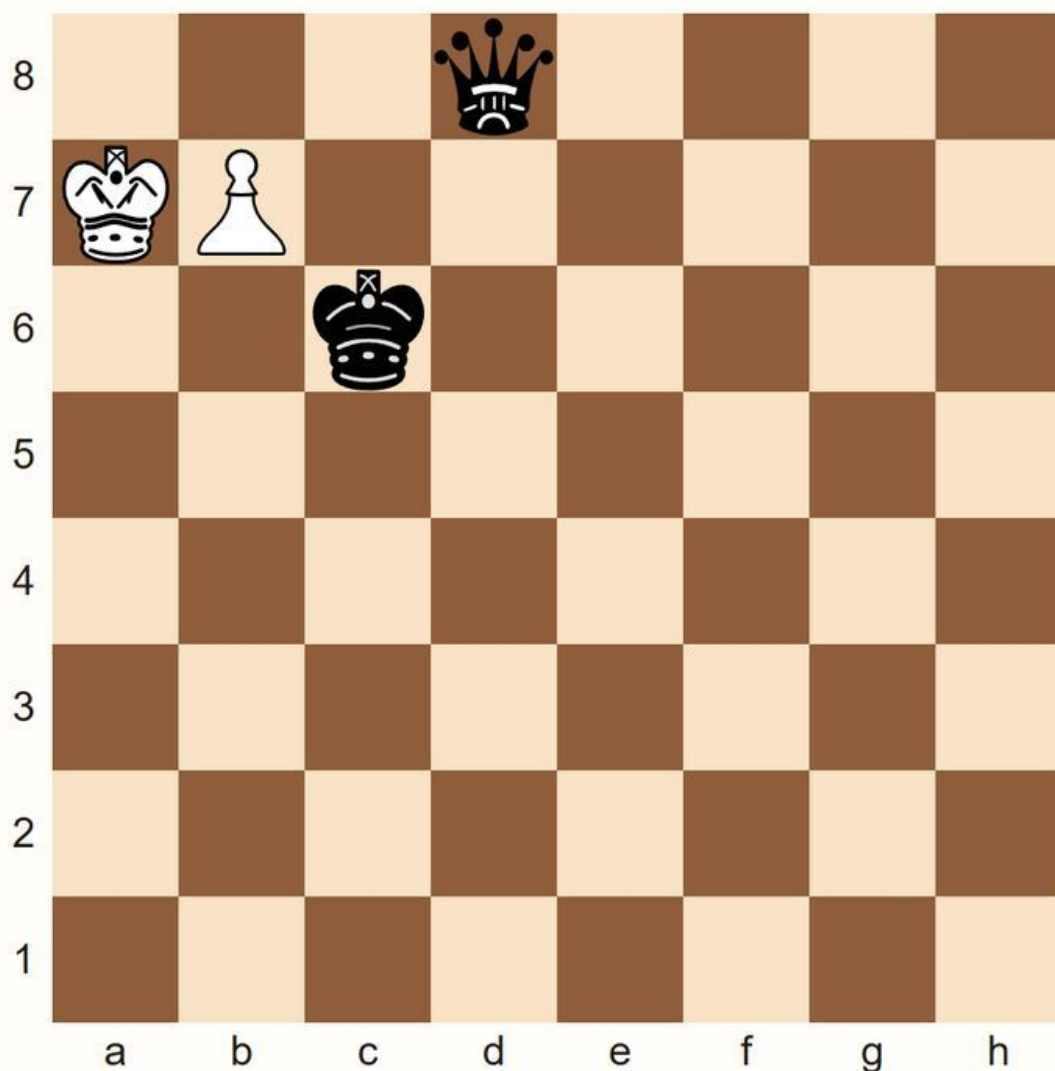
Различия обычаев и возможность мата

Впрочем, в Испании, где есть лучшие шахматисты, тот, кто запирает короля, проигрывает не всю партию: дело приводят к соглашению, и проигрывается лишь половина ставки. В других местах тот, кто запирает короля, теряет ставку в десятикратном размере.

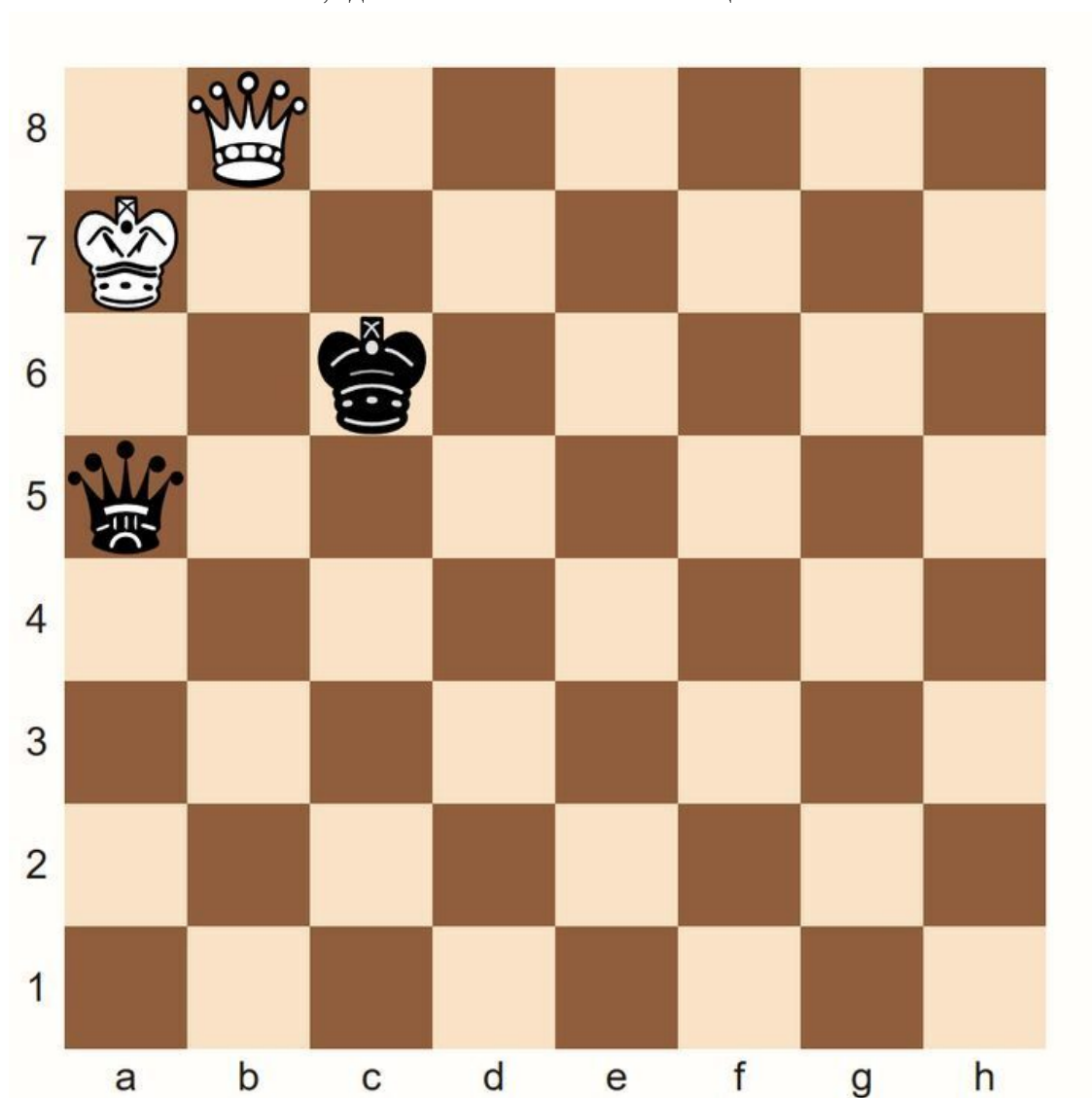
Наконец, мат не может быть осуществлён, когда у обеих сторон имеются равные фигуры и фигуры одного войска мешают другому поставить мат; либо когда у сильнейшей стороны остались такие фигуры, которые не могут дать мат. Например, когда у обеих сторон имеется королева; или когда у одной стороны королева, а у другой лишь пешка, которая следующим ходом может не только превратиться в королеву, но и находиться под защитой своего короля.

Иначе король мог бы находиться в таком месте, что ему был бы поставлен мат, хотя пешка уже превратилась в королеву. Например, король белого войска стоит на втором поле ладьи чёрной королевы, чёрная королева — на своём исходном поле, а чёрный король — на третьем поле слона своей королевы. Играющий белыми ведёт пешку коня своей королевы на исходное поле коня чёрной королевы и там превращает её в королеву. Несмотря на это, чёрные всё же ставят мат своей королевой, перейдя на четвёртое поле её ладьи.

Перед превращением: 1.b7–b8=Ф Фd8–a5#. Новый ферзь не спасает белого короля. Ход белых.

После b8=Ф Фа5#: превращение белой пешки не спасает короля a7. Исходная схема объединяет несколько моментов; здесь показана итоговая позиция. Мат.

Переход от нападения к защите

То же относится к случаям, когда у обеих сторон остались только ладьи, хотя бы у одной стороны были вдобавок конь и слон; или когда у каждого войска имеются лишь два слона, два коня либо две пешки. Как тому или другому игроку вести себя в этих и подобных случаях, следует подробнее узнать из следующей пятой главы.

Достаточно теперь о средствах, которые можно направить против короля и среди которых мат завершает дело. Далее следуют средства, предназначенные для его блага: устройство укрепления, защита, нападение на неприятельские фигуры и их взятие.

Устройство укрепления

Устройство укрепления для короля принадлежит к самым необходимым средствам в этой игре: от него зависят проигрыш и сохранение партии. Когда король может спокойно стоять, надёжно укрытый своими фигурами от шахов, это даёт в игре весьма большое преимущество и подспорье. Если же он стоит открыто и до него постоянно можно добраться шахами с флангов или иным способом, его легко обратить в бегство, и ему придётся оставлять одно место за другим.

Укрепление состоит в том, чтобы место, где расположен король, было хорошо защищено и словно обнесено укреплениями как главными, так и менее значительными фигурами, которые все должны быть к этому готовы и пригодны. Тогда король, насколько возможно, будет достаточно удалён от неприятельских вторжений, а его фигуры смогут двигаться вокруг него свободнее и смелее, быстрее приходить ему на помощь, с большим преимуществом и удобством сдерживать врага и наносить ему ущерб.

Несомненно, изобретатель хотел этим также показать, каким образом властитель, желающий вторгнуться в чужую страну, должен прежде обезопасить собственную землю и крепости и снабдить их необходимыми гарнизонами. О том, как можно устраивать наши шахматные укрепления, более подробные сведения находятся в начале десятой главы последней книги.

Способы устранить шах

Защита короля состоит в том, что, когда неприятель нападает на него и объявляет шах, он отходит либо на свободное поле, либо на то поле, где стояла взятая им неприятельская фигура. Или же, если его фигуры не могут взять шахующую, одну из них выдвигают перед ним и таким образом преграждают шах.

Однако такое выдвижение возможно не всегда. Когда кто-либо неожиданно нападает конём или объявляет шах пешкой, защищённой другой фигурой, между нападающим и королём ничего поставить нельзя: нужно либо отвести короля, либо взять этого коня или пешку.

Если королю объявлен двойной шах, то, поскольку на него одновременно нападают два врага из разных мест, защитить его иначе нельзя: он должен либо бежать и искать другое место, где сможет обрести помощь и безопасность, либо, если возможно, собственноручно поразить одного из них и тем самым уйти с пути другого.

Прежнее право первого прыжка

Прежде король, когда ему объявляли шах, мог прыгнуть на третье поле, если это был его первый выход. Это допускалось, даже если ему уже неоднократно объявляли шахи, от которых он закрывался своими фигурами, ещё не покидая первоначального места. Однако при таком выходе он не имел права проходить через шах: если на поле, через которое ему предстояло пройти, ему могли объявить шах, он не должен был пересекать это поле, а обязан был обойти его иным путём.

Король в борьбе

Но когда наступает необходимость, короля также нужно выводить в действие. Он может нападать на все фигуры другого войска, кроме короля и королевы, поскольку последняя пользуется и ходом ладьи, и ходом слона. Он нападает на них на соседнем поле, но не по направлениям их собственного действия, и следующим ходом может взять их и снять с доски. Далее, если ему объявляет шах фигура, стоящая открыто и без прикрытия на соседнем с ним поле, он может тотчас взять её — даже королеву, если она подошла так близко без поддержки, как в примере ниже, в четвёртой книге, главе 3, № 23, — и тем самым избавиться от опасности.

Однако другому королю он не может объявить шах: иначе он сам поставил бы себя под шах и следующим ходом был бы взят другим королём. Это прежде всего противоречит обычаю игры, как уже сказано выше, но имеет и разумное основание. Когда два властителя противостоят друг другу в боевом порядке, сражение начинают и ведут не сами высокие правители, которым подчинено войско, будь то короли или иные господа: военачальники определяют, какие отряды должны ударить по врагу и какие должны их поддерживать.

Королям же и полководцам, от которых зависит столь многое и которые среди своих воинов в поле подобны душе в человеческом теле, надлежит быть осмотрительными. Их самих не допускают до удара; они держат вокруг себя отборных людей для защиты и отдают полковникам и капитанам приказание о том, как правильно вести солдат и наблюдать за ними. См. Вторую книгу Самуила, главу 18, стихи 1 и 3.

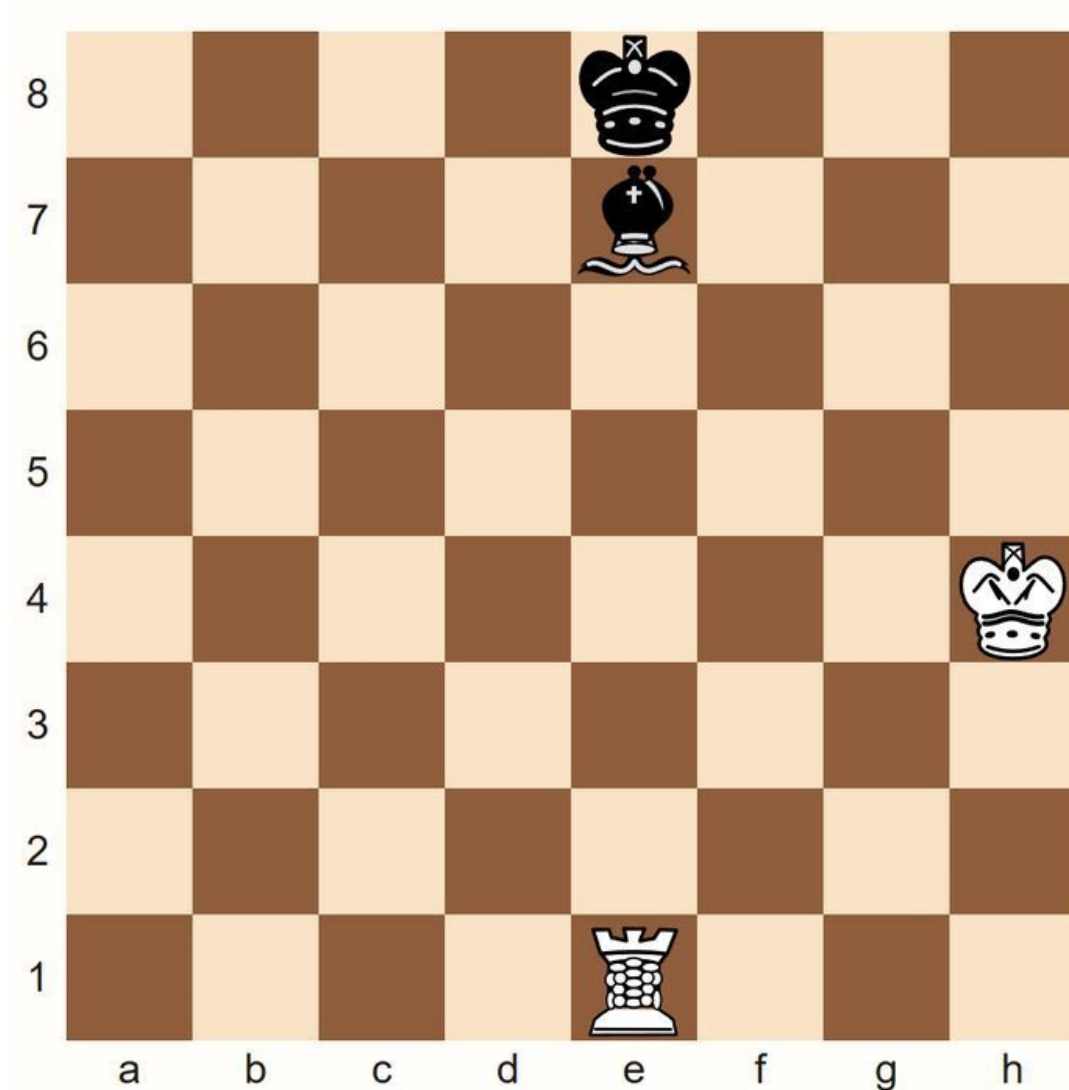
Но если дело дошло до того, что строй сломан и началась общая схватка, отчего полководцам приходится защищаться самим, нужда уже не знает закона: тогда и господин, и слуга должны спасать свою жизнь и выбираться как могут. Тогда всякий сражается, кто способен сражаться; кто пал, тот пал; кто бежит, тот бежит, и прочее. См. Первую книгу Самуила, главу 31, стихи 2–3, и Первую книгу Царей, главу 22, стихи 32–33.

Связка не позволяет королю войти под удар

Наконец, король не может пойти под шах, даже если фигура, которая по своему ходу угрожала бы ему шахом, удерживается в связке одной из его фигур. Иначе оба короля одновременно остались бы на поле боя, что противоречило бы обычаю игры, в которой королей лишь пленяют, но не убивают.

Например, пусть чёрный король стоит на своём исходном поле, его слон — перед ним, на втором поле короля, а белая ладья, связывающая чёрного слона, — на исходном поле белого короля. Несмотря на эту связку, белые всё равно не могут пойти королём на поля, которые атакует слон: кто приходит первым, тот имеет наилучшее преимущество. Подобный пример ищи ниже, в главе 12 этой книги, № 26.

Учебная схема: связанный слон e7 продолжает атаковать g5. Король h4 уже находится на диагонали этого слона; расстановка воспроизводит источник и не объявляется легальной игровой позицией. Очередь хода для этой схемы не задана.

Глава вторая. О двух игроках: как им пользоваться названными средствами и как к этому подготовиться

Средства, которыми должна достигаться победа в этой игре, перечислены и показаны в предыдущей главе. Теперь необходимо рассмотреть, как разумно приводить их в действие. Здесь следует обратить внимание на два обстоятельства: 1) кем и 2) каким образом это должно и может совершаться.

Что касается первого, о тех, кто допускается к шахматной игре, мы уже вкратце упомянули в первой главе первой книги. От желающих взяться за эту превосходную игру вообще требуется: 1) тонкий ум, хорошая память, способность представлять себе разнообразные замыслы, упражнение и, прежде всего, доброе расположение к игре.

2. Когда они хотят приступить к игре, им следует быть к ней хорошо подготовленными и приносить с собой собранный, спокойный ум, свободный от посторонних мыслей. Иначе они могут упустить победу и будут вынуждены сетовать вместе с Катуллом: «Мы в одну сторону направили мысли, в другую — слух. Потому и будем побеждены по заслугам: победа любит заботу».

3. Они должны твёрдо ставить перед собой не просто победу, о которой говорилось в последней главе первой книги, но то, как достичь её наилучшими средствами и наиболее похвальным образом.

4. Они должны знать природу, свойства и ходы всех фигур, от высших до низших, столь же уверенно, как таблицу умножения при счёте. Равным образом им следует живо помнить участки доски, линии, поля и их нумерацию и уметь словно бы пересчитать их по пальцам.

Участники игры

Что ещё, помимо названного, требуется от игроков и на что им особенно следует обращать внимание, подробнее объясняется во вступлении к следующей, третьей, а также в шестой главе этой книги.

Игроков всего двое. Поскольку королей только два, нужно не более двух предводителей, которые ими распоряжаются. Того, кто ведёт белого короля с белыми фигурами, называют белым; того, кто ведёт чёрного с его войском, — чёрным. Они управляют этими двумя войсками, если только один не берётся играть против двоих или большего числа людей либо не разрешает противнику советоваться с другим.

Зрители и советы

Здесь следует напомнить, что никто из зрителей не должен помогать тому или другому игроку советом — ни словами, ни знаками. Уже само наблюдение может принести им немалую пользу и научить внимательности. Им надлежит молча присутствовать при игре и во всём оставаться нейтральными и беспристрастными, чтобы впоследствии, если между игроками возникнет спор, они могли тем уместнее вмешаться, вызывая меньше подозрений в пристрастности.

Иначе их нельзя было бы допустить в качестве судей; напротив, с них гораздо справедливее было бы потребовать возмещения возникшего из-за них ущерба.

Но если игра ведётся ради удовольствия, а не ради выигрыша, зритель вполне может подать добрый совет менее искусному участнику, чтобы тот приобрёл больше опыта, а другой, имея против себя столько игроков, лучше и внимательнее следил за своим положением. Ведь зритель обыкновенно способен заметить ошибку гораздо раньше, чем кто-либо из самих игроков.

des folgenden dritten: so wol auch auß dem sechsten Capittel/ dieses Buches/ mit mehrern zu vernehmen.

Es seynd aber der Spieler nuhr zween. Dan weyl nuhr zweene Könige seynd / alsz bedarf man nicht mehr / dan zween Füh- rer/ welche denselben fürstehen sollen. Welcher nuhr den Weißen König / mit den Weißen Steinen führet / wird der Weiße: welcher den Schwarzen / mit seinem Zeuge führet / der Schwarze / ge- nennet. Sie regieren aber / nuhr diese beide Hauffen: es wehre dan/ daß einer / gegen zween / oder mehr/ zu spielen / sich un- ternehme: oder / dem Gegener / sich bey dem andern Rathe zu ers- holen/ zuließe.

Siebey zu erinnern / daß keiner von den Zuschern / dem ei- nen/ oder andern Spieler/ mit Worten oder Winken / einrähtig seyn solle / (Dan Sie ihnen/ ohne das / wegen des Zuschern/ einen nicht geringen nutzen schaffen/ und sich inacht zu haben/ erlernen können) besondern dem Spiele / mit stille Schweigen / beywohnen/ und sich/ (auf daß Sie hernachmaln / wan etwa einiges disputat, unter den Spielern/ entstände/ sich/ umb so viel fählicher/ und mit weniger verdacht/ dazwischen schlagen können) in allem/ neutral und unpar- theylig/ erzeigen. Dan Sie sonst/ für Richter/ nicht würden zu- gelassen werden / besondern man hette / den dahero entstandenen schaden / vielmehr und billicher weyse / von ihnen zu fordern. Es schicht dan etwa ein Spiel / zur lust / und nicht umb gewinstes wil- len: auf den fahl / mag/ ein Zuschauer/ demselben / der zum wenigsten darauf abgerichtet/ (auf daß derselbe/ umb so viel erfahrener werde/ und der ander / weyl er so viele Spieler / gegen ihm hat / desto besser und fleißiger / seine Züge / inacht habe) wol einen guten rath/ mit- theilen: in erwegung / Derselbe / gemeintlich / viel ehe/ dan einer unter den Spielern / einen ir- thumb kan gewahr werden.

Das

Глава третья. О чём ещё должны позаботиться шахматисты прежде, чем начнётся игра

Кто хочет как следует научиться этой игре, должен хорошо усвоить и обдумать её порядок и законы, установленные хорошими игроками и долгим обычаем. Они последовательно изложены далее, вплоть до шестой главы. Прежде всего следует усвоить отдельные правила о том, на что шахматистам особенно надлежит обратить внимание до начала игры.

1. Шахматисты должны положить перед собой доску так, чтобы у каждого в ближайшем крайнем углу по правую руку было белое поле. Играющий белыми может поставить на него ладью своего короля, а играющий чёрными — ладью своей королевы.

2. Разумный игрок может получить преимущество следующим расположением доски. Если играют днём, он старается поставить её так, чтобы дневной свет падал противнику прямо в глаза; вечером же — поставить свет по правую руку противника, чтобы затруднить ему зрение и создать тень. Ведь поскольку эта игра изображает военное сражение, следует стараться искать все возможные преимущества.

3. Немалым преимуществом и перевесом будет также следующее. Если игроку безразлично, играть белыми или чёрными, а он замечает, что противник предпочитает белые фигуры чёрным и больше привык именно к ним, пусть в таком случае придвинет белые фигуры к себе. Тогда противнику придётся вести игру непривычными фигурами, что собьёт и расстроит его мысли и замыслы.

Расстановка фигур

4. Когда обе стороны выбрали фигуры, их следует правильно и в соответствии с правилами игры расставить на доске по положенным им полям.

Игра с предоставлением преимущества

Но ещё до начала игры нередко принято давать и принимать преимущество: в праве ходить первым, в удалении некоторых шахматных фигур из войска или иным образом. При этом надлежит соблюдать следующие правила.

1. Никому не следует с лёгкостью давать и уступать другому какое-либо преимущество, обычно направленное к пользе принимающего и во вред дающему. Ведь всякий может заблуждаться и ошибаться, не всегда одинаково охотно расположен к игре, а нередко и вовсе оказывается к ней не готов.

2. Если кто-либо всё же желает дать противнику преимущество, ему не следует всякий раз уступать его одним и тем же способом, чтобы противник в конце концов не усвоил приёмов удобного прикрытия и защиты. Напротив, от партии к партии преимущество следует уменьшать либо увеличивать. Если же снова дают противнику то же самое преимущество, нужно внимательно наблюдать, защищается ли он в том месте, где на него напали, и как освобождается от нападения, чтобы всякий раз теснить его новым и неожиданным способом.

Первый ход и взаимные преимущества

3. Никому не следует с лёгкостью уступать право первого хода. Ценить его надлежит не только потому, что начать сражение, особенно за правое дело, — признак высокого духа и неустрашимости. Ведь ожидающий вызова словно уступает неприятелю, хотя гораздо полезнее было бы далеко выйти ему навстречу, чем дожидаться его у себя дома. Следует также принимать во внимание вред и пользу, которые могут из этого произойти.

Между игроками, которые не понимают как следует шахматных ходов, не различают, у кого из них преимущество, и не умеют извлечь из первого хода никакой пользы для своей игры, действительно нет в этом отношении различия: всё равно, кто первым двинет фигуру. Однако особенно тому, кто менее опытен в игре, чем его противник, не следует пренебрегать первым ходом и отбрасывать его, полагая, будто он и без того выиграет и будто число ходов мало что значит. Поступая так, он окажется побеждённым.

Если же он понимает игру, то благодаря первому ходу сможет тем увереннее и осмотрительнее вести и устраивать её, хотя сам по себе этот ход ещё не обеспечивает победы. Он получает возможность распорядиться своими ходами так, чтобы другой был вынужден постоянно защищаться и в конце концов уступил поле битвы, если не сумеет правильно ответить на какой-либо из его ходов.

Не следует также предпочитать ненадёжное надёжному. Сильная уверенность в том, будто дело совершенно обеспечено, нередко обманчива; а ход, недостаточно обдуманный из желания заслужить славу каким-нибудь новым предприятием, может причинить большой вред. Притом нужда, наставница во всех делах, часто открывает неприятелю глаза на то, чего мы не заметили по гордости и самонадеянности: даже менее искусный противник обращает тогда внимание на то, что при иных обстоятельствах, пожалуй, ускользнуло бы от него.

Кроме того, бывает, что преимущество не только дают, но и принимают взамен другое. Игроки часто считают такие преимущества равными, хотя в действительности они весьма различны и неравноценны. Поэтому здесь нужно быть особенно осмотрительным, чтобы не отдать больше, чем получаешь, и вместо ответного преимущества не понести ущерба. Для наставления приведём несколько примеров.

1. Некоторые считают равноценным уступить противнику пешку королевского слона вместе с правом первого хода и взамен получить право перевести своего короля в угол, на поле его ладьи. Однако лучше оставить короля на своём месте и получить от другого пешку и первый ход. Ведь отсутствие у неприятеля этой пешки, которая, согласно главе 10 первой книги, относится к важнейшим, позволяет при праве первого хода причинить ему большой вред. К тому же весьма полезно и выгодно по возможности лишать неприятеля его оружия.

Примеры взаимной форы: продолжение

2. Иной даёт противнику коня в качестве форы, а взамен получает от него либо пешку королевского слона и два хода, либо такое условие: короля ставят в угол, на поле ладьи, тогда как королю того, кто отдал коня, прыгать не дозволяется. При этом полагают, будто преимущества уравниены. Однако выгоднее получить фигуру. Ведь она — поскольку не только приобретает как преимущество, но и отсутствует у противника — гораздо скорее помогает игроку одержать победу, если он умеет играть и защищаться от двух указанных выше преимуществ.

3. Равноценным считают также следующее соглашение: противнику предоставляют одну неприкосновенную фигуру, которую нельзя взять, а взамен получают его пешку королевского слона и два хода вместе с правом поставить короля в угол. Но тому, кто мало понимает в этой игре и недостаточно в ней упражнялся, лучше, как считается, предпочесть фигуру прочим преимуществам. Иначе ему будет легче играть неверно и допускать многочисленные ошибки; с этой же фигурой он может лучше упражняться против своего неприятеля.

Если же вместо фигуры он примет другое преимущество, не понимая, как вести борьбу, и даже не имея решимости её начать, то проиграет, сколько бы ни старался. Но если он сведущ и хорошо обучен такой игре, тогда лучше предпочесть фигуре другое преимущество. При этом нельзя недооценивать неприятеля: нужно постоянно помнить, что противник склонен и готов ко всевозможным вылазкам и нападениям, а потому никогда не позволять ему сбить себя с верного пути. Даже если уже пошёл на некоторый риск, следует всё же уметь снова хорошо укрепиться и защититься и наконец раскрыть то, что до поры держал под покровом тайны.

Впрочем, может найтись и такой игрок, который, встречаясь с равным ему по знанию этой игры, во всех партиях уступал бы фигуру за вышеупомянутые преимущества, независимо от того, равны ли силы обеих сторон или одна сторона слабее либо сильнее другой. Всё же трудно постоянно следить за каждым движением неприятеля.

Примеры взаимной форы: продолжение

4. Иногда один убирает свою ладью и уступает другому первый ход при условии, что тот, в свою очередь, уберёт коня и пешку королевского слона. При этом полагают, будто преимущества равны. Однако получить ладью взамен этих фигур и первого хода выгоднее, чем отдать её, и игроку следует иметь это в виду. Но он должен стараться так построить игру, чтобы восполнить отсутствие пешки и быстро закрыть образовавшуюся брешь. Кроме того, ладья — превосходная, ценная фигура, на которую можно вполне положиться во всякое время, особенно же под конец, когда положение становится опасным и партия грозит проигрышем.

5. Неопытные могут считать равноценным получить коня от противника, которому они дали ладью в качестве форы, полагая, что сумеют лучше воспользоваться своим конём, чем ладьёй. Но расчёт их неверен. Ведь отдать ладью за коня — значит уступить большее преимущество, чем отдать пешку королевского слона или первый ход. Это ещё опаснее для тех, кто не умеет извлечь достаточной пользы из этой пешки и первого хода: впоследствии они допускают одну ошибку за другой.

6. Если предоставлен выбор получить, помимо коня, либо пешку королевского слона и два хода, либо право поставить короля в угол и два хода, то выгоднее взять коня и пешку вместе с двумя первыми ходами, чем поставить таким образом короля и получить два хода. В первом случае все фигуры лучше подготовлены и расположены к тому, чтобы свободнее начать борьбу и брать неприятельские фигуры. При этом противнику приходится особенно заботиться о своём короле из-за отсутствия пешки его слона.

Прыгающий ферзь

7. Есть и такие, кто предоставляет противнику в качестве преимущества право ходить ферзём по шахматной доске не только обычным способом, но и как конём. Взамен они получают коня, словно при таком обмене остаются в выигрыше и вполне обеспечивают себе безопасность. Но они сильно заблуждаются: ведь ферзь и без того способен действовать больше и ходить дальше всех остальных фигур, а если ему вдобавок дать способность скакать подобно коню, противостоять ему чрезвычайно трудно.

Поскольку от шаха конём нельзя закрыться, а такой ферзь сверх того обладает всеми своими обычными ходами, он способен поставить мат без чьей-либо помощи, хотя у неприятеля ещё остаётся много фигур. Например, если чёрный король стоит на своём поле, а белый ферзь перейдёт на третье поле перед ним, то, если ферзя нельзя взять, королю будет неизбежный мат. Поэтому всякому следует тщательно остерегаться и не соглашаться с лёгкостью на такое условие, разве что за ладью. Если же соглашение уже заключено, нужно постоянно стремиться разменять этого прыгающего ферзя, пусть даже ценой другой хорошей фигуры, или иным наилучшим способом убрать его с доски.

Вот каким образом, как было сказано, можно давать и принимать преимущества.

Как пользоваться преимуществом

8. Получивший от другого преимущество должен уметь им воспользоваться и по возможности направлять свои помыслы на размен одной фигуры за другую, пока не обеспечит себе пользу от полученного преимущества. Мы ведь видим: когда войска двух государей сталкиваются и вступают в бой и одно получает перевес над другим, оно продолжает теснить неприятеля, пока не разгромит его и не стяжает славу выигранного сражения. За это его никак нельзя порицать. Напротив, справедливо достоин порицания игрок, который, получив преимущество, всё же проигрывает потому, что поберёт свой меч, хотя мог бы с великой славой и честью смело пустить его в дело и за свои труды увенчаться королём на поле битвы.

9. Равным образом, если противная сторона получила преимущество, пусть даже самое малое, и могла бы благодаря ему выиграть, другой игрок должен осторожно разменивать свои фигуры, чтобы не проиграть партию или хотя бы не ухудшить и не расстроить своё положение. Ведь нередко из-за этого проигрывают даже при собственном преимуществе. Поэтому при размене фигур — о нём подробнее будет сказано ниже, в главе 4 этой книги, — следует всегда быть осмотрительным, чтобы не привести фигуры в беспорядок и не подвергнуть себя опасности.

Предварительное соглашение игроков

10. Здесь следует напомнить ещё следующее: тому, кто предоставляет другому в качестве преимущества право поставить короля в угол, как уже несколько раз говорилось в этой главе, дозволяется беспрепятственно прыгать своим королём, даже если ему уже объявляли шах, — если только заранее не договорились иначе.

Помимо того что перед началом игры иногда обсуждают подобные преимущества, как сказано выше, ещё нужнее для ясности прежде всего договориться с противником об определённом порядке и способе ведения партии. Здесь требуется основательное и ясное разъяснение всех условий. Например: дозволено ли пешкам избегать взятия, проходя мимо другой пешки? Могут ли короли, когда им объявляют шах, уклоняться от него прыжком, если до того ещё не сходили со своего места? Все ли пешки без различия имеют право прыгать на третье поле? И так далее.

Наконец, следует договориться и о первом ходе — если только он уже не предоставлен кому-либо в качестве преимущества или не принадлежит ему по праву. Именно: право первого хода принадлежит тому, кто дал другому преимущество, если этот другой особо не оговорил или не выговорил себе первый ход при заключении соглашения. В остальных случаях выигравший всегда начинает следующую партию.

Можно, впрочем, следовать обычаю некоторых мест, где проигравший, если играли без денежной ставки, должен уступить своё место другому, чтобы тот сыграл с победителем. Кроме этих случаев, обычно бросают на шахматную доску одну из восьми младших фигур. Если её основание коснётся белого поля, начинает тот, кто ведёт белое войско; если же она таким же образом останется на чёрном поле, первый ход делает играющий чёрными, и так далее.

worden) zum vorthail gibe / daß er / den König / in eine ecke stellen möge: mit seinem Könige / wan ihm gleich Schach geboten worden / und man sich / nicht anderst / etwa vorher vertragen / ungehindert zu springen / erlaubet sey.

Nebest dem / daß man zu Zeiten / ehe man anfanget zu Spielen / umb dergleichen vorthail / (wie obgedacht) sich bekümmert: ist doch fast nötiger / daß man / umb besserer richtigkeit willen / einer gewissen art und weyse / deren nach man / das Spiel zu führen gemeinet / mit dem Segener / sich zu foderst auch vereynige. Dan / man muß hie eine gründliche / und deutliche erklärungs / bey allen sachen haben: Alß: Ob die Soldaten / sich des schlagens zu eussern / und ein ander furüber zu ziehen: Item / ob die Könige / wan ihnen Schach geboten wird / so ferne Sie / von ihrer stelle / noch nichte gewichen / demselben / mit einem Sprunge / zu entweichen: Item / ob alle Soldaten / ohne unterscheid / ins dritte feld zu springen / macht haben: ic.

Schließlich hat man sich auch / wegen des vorzuges / zu vergleichen: Es wehre dan derselbe / einem albereit zum vorthail gegeben / oder gebührete einem von Rechtes wegen: wan nemlich derselbe / dem Andern / einen vorthail gegeben / und dieser ihm / den vorzug / nicht außdrucklich / im vertrage vorbehalten / oder außgedinget hette: Sonsten wer gewonnen hat / der fanget / das folgende Spiel / allzeit wieder an. Wan wolte dan / auf den gebrauch etlicher Orter / sehen / daselbst den überwundene / so ferne das Spiel / umb kein außgesetztes geld / gezogen worden / einem andern / der mit seinem überwinder / hinwider spiele / seine stelle / abzutreten schuldig. Außer diesen fällen / so wird gemeinlich / einer / auß den Acht geringsten Steinen / auf die Tabel / oder Schach: Bret geworffen. Berüret nicht derselbe / mit dem fusse / ein Weißes feld / so fähret derselbe an / welcher den Weißen hauffen führet: Bleibet er aber / auf gedachte weyse / in einem schwarzen felde / so machet der / mit den Schwarzen Steinen / einen anfang / ic.

Das

Глава четвёртая. Как игроку искусно и осмотрительно ходить своими фигурами, выводить их в поле против неприятеля, брать его фигуры, производить размены и, со своей стороны, защищаться

Далее следуют установления, согласно которым надлежит применять средства, описанные в первой главе этой книги. В настоящей главе они будут относиться к действиям тридцати сражающихся фигур, а затем, в следующей, пятой главе, будут изложены остальные правила, касающиеся обоих королей.

Прежде всего, что касается хода, от шахматиста требуется — чтобы игра велась как можно искуснее и изящнее — ходить той фигурой, которой он коснулся. Исключение составляет прикосновение лишь для того, чтобы поправить фигуру на её поле: в таком случае нужно не только объявить об этом словами, но и сразу же убрать руку. Если же он медлит и не сразу поправляет фигуру, легко заключить, что он действительно хотел ею пойти, но передумал, заметив, что этот ход может повредить его игре.

Если тронутой фигурой нельзя двинуть, поскольку поля, на которые она могла бы пойти, уже заняты собственными фигурами, следует сходить другой фигурой, причём из-за этого право хода не утрачивается. Кроме того, поднятую фигуру надлежит поставить на то поле, которого ею коснулись.

Хороший игрок не отказывается так поступить и не пытается оправдываться тем, что ещё не выпустил фигуру из руки. Подобное возражение было бы неприличным, противоречило бы разуму и едва ли встретило бы понимание у противника. Если же игрок отказывается ходить тронутой фигурой, хотя может это сделать, либо соблюдать выбор цвета или поля, которого коснулся, другой вправе собрать свои фигуры и не обязан продолжать партию.

Неправильные ходы

2. Поскольку в этой игре всё должно происходить честно, всякий игрок, сделавший неправильный ход, подлежит наказанию, которое назначит ему противник за внесённый этим беспорядок. Если противник согласен допустить такой ход, он может остаться в силе; если же нет, нужно пойти той фигурой, которую тронули для хода, и поставить её на такое поле, куда ей дозволено ходить.

Это, однако, относится лишь к случаю, когда тот, кому принадлежит указанный выбор, ещё не сделал своего хода. Если же он снисходительно отнёсся к действию другого и вслед за ним двинул фигуру, то тем самым лишается названной свободы и преимущества: ведь создаётся впечатление, что он согласился со сделанным ходом. Ничего не даст ему и последующее заявление, будто он не заметил неправильного хода, которым он стал бы оправдывать свою ошибку.

Если бы подобное допускалось, то и нарушивший правила этой игры мог бы таким же образом заявить, что пошёл неверно, и потому пожелать заново сделать другой ход, ссылаясь на то, что допустил ошибку против своей воли. Таким образом, это установление введено для того, чтобы по возможности предотвратить всякие ссоры и разногласия за игрой.

О двух перемещениях за один ход

3. Не следует также признавать дурной и неправильный обычай, ещё распространённый в некоторых местах, особенно в Италии и Англии, — совершать два хода одновременно: передвигать ладью к королю или на его поле и в то же время заставлять короля прыгать на поле коня либо ладьи; или же двигать пешку вперёд, а короля — на её поле. Хороший шахматист никогда не допускал таких ходов и не соглашался с ними. Не следует предпочитать этот обычай первоначальному установлению и порядку игры, который требует, чтобы между такими перемещениями был сделан ход другой стороны.

Осмотрительность при выборе хода

4. Передвигая фигуры, шахматист должен действовать мудро и обдуманно: ведь однажды допущенная оплошность уже совершилась. Для этого требуется следующее. Во-первых, постоянно собирать свои мысли, не позволять им разлетаться и блуждать, всегда совершать ходы с полной осмотрительностью и не делать опрометчивых ходов, которые послужат лишь на пользу неприятелю. Иначе игрок причинит себе опасный ущерб, который заметит в конце концов, но слишком поздно, когда уже будет побеждён. Ведь необдуманно брать фигуры, как и слишком полагаться на их число, не всегда хорошо и благоразумно.

Во-вторых, нужно думать не только о единственном предстоящем ходе, который собираешься сделать, поступая тем самым вслепую и необдуманно, но и хорошо взвешивать, обдумывать и намечать в уме следующий, второй, третий, а по возможности и дальнейшие ходы. Следует твёрдо помнить: в этой рыцарской игре нет ничего важнее, чем не прятать глаза в мешок.

В-третьих, поэтому следует сохранять спокойствие: как говорили древние, «много гнева — проиграна игра». Играть нужно без поспешности, но с умеренностью и не вызывая досады у другого: не слишком медленно, поскольку это стало бы нестерпимым и несносным, и не слишком быстро, себе во вред и к расстройству всей игры.

В-четвёртых, по той же причине, когда представляется хороший ход, не следует сразу же его делать, прежде чем ещё раз хорошенько подумать, нельзя ли совершить ход ещё полезнее. Когда противник передвинул фигуру, нужно внимательно рассмотреть, правильно ли она выведена в поле по правилам игры и можно ли взять её без ущерба для себя.

Даже если эту фигуру можно взять, всё же следует заранее обдумать, не поставлена ли она так ради осуществления задуманного замысла: быть может, неприятель охотно убрал бы с дороги ту фигуру, которой предстоит её взять, чтобы добраться до короля. В таком случае лучше оставить её стоять и сделать другой хороший ход. Если же взять её нельзя, то прежде всякого другого хода следует внимательно посмотреть, не направлена ли она против какой-либо фигуры, которую сможет взять следующим ходом или которой сможет иначе причинить вред.

Продолжение наставлений об осмотрительности

Если это действительно так, следует отступить или подумать о противодействии. Но если имеются другие ходы, ведущие к мату, не нужно слишком дорожить этой фигурой, задерживаться из-за неё и тем более расстраивать или нарушать ради неё такую игру.

В-пятых, следует также следить за ходами противника. Возьмём один пример из многих: если тот отводит фигуры назад, не будучи к этому вынужден, нужно твёрдо полагать, что он совершает такие ходы ради получения большего преимущества. Поэтому не следует необдуманно и слишком далеко преследовать его при отступлении, чтобы потом не пришлось слишком поздно раскаиваться в поспешной погоне. Лучше иначе хорошо устроить свою игру для осуществления собственного замысла.

В-шестых, пока другой обдумывает, какой ход ему сделать, противная сторона должна вести себя тихо и спокойно. Если в это время она станет много говорить, петь или устраивать иное шутовство, чтобы сбить его с мысли, это считается непристойным поведением за игрой и так поступать не подобает. Более того, прибегающий к подобным проделкам теряет за это треть поставленных им денег. Ведь эта игра требует тишины, а не шума; во время неё надлежит отказаться от любых разговоров, которыми один может мешать другому играть и обдумывать ходы.

Замысел и согласованность действий

5. Шахматист должен выстраивать свои ходы так, чтобы побеждать неприятеля скорее силой, чем случайностью или благодаря его недосмотру и небрежности, и прежде всего внушать ему страх и опасение. Ведь тот, кто не умеет хорошо видеть игру и устраивать её, тем скорее и легче терпит поражение и утрачивает свою твердыню.

Однако игрока отнюдь нельзя порицать за то, что он умеет обойти противника уловкой и обмануть его ожидания. Например, он может сделать вид, будто собирается воспользоваться фигурой, мало опасной для неприятеля, и держать над нею руку, не касаясь её, а затем, когда противник сходит, сделать другой фигурой более полезный для игры ход. Или он обращает взгляд туда, где опасность меньше всего, чтобы заставить другого насторожиться и внимательно следить за этим местом, упустив из виду более опасный участок. Или выводит пешку в поле и рискует ею, вводя другого в заблуждение: если тот поспешно возьмёт её без дальнейшего размышления, следующим ходом можно будет получить лучшую фигуру и преимущество.

Наконец, шахматист должен так ходить своими фигурами, чтобы они стояли недалеко друг от друга в хорошем порядке. Иначе, когда их строй разомкнётся и будет нарушен, противник получит возможность нападать на них со всех сторон. Даже если партия уже почти выиграна, нельзя продолжать играть необдуманно, словно победу уже невозможно отнять. Желая выиграть должен всё же по возможности держать пешки и остальные фигуры вместе. Если он слишком далеко расставит и рассеет их, так что одна не сможет легко защищать другую и приходить ей на помощь, неприятель ещё сумеет без большого труда что-нибудь у него выиграть.

Выведение фигур в поле

Довольно о ходах вообще. Что же касается выведения фигур в поле в частности, то, во-первых, шахматисту следует выдвигать вперёд пешки короля, ферзя и обоих слонов настолько, насколько это возможно и полезно. Но нужно внимательно следить за ними, чтобы не потерять их по опрометчивости. Здесь необходима особая осторожность: всё положение надлежит рассматривать с величайшим вниманием, как будет объяснено далее, когда речь пойдёт об устройстве игры и о том, когда полезно двигать ту или иную фигуру или пешку, а когда оставлять её на месте.

Если такие ходы совершаются без особого старания, нередко случается, что пешки, которыми в надлежащее время ходить полезно, продвигают несвоевременно и с большим ущербом. Тогда не только король, как важнейшая фигура, оказывается в опасности, но и другие фигуры из-за возникшего беспорядка легко теряются.

Развитие и нападение

2. Кроме того, игрок должен стараться во всех партиях как можно скорее выводить в поле шесть фигур — обоих коней, слонов и ладьи, — чтобы иметь возможность пользоваться ими при любых обстоятельствах. Иначе единственной фигуре, которой он ходит, придётся ожидать многих нападений и оттеснений по всей доске, особенно если она не может безопасно отойти назад или легко получить помощь от других фигур. Несколько же фигур, действующих согласованно и способных удобно помогать друг другу, могут оказывать неприятелю более сильное сопротивление и лучше защищаться, чем одна или даже многие, рассеянные по разным местам.

Нельзя считать победой причинение вреда неприятелю, если сам остаёшься без выгоды и тоже несёшь ущерб: это всё равно что сразить врага, но и самому остаться лежать на поле битвы. Разумному человеку следует так устроить свои дела, чтобы одолеть неприятеля и подчинить его своей власти, не подвергая себя опасности.

3. Выводя коня в поле, следует, после того как он проникнет за первую стражу неприятеля, поставить его так, чтобы одновременно с шахом вражескому королю он угрожал гибелью ферзю, ладье или другой фигуре. Тогда, поскольку неприятельский король должен отступить, если коня нельзя взять, следующим ходом конь безопасно и беспрепятственно возьмёт одну из этих фигур.

4. Далее, если шахматист, имеющий первый ход, намерен напасть на неприятеля в его расположении, он должен уметь осуществить этот замысел и всегда оставлять свободным и открытым путь для возвращения, если того потребует необходимость. Иначе, когда ему придётся отступать, отсутствие такого пути станет причиной его гибели.

5. При нападении игроку следует также помнить, что одни фигуры легче захватить и заставить врасплох, а другие труднее. Пешки, поскольку им не дозволено отступать ради своего спасения, ловятся легко и быстро. Слонов и ладьи поймать гораздо труднее: когда им грозит беда, они могут убежать с одного края доски на другой. Наконец, коней и ферзя захватить труднее всего, потому что у них, особенно у ферзя, много полей для отхода и спасения.

О взятии фигур

Что касается взятия, то, подобно тому как шахматисту нельзя без нужды касаться собственных фигур, следует вовсе не трогать и фигуры противника, если только он не может снять такую фигуру с её поля и не намерен поставить на её место свою. Если же он поднимет фигуру противника, а затем заметит, что может распорядиться ходами иначе, лучше и полезнее, и потому поставит её обратно, это будет совершенно противно порядку игры. В самом деле, прибегающий когда-либо к такому обращению с фигурами должен немедленно лишиться по меньшей мере поставленных им денег.

Далее следует внимательно наблюдать за противником, когда тот снимает или берёт фигуру. Иногда случается, что он по ошибке либо хитростью, заметив невнимательность другого, убирает собственную фигуру, которая ему мешает, чтобы улучшить своё положение и получить преимущество в ходе. Такой ход считается неправильным. Другой игрок, заметив это и не желая согласиться, вправе потребовать исправления хода и возвращения фигуры на то место, откуда её сняли.

Впрочем, снятие собственных фигур случается весьма редко. Если же это произошло, игроку надлежит извиниться за ошибку и объяснить, что он действовал не ради обмана или уловки. Прежде чем противник двинет фигуру, он должен вернуть по ошибке снятую фигуру на прежнее место — поскольку это не противоречит порядку и природе игры — и сделать свой ход иначе. Если же он тем временем совершит другой ход и умолчит об ошибке, ему поставят это в большую вину, даже сочтут и назовут бесчестным поступком.

Исправление неправильного взятия

Равным образом, если кто-либо берёт фигуру противника посредством фигуры, которой не дозволено такое взятие, следует обратить внимание, своя ли это фигура или неприятельская. Если своя, то он должен сделать ею ход, когда не может взять неправильно снятую фигуру другой своей фигурой. Если же она принадлежит другому, он извиняется и обязан в таком случае сделать иной, правильный ход.

Ведь обычай этой игры, в которой всё должно происходить чинно и честно, состоит в том, чтобы брать неприятельские фигуры лишь такими фигурами, которым это дозволено её установлениями. Взятие указанным выше неправильным способом считалось бы также легкомыслием и коварством.

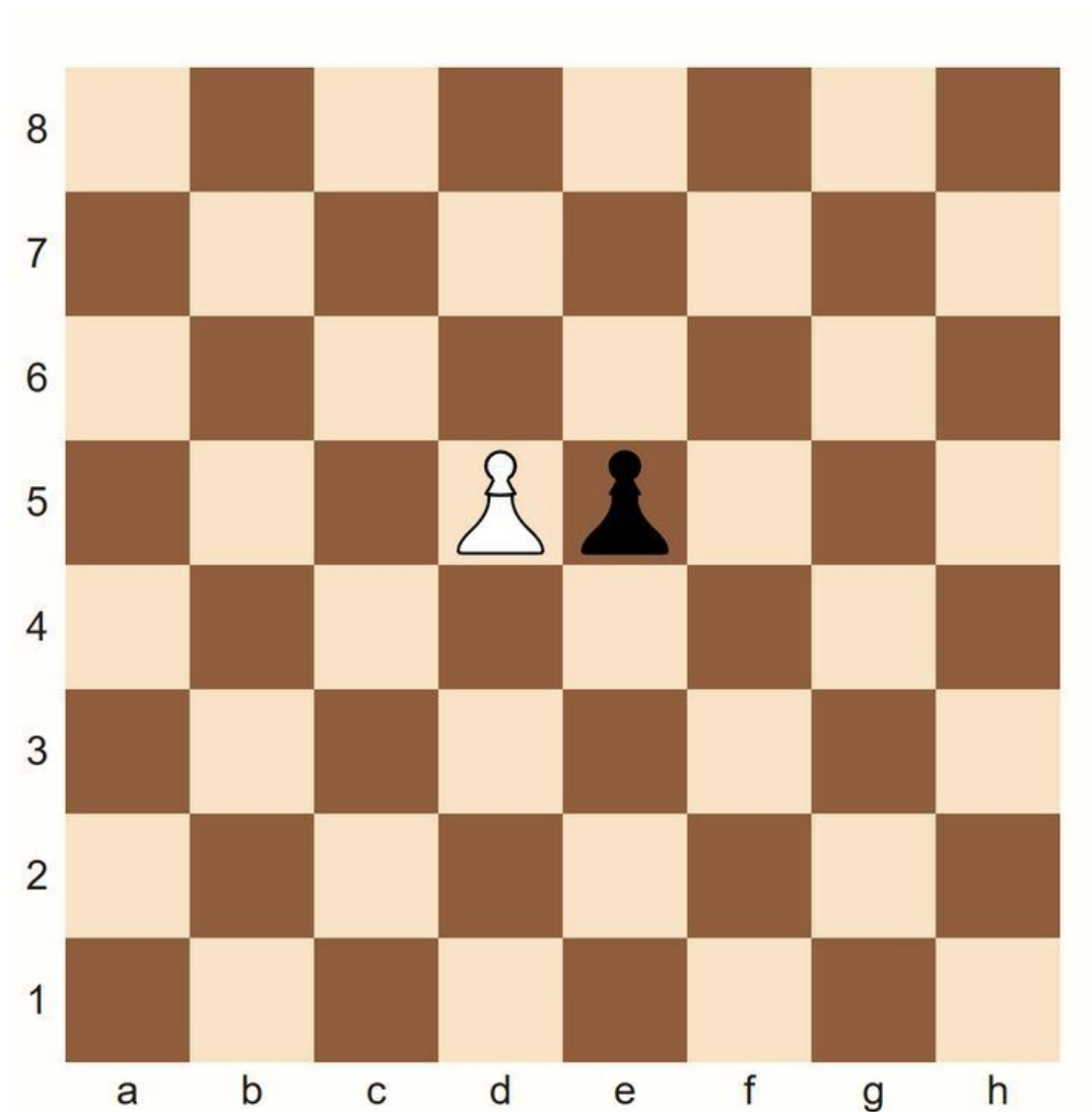
Особое правило о пешках

Выше, в главе 10 первой книги, уже говорилось, что ни одна пешка не может пройти мимо пешки другого войска без согласия его предводителя. Если один из игроков всё же продвинет пешку, которой следовало бы взять неприятельскую, мимо неё на ближайшее поле впереди, другой вправе снять эту пешку с той линии, на которой она стоит. При этом свою пешку он должен поставить на оставшееся позади поле, где прежде стояла прошедшая пешка и откуда ей надлежало совершить взятие.

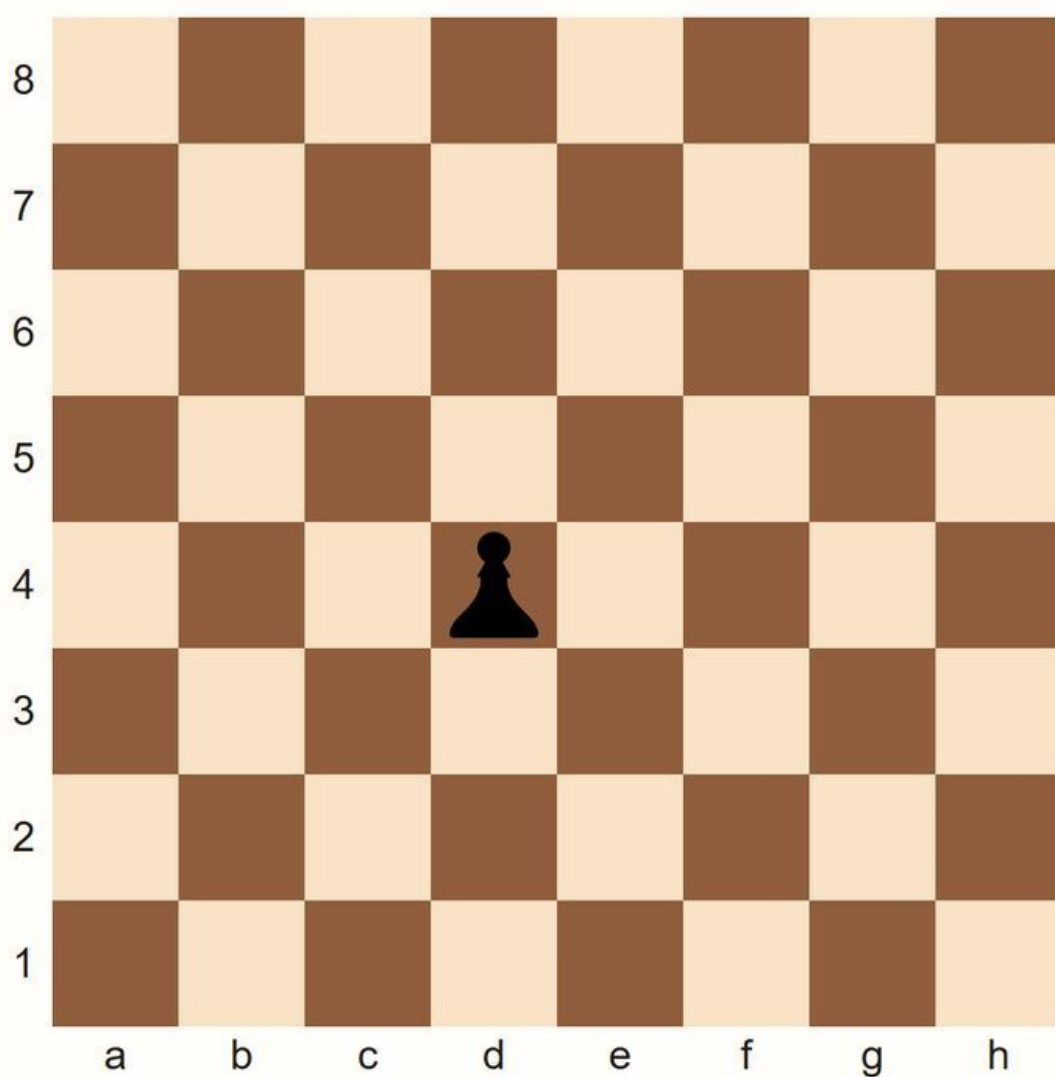
Если же он тем временем сделает другой ход, то впоследствии уже не вправе снять эту пешку. Ведь прежде в его власти было взять её указанным способом или оставить стоять.

Например, один выводит пешку белого ферзя настолько далеко, насколько ей дозволено вначале, то есть на четвёртое поле её линии. Другой также двигает пешку чёрного короля на наибольшее расстояние, дозволенное первым ходом, а именно на четвёртое поле его линии. Если затем первый не хочет брать пешку чёрного короля, а продвигает свою пешку вперёд на четвёртое поле чёрного ферзя, второй берёт её. Свою пешку он ставит не на то поле, где снял неприятельскую и которое находится сбоку от него, а на четвёртое поле белого ферзя, лежащее позади неё: оттуда прошедшая пешка прежде должна была взять и атаковать его пешку, поскольку иного условия не было оговорено.

Перед историческим взятием: после d2–d4, e7–e5, d4–d5 белая пешка стоит на d5, чёрная — на e5. Показаны только пешки авторского примера. Очередь хода для этой схемы не задана.

После исторического взятия: чёрные снимают белую пешку d5 и переводят свою с e5 на d4. Это особое правило Селенуса, а не современное взятие на проходе. Остальные фигуры не показаны. Очередь хода для этой схемы не задана.

Однако понимать это следует лишь применительно к определённым полям. Когда пешки заняли первое поле неприятельской стороны, то есть, при счёте с другой стороны, его четвёртое поле, в дальнейшем им дозволено по выбору брать или проходить мимо, если не оговорено иначе.

Порядок пешек и особые условия взятий

При взятии пешек шахматист должен по возможности остерегаться ставить одну свою пешку позади другой, поскольку это стесняет движение задней; мешающую неприятельскую фигуру лучше снимать другой фигурой. Исключение составляет случай, когда таким способом можно приобрести хорошую фигуру и лучше устроить игру либо когда это необходимо для защиты от какой-либо фигуры. Ведь свои силы всегда следует располагать так, чтобы ни одна фигура не мешала другой двигаться, удобно защищаться и успешнее вредить неприятелю.

Хотя две пешки, стоящие на одной линии по направлению к неприятельскому войску, иногда могут теснить его словно две отдельные фигуры, обыкновенно они причиняют ему не больше вреда, чем одна. Часто они мешают собственным товарищам и в таком беспорядке не способны наносить противнику тот ущерб, который могли бы причинить, находясь в должном строю и на надлежащих местах, — разве только по случайности или из-за его небрежности. Поэтому их оценивают так, словно они сняты со своих мест и с доски, а боевой строй нарушен и разорван.

Далее, фигуры, которым по условию игры предоставлены неприкосновенность и безопасный проход, так что ими можно без опасения ходить туда и сюда сообразно пользе игрока, не боясь, что их задержат или возьмут, противник не может брать никаким способом. С пешками же, получившими такую неприкосновенность, дело обстоит иначе, чем с фигурами. Когда эти пешки превращаются в ферзей, их вполне можно брать, если только заранее особо не оговорено исключение. Ведь, став ферзями, они уже не являются пешками, и нельзя сказать, что взята пешка: взят ферзь. Поэтому и этот случай следует ясно оговорить, чтобы никто не оказался в невыгодном положении.

Наконец, игроки иногда договариваются, что ни один из них за всю партию не возьмёт более трёх фигур из шестнадцати. В таком случае нельзя спешить со взятиями и разменами: нужно внимательно выбирать для этих трёх взятий те фигуры, которые могут причинить наибольший вред. А свои фигуры, поскольку большинство из них противник обязан оставить, следует ставить на такие поля, откуда он мог бы сильно вредить, если бы сам владел ими.

О разменах

Если в прочих действиях и при взятии неприятельских фигур требуется осмотрительность, то при разменах она нужна ещё больше. Когда разменивают без пользы и лишь отдают фигуру за фигуру, партию после этого легко проиграть. Иногда же не выигрывает никто, игра проходит впустую и не достигается её истинная цель и польза — удовольствие и упражнение памяти и разума. Поэтому шахматисту надлежит внимательно соблюдать следующие правила.

1. Если он видит, что противник умеет обратить себе на пользу все свои фигуры и выгодно ими пользоваться, ему не следует давать повода к размену, разве что без него невозможно осуществить хороший замысел против неприятеля.

2. Если он замечает, что противник лучше играет ферзём, чем другими фигурами, и сам может после размена удобнее устроить свою игру и увереннее её вести, ему следует разменять своего ферзя на неприятельского. Ведь многие, лишившись ферзя и не зная правильного употребления остальных фигур, не понимают, как дальше довести игру до конца. Равным образом встречаются игроки, лучше владеющие конями, слонами или ладьями; в таком случае следует разменивать и эти фигуры, лишая их противника, поскольку этим достигается большое преимущество.

3. Следует по возможности остерегаться разменивать своего королевского слона как на другого слона, так и на королевского коня: ведь этим слоном можно постоянно нападать на неприятеля. Если всё же решено его разменять, то делать это нужно в подходящее время либо по необходимости. Тогда надлежит больше считаться с непосредственным ущербом, чем с будущей пользой, особенно если первый значителен и неотвратим, а вторая не слишком надёжна и определённа.

4. Нельзя отдавать или разменивать фигуру за две и даже за три пешки, хотя бы это и казалось хорошим решением, — если только не вынуждает необходимость или этим нельзя окончательно покончить с неприятелем. В таком случае выгодно разменять её не только за две, но даже за одну пешку.

Описанным выше образом должен действовать игрок, желающий направить свои фигуры против неприятеля, напасть на него, взять или разменять его фигуры. Но поскольку не менее важно уметь защищать собственное войско, для этого ему послужат следующие правила.

О защите собственного войска

1. Если игрок не желает нападать на неприятеля первыми ходами, а намерен только защищаться, он может подпустить другого, чтобы тот атаковал его фигуры. Но первому натиску неприятеля следует оказать достаточное сопротивление и продумать все средства, позволяющие воспрепятствовать его отступлению.

2. Игроку не следует оставлять пешку без прикрытия. Напротив, нужно держать все пешки близко друг к другу, чтобы задняя по возможности всегда могла защищать переднюю. Открыто стоящие пешки трудно защитить, если только не приходится двигать их таким образом ради особого приобретения, улучшения своего положения или иной существенной причины, возникающей в игре.

Поэтому, если крайняя необходимость не требует иного, всегда лучше хорошо укреплять пешки и не ставить их далеко друг от друга. Ведь остальные фигуры достаточно заняты собственной защитой и не всегда могут своевременно протянуть им руку помощи в нужде. Как только строй разомкнут, а фигуры беспорядочно расставлены в разных местах, неприятель получает гораздо больше возможностей напасть на них, чем если они стоят вместе в хорошем порядке и стойко держатся.

3. Желаясь защищаться игрок должен усердно стремиться к тому, чтобы немногими силами встречать многочисленных наступающих неприятелей и отражать их натиск. Дальнейшие наставления об этом будут показаны и изложены в следующих примерах.

1.) Wan einer nicht laß hat/ seinen feind/ mit den ersten zügen/ anzugreifen/ besondern sich nuhr beschützen wil/ so sol Er den andern/ umb seine Steine anzugreifen/ nuhr wol herbey kommen lassen/ doch dem ersten ansprengen des Feindes/ gnugsamen widerstand thun/ und alle mittel/ umb dem Andern/ das zurucke-weichen/ zu verhindern/ erdencken und erfinden.

So sol (2.) ein Spieler/ einen Soldaten/ ohne versatzung/ nicht stehen lassen/ besondern dieselben semptlich/ auf daß der hinterste/ den fordersten/ zu jederzeit/ so viel möglich/ beschützen möge/ nahe bey ein ander/ behalten. Dan die Soldaten/ welche bloß stehen/ schwerlich schutz haben/ es wehre dan/ daß man Sie/ umb etwas sonderliches zu gewinnen/ oder das Spiel dadurch/ in einen bessern stand zu bringen/ oder aber wegen einer andern erheblichen ursache/ die im Spiele fürfallen möchte/ also ziehen müste. So fern es demnach/ die höchste noth/ nicht anderst erfordert/ so ist es allezeit besser/ daß Sie immer wol entsetzet/ und nicht weit/ von einander gestellet werden. In erwegung/ die andere Haupt-Steine/ weß Sie/ mit ihrer eigenen beschützung/ gnugsam zu schaffen/ ihnen in der noth/ die hülffliche hand/ der nothturft nach/ nicht allezeit bieten können. So erlanget auch der feind/ so bald die ordnung gedöset/ und die Steine/ hin und wider/ unordentlich gesetzet sind/ viele bessere gelegenheit/ sie anzugreifen/ alsz wan sie/ in einer guten ordnung/ bey ein ander stehen/ und stand halten.

So sol (3.) ein Spieler/ welcher sich beschützen wil/ fleißig dahin trachten/ daß Er nuhr mit wenigen/ vielen hereintringens den Feinden/ begegnen/ und ihr ansprengen/ zu rücke treiben dörfte: davon dan in den folgenden Exempeln/ weitere nachrichtungen/ sich werden erzeigen/ und angeben.

Глава пятая. Как объявлять королю шах и ставить мат, а также как действовать королём и защищать его; и как надлежит поступать игрокам, когда под конец партии у обеих сторон остаётся мало фигур и силы равны

Далее, согласно порядку, указанному в начале предыдущей, четвёртой главы, тот из игроков, кто объявляет шах, должен показать и указать, какой фигурой он дан. Если он не укажет этого, а тем временем сделает другой ход, то уже не сможет заставить противника уйти из-под шаха.

Исключение составит случай, когда он передвинет ту самую фигуру, которой прежде дал шах, вперёд или назад на другое поле, тем самым объявит и укажет шах во второй раз, а неприятельский король всё ещё будет стоять на таком поле, которому эта фигура по правилам игры может угрожать шахом. Тогда другой обязан отвести короля из-под шаха, если не может закрыться от него или взять шахующую фигуру.

При этом следует заметить: пока противник ещё раз не объявит и не укажет шах, король может ходить по той же линии, невзирая на неприятельскую фигуру, словно никто ему не препятствует.

Продолжение правил о шахе

Далее, если кто-либо сделал ход фигурой, дающей шах неприятельскому королю, но заметил это не сразу, а лишь через несколько ходов, не следует брать сделанные ходы обратно и восстанавливать прежнее положение. Упустивший это может пенять на себя за потерянную хорошую возможность. Из-за одной небрежности нельзя приводить в беспорядок всё войско. Иначе получилось бы, что игрок одновременно передвигает две фигуры: одной объявляет королю шах, а другой подстерегает хорошую фигуру, чтобы захватить её. Но это, как видно из предыдущей главы, противоречит обычаю игры.

К тому же это выглядело бы так, словно игрок желает восполнить и исправить упущенное или незамеченное вопреки своему знанию и совести, которая должна стремиться к справедливости. Впрочем, случается, что кто-нибудь играет сразу двумя фигурами. Если это с самого начала произошло без умысла и было оставлено без внимания, справедливо сохранить случившееся и не менять его задним числом. Если же таким способом хотят исправить прежнюю ошибку, это вполне можно воспретить и не допускать.

Поэтому, когда фигура передвигается так, что может достичь короля и следующим ходом покончить с ним, если он не отойдёт или иначе не защитится, следует всякий раз объявлять шах. Тогда, видит ли противник этот ход или делает вид, будто не заметил, ущерб от упущения и недосмотра надлежит вменять лишь тому, кто не обратил внимания на объявление шаха.

Далее, если игрок закрыл своего короля от шаха одной из фигур и тем самым отразил шах, а затем, прежде чем король уйдёт с прикрытой линии шаха, переставит эту фигуру на другое поле и оставит короля открытым, хотя неприятельская шахующая фигура всё ещё неподвижно стоит на той же линии, такой ход, будучи замечен, считается неправильным. Другому предоставляется решить, допустить его или нет. Если он с этим ходом не согласен, то вместо неправильно передвинутой фигуры должен пойти король, на которого возлагается наказание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.